

Фантастический роман

Часть первая. ПРОЩАНИЕ

На ладони профессора Бенца блеснули ампулы.
— Вот, дети, и свершилась мечта моей жизни. Я создал деморфин и могу овладеть временем, — сказал он ассистентам.

— Временем? — переспросил Маттис. — Не понимаю, какое отношение все это имеет к ракетному топливу, профессор...

Бенц поерзал в кресле:

— Никакого. Это имеет отношение к дефициту времени. Тебе не приходилось когда-либо испытывать страшное состояние, будто для решения проблемы не хватает одной ночи?

Ассистенты недоуменно переглянулись.

Журнальный вариант.

— Так вот, — продолжал Бенц, глядя на Клаузена, было обидно, что любимый ученик не разделяет его торжества, — так вот, одна таблетка деморфина, и всю ночь можно работать как никогда. И не одну ночь подряд. Притом совершенно не во вред здоровью.

Наступила пауза. Ее прервал Моран:

— Конечно, работать еще и по ночам — заманчиво, профессор. Но что это даст, например, нам? Мы не можем найти новое топливо, не можем! И вряд ли нам помогут ночные бдения! Что же до промышленного применения деморфина... — Моран безнадежно махнул рукой, — так там и так достаточно лишних рабочих рук.

Бенц поднял голову и посмотрел на Морана:

— Деморфин не средство для болванов и тупиц. Что же касается нас, то мы на сегодня действительно не можем сделать высокоэнергетическое и при этом экономичное топливо для ракет. То, что требует от меня комитет переселения, должно энергетически превосходить все известное нам. А у планеты нет ресурсов. Сейчас же мне нужен эксперимент. Я дал объявление в частной газете Морланда о продаже некоей панацеи... Так вот, покупатель уже есть. Я не миллионер, чтобы раздавать деморфин бесплатно... Разумеется, покупатели лица частные. И мы с вами будем вести наблюдение за ними, на основании которого решим, кто же станет основным заказчиком нашего изобретения. Вот, собственно, и все, что я хотел сказать вам. Сейчас все свободны.

— Одну минуту, профессор, — задержал всех Маттис, — вчера опять приходил представитель Верховного ведомства. Они торопят. Вот-вот с Аркоса вернется Моррис. Разговаривают так, профессор, словно вы не верите в переселение или не заинтересованы в нем.

Бенц посмотрел на смущенного ассистента:

— Что ж, это хорошо, что скоро вернется Моррис. Мне есть что сказать министру экологии.

...Бенц пошел домой пешком. Он хотел, чтобы ходьба утомила его и не так раздражали мысли о непонимании его учениками, о недоверии правительства.

И все-таки раздражение овладевало Бенцем. Он сердито спрашивал себя, почему только Шейла, его внучка, понимает его, зажигается его идеями, умно, точно, тонко развивает их, а его ученики, соратники, в которых он вложил столько сил, лишь аккуратные исполнители его воли. Как бы хотелось иметь настоящих последователей!

Бенц подумал о Клаузене. Тот все понял, все делает, но хоть бы капля интереса! Может быть, новое поручение пробудит в нем интерес? Тот интерес, который притуплен годами безрезультатных исследований лаборатории? Надо будет поговорить с ним с глазу на глаз. И лучше всего — дома...

Бенц любил этот уголок парковой зоны, где стоял его дом. Проходя по анфиладе комнат, он машинально повсюду зажигал свет. Подумал о Шейле. И зачем его внучке жить вдали? Правда, это он сам купил ей дом в центре города.

Служанка сказала, что Шейла ужинать не придет. Что ж, он так и знал! Опять один. Вот и служанку придется послать с поручением...

Бенц подкатил к камину столик с накрытым на нем ужином. Холодный ужин... Крис умела его приготовить! Умерла Крис, умирает планета. Хорошо, что Крис не дожила до этих дней. Она так любила лето! А теперь и лета почти нет... Должны в конце концов что-то решать с переселением. Не зря же, наверное, сидят на Аркосе экологи. Сам Пэт Моррис с ними — молодой, знающий, энергичный! Министр экологии, сын Верховного, ученый талантливый, умница. Да, и все же жаль, что Крис не дожила. Она так любила путешествовать!..

В проходной Надди встретился со своим приятелем из утренней смены, Саадом. Тот удивленно пожал ему руку:

— Что, решил все-таки заглянуть на собрание? Не ожидал, что ты интересуешься их борьбой.

— А я и не знал о собрании. Меня интересуют только деньги. — Надди свысока посмотрел на хрупкого, маленького Саада.

— Тогда отчего в неурочный час? До смены еще есть время, давай покурим.

Они отошли к стене, вынули сигареты.

— Да вот, решил выйти в вечернюю. Может, и в ночную останусь.

— Что, поменялся с кем-нибудь? Хочешь утро освободить?

— Да нет, утром выйду как положено.

Саад недоуменно пожал плечами:

— Ты представляешь, что с тобой будет? Устанешь, допустишь брак, выбросят на улицу. Тогда рабочий комитет ничем не сможет тебе помочь — ты у них не числишься.

— Не будет брака, — Надди хохотнул. — Будет тройной заработок, приличная квартира, приличная одежда мне, моей жене и ребятишкам. И вообще, — продолжал Надди, — если я захочу, смогу работать по четыре смены, проживу лучше самого господина Крюгера!

Саад опасно оглянулся.

— Да ты вообще соображаешь?

— Вполне! — Надди приосанился. — У меня одна штука есть... Поставишь выливку — скажу.

Саад заинтересованно посмотрел на приятеля.

— За мной не пропадет. Ну?!

— Во вчерашней газете дали объявление. Один профессор, забыл, как зовут, выдумал лекарство, чтобы никогда не уставать, всегда быть здоровым и свежим. Понимаешь — не надо тебе спать! Ты ее, таблетку, проглотить и сразу вроде отдохнул. Так я прикинул, если старик не врет, моя ночная выработка будет соответственно выше дневной. А расчет — это уж дело хозяев, надеюсь, они не обидят. Сколько заработаю — все мое.

Саад присвистнул.

— Вот до чего наука дошла! — Потом сдвинул берет, почесал затылок. — Попробуешь, скажешь?

— А здесь и говорить нечего. Я уже был у этого профессо-

ра, и он велел приходить к нему через день, отмечаться. Вроде следить за мной будет. Бесплатно, конечно. Для науки.

— А он не шарлатан, твой доктор?

И тут Надди осекся и заторопился в цех. Вспомнил, что и Кэс так же отозвалась о профессоре. Она не могла простить мужу сорока форлингов, выброшенных, по ее мнению, явно зря на какую-то отраву. Плевать она хотела на объяснения и обещания! Накричала, заплакала, так было жаль денег, а потом сказала:

— Можешь жрать свои таблетки. А я не буду. И так валюсь от усталости. Я устаю от тебя, от детей, от конвейера. Не дам никому отнимать еще мой сон! Не дам, и все! Я имею право спать хотя бы четыре часа в сутки...

Спорить с женой было бесполезно. Надди сел к столу. Молча начал есть. Потом вышел в кухню, принял таблетку. И когда надел пальто, крикнул жене:

— Я на завод. В дневную...

Кэс замерла с ложкой у рта. Надди только утром вернулся с ночной смены.

Дома Саад рассказал про Надди и про чудеса врача, показал жене газету с объявлением. Та, усмехнувшись, покачала головой:

— Ну до чего же ты доверчивый дурак! Вот пусть он и надрыгается подопытным у этого старика... Деньги и по-другому можно заработать!

Серый песок начал вспыхивать зелеными бликами. Его коснулись рассветные лучи Эпсилона. Закричала птица. Берег, казалось, вздохнул свежим ветром и проснулся. В реке заиграла рыба.

Это были любимые часы Пэта Морриса, начальника бееанской экспедиции на Аркосе. Он вынес из палатки раскладной столик и, подставляя лицо свежему ветру, уселся за составление отчета об экспедиции. В этот последний день на Аркосе нужно еще многое успеть. А утро было таким хорошим, что Моррис никак не мог сосредоточиться. Пение птиц, воздух, пахнувший рекой и лесом...

Отчет предполагал лаконизм и строгость, без лишних слов доказывающие, что планета Аркос системы звезды Эпсилон пригодна для проживания бееанцев. Из-за горизонта показался серп Эпсилона, и сразу же река, и луг, на котором расположился лагерь экспедиции, и лес за рекой заискрились радостным сиянием.

«Слишком много света здесь, глазам бееанцев поначалу будет нелегко», — подумал Моррис и решил поговорить об этом с Максом Крауфом, врачом экспедиции, хотя довольно хорошо знал его мнение об этой планете. Покопавшись в ворохе бумаг, извлек оттуда докладную Крауфа: «Считаю планету Аркос пригодной для проживания населения Бееаны. Ввиду отсутствия необходимого для переброски на Аркос всего населения Бееаны ракетного топлива считаю целесообразным основать на Аркосе

колонию бванцев, в число которых войдут наиболее развитые в физическом отношении, прошедшие тест на выживание люди. Подробный план и систему отбора прилагаю...»

Моррис хмыкнул. Не хочет все-таки Крауф расставаться с идеей колонии!..

Моррис порой поражался убежденности врача и биолога экспедиции. Он знал, что Крауф будет последовательно отстаивать свою идею колонии, отстаивать, несмотря ни на что. И поэтому больше, чем кому-либо, верил Крауфу.

Весь диск Эпсилона поднялся над горизонтом. Моррис услышал, как в палатке Крауфа зазвенел будильник. Моррис потянулся на стуле и пошел к нему.

Врач возился с аккумуляторным кипятильником.

— Опять забыли позавтракать? — улыбнулся он Моррису.

Моррису нравилось, что Крауф прежде всего видит в нем друга и ученого, а уже потом — начальника экспедиции, министра и наследника Верховной власти. Он сел на складную кровать и ответил:

— Устал от консервов. Никакого аппетита. Да и сна. И вы еще подбавляете... Как вам непонятно, Макс, что о вашей идее колонии не может быть и речи! Что же, Верховные останутся на Беане? Конечно, нет. Они хотят одного: переселения с максимумом удобств. С максимумом, Макс!

— Не горячитесь, Пэт. Сначала нужно позавтракать. Ну а если говорить о деле, то в первую очередь надо спасти цивилизацию, а не элиту. Это первое...

— Вы говорите как рабочий лидер, — усмехнулся Моррис, — и если бы не ваши заслуги, я бы вас арестовал. — Он посмеялся.

— А второе касается вашего сна и аппетита, — не слушая его, продолжал Крауф, — вы напрасно давитесь дистиллятами. Вот, — он кивнул на кипятильник, — необыкновенно вкусная вода. Аркосская вода. К тому же сейчас я угощу вас яичницей местного производства. Вчера нашел гнездо. Как-нибудь встречу хозяйку этого гнезда и употреблю ее на жаркое. Так и быть, приглашу вас, попируем!

Давно Моррис не испытывал такого удовольствия от еды. Эта яичница — неплохое доказательство в пользу переселения! Угостить бы ею Верховных!.. На Беане о натуральных продуктах почти забыли. Уж рядовое-то население — точно. Атмосфера загрязнена. Гибнет скот, гибнут пастбища. Остались только высокогорные, где еще держат фермы, но их продукция едва хватает на обеспечение элиты, правящих ста трех семей.

— Кстати, Пэт, — сказал Крауф, — помните то явление, которое мы с вами наблюдали здесь во время первой экспедиции? Небесные иголки?

— Еще бы! Такое нечасто увидишь, — ответил Моррис.

— Вчера, поздно вечером, я опять видел это. Должен сказать, что все слишком похоже на космические корабли, Пэт. Кстати, где вы вчера пропадали после полудня?

Пэт Моррис взглянул на Крауфа. Выражение отрешенности на его лице сменилось раздумьем, потом посуровело, как у человека, принявшего окончательное решение.

— Я ходил купаться, — жестко ответил он. — Я устал. И ничего не случилось.

...Когда в аппарате что-то щелкнуло и экран погас, первой у Пэта Морриса мелькнула мысль: какая удача, что подарок инопланетян попал именно к нему в руки. Он осторожно поднял аппарат и на блестящей поверхности его рассмотрел барельеф человека с широким выпуклым лбом и волевым подбородком. Чуть ниже располагались два овала, на которых отчетливо различались континенты, горы, океаны. По всей поверхности аппарата были разбросаны точки различной величины. Одна из них, совсем маленькая, светилась голубым светом. Это была карта звездного неба, которую Моррису никогда не доводилось видеть.

Пэт Моррис вздрогнул: звук зуммера напомнил ему, что аппарат продолжает работать. Он еще раз осмотрел поверхность и увидел крохотный тумблер. Он повернул его, и поверхность аппарата медленно стала раздвигаться. Показался небольшой экран. Потом что-то щелкнуло, и экран засветился.

Привалась спиной к стволу дерева, Пэт Моррис с жадным интересом всматривался в жизнь чужой цивилизации. Техническое совершенство инопланетян потрясло его. Но больше всего его поразили люди. Как они не были похожи на беанцев — хмурых, озлобленных, разделенных стеной бедности и богатства. Впрочем, отметил он, когда перед ним прошли картины истории далекой цивилизации, и у них, называющих себя землянами, тоже не все было гладко. Но победила справедливость.

В аппарате что-то опять щелкнуло, и экран погас. Какая удача, подумал Моррис, что подарок инопланетян попал в руки именно ему.

...Крауф убирал со стола.

— Это хорошо, что ничего не случилось. Ну а что же все-таки мы скажем там, на Беане, Пэт?

— А как вы сами думаете? Уж во всяком случае не будем развивать ваши душеспасительные идеи. Не то Верховные, чего доброго, отвергнут весь проект. Все упирается в топливо. Поедем, что скажет Бенц.

Крауф пожал плечами.

— Вы не верите в Бенца? — настороженно спросил Моррис.

— Бенц тут ни при чем. Беана сыграла в ящик, простите за грубость. Таков мой окончательный диагноз нашей родной планеты.

— В этом наихудшем случае я буду настаивать на отправке на Аркос технологического авангарда, который, по крайней мере, поставит здесь техническую базу. И который, может быть, здесь на местных ресурсах решит вопрос топлива.

— Это время, Пэт, время! Нас торопит не только экологический кризис на Беане,стораживает появление космических иглоков возле Аркоса. Вдруг это конкуренты? И не одни мы ищем дочернюю планету?

— Вот в этом вы правы, Крауф. Вероятность встречи с инопланетянами меня тоже крайне беспокоит. Так что нужно спешить. — Мысленно перед глазами Морриса вновь пронеслись лица землян, озаренные золотистым светом их звезды. Нет, этим

дочерняя планета не нужна. А вдруг им нужно что-то другое?.. Так что о послании Земли никто не должен знать. Слишком иные принципы жизни у них. И Моррис вспомнил, как он, озираясь, будто кто-то может помешать ему в царящем безмолвии, колотил аппарат инопланетян о камень и, когда попытки разбить его оказались тщетными, с размаху забросил его в реку.

...Пэт Моррис вскинул голову и весело посмотрел на стоящего Крауфа:

— Эх, Крауф, нравится мне здесь! И пусть мы будем налаживать жизнь на Аркосе долго и упорно, пусть будем привыкать к новому месту, адаптироваться, но вы, Крауф, как врач, скажите, что лучше — адаптация или гибель на Беане?

— Пойдемте к геологам, — хмуро бросил Крауф, — ночью они вернулись с газовых проб, послушаем...

Старший геолог Мирр Филли задумчиво сидел на камне. Он встал, увидев приближающегося Морриса, и отрицательно покачал головой: Моррис все понял, но выжидательно протянул:

— Ну?!

— Удручающе. В лучшем случае, этот газ можно использовать в быту. Это не топливная смесь. Так что придется обогащать. Необходимо оборудование. Без него я как без рук. Просите разрешения на демонтаж и переброску газообогащительной установки, если не сможем надеяться на комбинат в целом. — Он снова сел на камень, что-то крикнул своим подчиненным, наблюдая, как они грузят минералы.

— Вот, Крауф, как оно... — Моррис развел руками. — Еще один демонтированный комбинат. А как я доставлю его?

Крауф сочувственно покачал головой. Моррис мрачно хмыкнул и крикнул пробегающему мимо рабочему:

— Найдите мне репортера Гека! — повернулся к Крауфу. — Пусть даст на Беану сообщение о больших успехах экспедиции и триумфальном завершении программы исследований.

У ворот зафыркала машина. Шейла взглянула на часы и недовольно повела плечами: вечно дед запаздывает к обеду. Любит, дедуля, чтоб его ждали!

На пороге стоял незнакомец. Высокий, худой, его приветливое лицо чуть портил широкий нос.

— Шейла Бенц, не так ли? — спросил он. Она растерянно кивнула. — Государственная криминальная полиция. Инспектор Грим. Разрешите?

Они вошли в гостиную. Шейла встала у окна, не понимая, что все это означает. И дед задерживается... Не ей же соваться в полицейские дела! Наверняка опять Клаузен... Пойдет теперь старик в Верховное ведомство защищать любимого ученика. Только пойдут ли ему навстречу второй раз?

— Чем обязана? — сухо спросила Шейла, глядя, как незнамый гость прикуривает, — ей неожиданно понравились движения его рук: легкие, изящные, как у музыканта.

Он будто не расслышал ее вопроса:

— У вас, должен сказать, хороший домик. Обставлен со вкусом. Почему вы живете одна, а не с дедом?

— Я человек самостоятельный.

— Серьезное обстоятельство, — засмеялся инспектор. — А вы давно видели вашего дедушку?

— А что?

— Я любопытен — профессия...

— Вчера. Сейчас он должен приехать ко мне.

— Вы ждете его? А не могли ли он внезапно изменить свои планы и вместо вас навестить, скажем, своего сына, вашего отца?

Шейла отошла от окна, села на диван и ответила:

— Это невозможно. Они пятнадцать лет не разговаривают.

— Почему?

— Это важно для вас?

— Весьма.

— Видите ли, отец женился вскоре после смерти моей мамы, и дед расценил это как предательство ее памяти. Они в ссоре с тех пор.

— Хорошо. А вы не знаете, не мог ли профессор просто куда-то уехать?

— Не предупредив меня? — Шейла насторожилась — опаздывать в обычаях старика, но... он не звонил сегодня. — Да, что случилось в конце концов? — не выдержала она.

— Профессор Бенц исчез. Примерно сегодня утром. В его кабинете обнаружены следы борьбы.

Шейла в испуге уставилась на инспектора:

— Кто сказал? Откуда это стало известно?

— В семь утра нам позвонил некто, назвавшийся ассистентом профессора. Звонил он из дома Бенца. Вы его знаете, Клаузена?

— Поверхностно. Дедушка всегда говорил, что голова у него светлая, но занята, увы, не только наукой. И вообще, что делал Клаузен в столь ранний час у нас дома?

— А что вас удивляет? То, что появился Клаузен, или то, что он появился рано утром? Может быть, еще что-то?

— Не знаю, — тихо ответила Шейла, она никак не могла поверить в слова инспектора, — какое-то недоразумение... У дедушки нет обыкновения приглашать домой своих ассистентов.

— Возможно ли исключение?

— Не знаю. Но дедушка человек демократичный, хотя и замкнутый. Как к профессору в столь ранний час попал Клаузен, я думаю, лучше всего спросить у самого Клаузена.

Грим развел руками:

— Видите ли, к нашему приезду Клаузена уже не было не только в доме вашего деда, но и в городе. И это не все. Из лаборатории исчез весь деморфин. Не осталось ни одной таблетки.

Рональд Гек толкнул дверь ногой и, широко улыбаясь, протрубил:

— Репортер Гек снова на родной Беане! Да здравствует переселение! Ура!

— Да потише ты, фанфарон! Шубу сними сначала, — буркнул, не отрываясь от телефонной трубки, Джек Ситтер, старший редактор отдела политических новостей. — Не видишь, ин-

формацию принимаю! — Они «жили» в одной комнате редакции — отделы политновостей и науки.

— Где Рона? Я думал, вы тут расселились, переселились...

— Раньше Беана переселится на Аркос. А за твоей женой я не смотрю. Да громче же! — заорал он в трубку. — Громче!

Гек скинул шубу на диван, сел за свой стол, бегло посмотрел утреннюю верстку газеты «Верховные ведомости».

— Диктуй цифры, да яснее, громче! Сколько уволенных? — Казалось, Джака слышно на площади перед редакцией, но собеседник на том конце кабеля упорно отказывался его понимать.

Гек достал из портплекда диктофон, щелкнул рычажками, и оттуда зазвучал голос Пэта Морриса:

— Мы все, члены экспедиции, отдаем себе отчет в том, что наша работа опять остановлена безрезультатными исследованиями лаборатории профессора Бенца и поэтому не полностью удовлетворила надежды беанцев. Однако научный поиск не должен останавливаться перед временными проблемами... — Геку стало не по себе. Это ощущение он испытал уже на Аркосе, когда впервые слушал речь Морриса, еще не упрятанную в диктофонное нутро. Впрочем, другого трудно было ждать от Морриса, он всегда превозносил технократов, теперь вот хочет создать из них элитарное общество. Гек откинулся на спинку дивана, прикрыл глаза и чуть не подпрыгнул от взвинченного голоса Джака, который, закончив говорить по телефону, с треском грохнул трубку на рычаг.

— Пока вы там любуетесь лиловыми небесами, здесь вот — массовый расстрел рабочих!

— То есть?

— Сворачивают заводы «Аэрокосмос», уволили две пятых рабочих. Сочли, что необходимое количество кораблей уже отштамповано. Эти люди, естественно, вышли в пикеты, и вот результат: в стычках с охраной предприятий сотни убитых. Раненых, покалеченных еще не учли. Этот тип, — Джак кивнул на телефон, Гек понял, что он имел в виду информатора, — говорит, что там, в рабочих кварталах, сейчас поголовные аресты, хватают по первому подозрению в принадлежности к рабочим партиям. Кстати, ты ведь, конечно, и не знаешь, что я должен менять вывеску отдела?

Гек недоуменно поднял брови. Джак продолжил:

— Пока вы там ходили по зелененькому песочку... В общем, политической жизни нет, значит, не может быть и политновостей. Партии-то того, тью-тью, запретили. Там, — он выразительно поднял длинный палец, — не на Аркосе, пониже, но тоже высоко, решили, что еще чуть-чуть, и придется лететь в обратную от Аркоса сторону, — палец Джака описал спираль, уходящую к полу. — Ну и... Да что тебе объяснять, не ребенок! Меня пока еще не вытолкали в шею из священных стен. — Джак хохотнул, воздевая руки к потолку. — Я еще нужен! Чтобы писать о том, как необходимо сплотиться в эти трудные дни, последние дни цивилизации беанской, чтобы наступили счастливые дни, первые дни цивилизации аркосской... Цитирую. Себя самого, разумеется. Ну и, конечно, о том, что мы

никак не переселимся в наш новый прекрасный дом, виноваты рабочие, которые не хотят понимать наших временных трудностей. И вместо содействия перелету, помощи властям в его скорейшем осуществлении рабочие отвлекают население, выдвигая свои мелкие и несущественные проблемки. И естественно, правительство, доведенное такой назойливостью до предела, вынуждено идти на крайние меры во имя успеха задачи общепланетной, так сказать, задачи, решение которой под силу только сплоченному, единому духом народу. Кстати, предупреди свою жену — она у тебя любит вольные высказывания. Нам это ни к чему. Ну, как слеталось?

— Гм... — Гек был ошарашен словами Ситтера. — Так себе. Ничего нового. Может быть, перебросим туда материальную базу, чтобы не зависеть от Беаны, а возможно, наоборот, тут оставим производство, а сами... В общем, как решат Верховные. Но я думаю, они ничего не решат. Да и Моррис так считает. Топлива на общее переселение как не было, так и не будет. Из воздуха, что ли, сотворить его? Для этого нужно быть волшебником, а Бенц только ученый. Поэтому Моррис поторопился спустить мне директиву по поводу Крауфовой идеи с колонией — а это, между прочим, наиболее честный выход, если мы хотим спасти разум и культуру. Но в таком случае, Моррис прекрасно понимает, мы подорвем столько лет пестуемую пропагандистскую кампанию и тем выроем себе могилу. Нам перестанут верить. Да и как я буду писать о колонии избранных, продолжателей нашего мира, когда я столько лет потратил на то, чтобы вбить соплеменникам в головы, что их ждет прекрасная планета и прекрасная жизнь на ней. Все вместе от Верховного до дворника переселяемся в рай! Ты меня прости, я сам себя цитировать не умею, но в общих чертах все это так. Не знаю, что мы будем делать, как сладко станем пить, когда Морриса обвинят в напрасной трате средств.

— Его не обвинят, не бойся! — возразил ему Джек.

— Да... Ресурсы, будь они неладны! Как тут, ничего не слышно?

— Слышно, что профессор Бенц пропал. Так что на сегодняшний день с новыми открытиями глухо. Сейчас придет Рона. Она видела профессора одной из последних. Ее вызвали на допрос в полицию.

Моран не помнил, чтобы когда-нибудь в лаборатории стояла такая тишина. На полу валялись опрокинутые приборы — полиция никогда не работает аккуратно! Он поднял их. Потом, найдя тряпку — лаборантки, видно, и близко боятся подойти после обыска, — начал их протирать. И тут, стоя за препараторским столиком, заметил Маттиса. Тот тихо вошел и не спеша стал наводить порядок за своим столом. Стол профессора был абсолютно пуст — все, что на нем было, перекочевало в полицейское управление. Маттис крикнул.

— Ну что скажешь, старина? — обратился к нему Моран.

Маттис подошел, присел на препараторский столик:

— Тот, кто убил или украл старика, — глухо ответил он, — явно был в этом заинтересован.

Моран кивнул — чтобы сделать сей глубокий вывод, не нужно большой прозорливости.

— Какие еще мысли тебя обуревают?

— Мыслей много. Хотелось бы поделиться ими с тобой. Как дальше будем существовать?

— Как и вся планета: надеждой на благополучный перелет.

— Я серьезно.

— И я не шучу. — Моран сел напротив, повертел в руках пробирку, поставил ее на место и добавил: — Работу нужно продолжать. Дед не простит нам, если мы сложим руки.

— Ну да, твоя идея обогащения газового топлива... Не забывай, старик отнесся к ней скептически.

— У тебя есть контрпредложение? — Он постарался спросить как можно более равнодушно.

— Конечно, надо жить на что-то, а кто же нам будет платить за работу? Старик? С того света? Крюгер мог бы многое купить. В том числе и твой полуфабрикат.

— Что еще? — Моран насторожился.

— Деморфин, например. Если, конечно, Крюгеру растолковать, что это средство повышения производительности труда. И потом, мы просто можем брать заказы у Крюгера, лаборатория оснащена достаточно.

— Ты говоришь так, словно уверен, что Крюгер согласится. Ты что, близок с ним?

— Да как тебе сказать? Но я знаю, что он может быть заинтересован в нас.

Эта фраза заставила Морана свернуть беседу и, сославшись на срочное дело, уйти из лаборатории.

Он пошел в полицейское управление. Он вдруг понял, что Маттис продал Крюгеру старого профессора.

— Итак, Грим, проверка родственников профессора Бенца ничего не дала следствию. Примите мои сожаления. — Начальник криминальной полиции постучал карандашом по полированной крышке стола.

Господин Вернер знал, что Анри Грим, один из лучших его сотрудников, редко заходил в тупик, но теперь его раздражало спокойствие Грима.

— Что же вы намерены делать дальше? Хотя бы установлена слежка за Клаузенем?

— Идет розыск Клаузена.

— Долго, что еще?

— Пока мои агенты заняты в лаборатории профессора.

Вернер пожал плечами:

— Не думаю, чтобы они могли найти там что-то, кроме научной абракадабры. Это не наше дело. Вы попусту тратите время, мой маленький Анри.

Хотя Грим был высок ростом, Вернеру доставляло удовольствие вворачивать это обращение в разговоре с ним.

— Время, — продолжал он, — работает не на нас. Что вы станете делать, если профессора вообще убрали?

— Это пустая версия. Тем, кто заинтересован в Бенце, он нужен живым. Не забывайте, он великий ученый. Вряд ли най-

дуться силы, которым он попросту мешает. Насколько мне известно, противников перелета не существует. Я не думаю поэтому, что похищение может быть совершено частными лицами. Бенц — это наука, производство... Считаю необходимым заняться концерном Крюгера.

— Почему? С тем же успехом вы можете заняться любым другим предприятием.

— Насколько мне известно, работы профессора имеют прямое отношение к продукции именно концерна Крюгера.

— Неужели вы полагаете, что Крюгер стал бы действовать столь тривиально-криминальным способом? Глупость! Лучшие все же займитесь именно частными лицами. Всеми, кто за последнее время вступал со стариком в прямой контакт. Родственники, знакомые, сотрудники, кто еще? — Вернер хитровато глянул на Грима.

— Студенты, которым он читает лекции в университете, — усмехнулся инспектор.

— И то ближе к делу. А что вы скажете вот на это? — Вернер протянул Гриму газету, в которой красным карандашом была отчеркнута заметка в рубрике «Скандальная хроника»:

«Госпожа Мартин, владелица одного из домов Северного района, обратилась в суд с жалобой на жильцов, супругов Гек, по профессии журналистов, которые нарушили договор о найме жилой площади. Супруги Гек последнюю неделю беспокоят соседей ночной работой на пишущей машинке. На просьбы прекратить работу по ночам супруги Гек ответили отказом и предложили госпоже Мартин удвоенную плату. Квартировладелица настаивала на расторжении договора о найме квартиры. Однако супруги Гек уклонились, и госпожа Мартин обратилась к властям.

В ходе судебного разбирательства выяснилось, что ночные бдения госпожи Гек, репортера судебной хроники газеты «Верховные ведомости», стали возможны благодаря препарату, изобретенному известным профессором Бенцем. Этот препарат, по словам Роны Гек, мгновенно снимает утомляемость и повышает работоспособность. Наша газета обратилась к осведомленным кругам с просьбой прокомментировать заявление ответчиков. Однако ряд ученых-биохимиков и фармакологов заявили, что ни о чем подобном они никогда не слышали».

Грим задумчиво повертел газету.

— Гек... Где-то я встречал эту фамилию.

— Очевидно, в печати. Он — известный журналист, пишет о проблемах переселения, летал на Аркос вместе с Моррисом.

— Нет, не в связи с переселением. Совсем недавно... — Грим задумался. — Да! В лабораторном журнале я обнаружил странный список. Там значились фамилии самых разных лиц, притом практически не имеющих и косвенного отношения к науке.

— Ясно, нужно прощупать этих людей. У меня был ассистент профессора, некий Маттис, который сообщил, что у Бенца оказались многолетние серьезные разногласия с другим его учеником, неким Мораном. Разногласия кончились ссорой. Мы должны знать, что за личность этот Моран, каков, так сказать, его криминальный потенциал. Момент мести...

— Моран был у меня. Он подозревает Маттиса.
...У себя на столе Грим нашел записку секретаря с просьбой срочно позвонить госпоже Бенц.

Шейла ходила по комнате. Грим сидел в кресле.

— Это готовое предложение о договоре с Крюгером не выходит у меня из головы. Правда, я сомневаюсь, чтобы у Маттиса были какие-то связи, но есть над чем подумать.

Грим вдруг улыбнулся:

— Что верно, то верно. И мой начальник, комиссар Вернер, говорит точно так. Вообще только не удивляйтесь! Давайте поедем за город! Такой редкий день...

— Вы находитесь на государственной службе.

— Да, но я уже тысячу лет не слышал, как поют птицы. Некогда. И не с кем. Поедем, а?

Девушка молча взяла плетеную сумочку.

— Ну что ж, поедем!

Когда Грим садился в машину, он вспомнил, что так и не рассказал Шейле о донесении агента по кличке Скарп. Скарп писал любопытные вещи:

«Клаузен, прибыл в горную деревушку Маунт, где проживает его родня по матери и где он сам родился и проживал до студенческого возраста, большую часть времени проводит в окрестностях деревни, в заброшенных штреках горных выработок. Эта местность изобилует пещерами естественного и искусственного происхождения. Здесь преступники могли бы прятать свою жертву или труп. Обследование пещер пока ничего не выявило. В походы по горам Клаузен отправляется с заплечным мешком. Мешок так же полон по возвращении с гор, как и перед отправкой туда. На одном из привалов Клаузена обнаружена записка, которую и прилагаю».

Записка содержала выкладки формул и была написана рукой Клаузена. Эксперты-химики сказали, что формулы произвольные.

Грим не сказал об этом Шейле еще по одной причине. Зная ее порывистый характер, он опасался, как бы она не кинулась в горы на поиски деда, как бы не спугнула Клаузена. Вряд ли он мог в одиночку похитить старого, но вполне крепкого человека. И хотя Скарп ничего не сообщал о контактах Клаузена, всякий раз подчеркивая, что Клаузен ни с кем не встречался и не разговаривал, Грим предположил, что связь у Клаузена должна быть. Хотя бы с теми же Мораном и Маттисом.

Странно устроены люди: вместо того чтобы огорчаться неудаче общего дела, они радуются его, Морриса, поражению! А о его поражении в Верховном ведомстве было сказано совершенно определенно и официально. Отец не стеснялся в выражениях и формулировках. Даже после совещания он ни разу не назвал его по имени — господин Моррис! — будто сам носит иную фамилию. Доклад Морриса-младшего вынудил его сделать столь беспощадные выводы... Горько!

Моррис вспомнил, что, когда он, заканчивая доклад, произнес: «...остается единственный путь — отправить на Аркос только

специалистов и необходимое оборудование», — посыпались вопросы:

— Есть ли конкретные предложения по контингенту первого эшелона?

— Да, есть. Обсчет производил электронный мозг. Для реконструкции и эффективного проведения работ необходимо сокращение процентов наличной наиболее квалифицированной рабочей силы и инженерно-технических специалистов.

— Какие условия будут созданы для членов ста трех семей на Аркосе?

Моррис смутился:

— Я, кажется, говорил о том, что первый эшелон сможет принять только специалистов. Остальные полетят, когда будет налажен обратный мост.

— Вы, наверное, сами-то полетите первым эшелонам?

Моррис смутился еще больше, никак не ожидал подвоха. Ответ ясен, он же глава комитета. Конечно, он полетит с первыми.

И тут началось! Ему разъяснили, что представители высшего класса должны лететь первыми и все вместе. «А кто будет на них работать?» — спросил он. В урезанном составе рабочие и специалисты не смогут провести намеченных работ. В этом случае все начнется с нуля и закончится элементарной адаптацией, а не воссозданием цивилизации.

Адаптироваться никто не захотел. Всем желательно жить и наслаждаться. Хоть на Беане, хоть на Аркосе. Так и сказали Верховные, их поддержали члены комитета...

А чего стоила фраза отца: «Научная состоятельность министра экологии потерпела крах! Вопрос о переселении считаю несвоевременным».

— М-да... Крах! Что же теперь делать?

— Я не видела вас целых четыре дня! — с упреком проговорила Шейла и улыбнулась. — За такой срок следствие могло продвинуться очень далеко... Вы не информировали меня.

Она взяла Грима под руку:

— Я иду в лабораторию. Проводите меня?

Они столкнулись у входа в универмаг. Вот забавно! Шейле раньше не приходило в голову, что мужчины, а паче того, сыщики, тоже делают покупки. Грим же был несколько растерян.

— Увы, — вздохнул он, — я не смогу вас проводить.

— Тогда я провожу вас. Вы в управление?

— Угадали. И времени у меня действительно нет. Простите. Что же касается продвижения следствия... — Он искоса посмотрел на Шейлу. — В дело о розыске вашего дедушки неожиданно вмешалось Верховное ведомство. Можете себе представить, что творится теперь у нас в управлении! Каждый день пишу отчеты, и когда есть что написать, и когда нечего. Вот отчасти оправдание.

— Значит, он меня не обманул, — сказала Шейла.

— Кто? — настороженно спросил Грим.

— Моррис. Он меня вызывал. Из-за деморфина!

— Ну? — Грим остановился. — И что же хотел от вас Моррис?

— Чтобы я наладила производство деморфина. Понимаете, оказывается, там, в ведомстве, про меня все знают. Даже то, что я нашла катализатор реакции синтеза. Не верите? Так я за два дня все сделала, синтез пошел. А в лаборатории к деморфину серьезно никто не относится. Ну ничего. Вот-вот я докопаюсь до условий кристаллизации, и они пойдут на меня работать! Простите, вам, кажется, неинтересно.

— Да нет, Шейла, вы даже не представляете, как это интересно.

— Словом, все дело в условиях кристаллизации. И тогда я смогу расписать технологический цикл. Потом начнется промышленное производство. Я получу свой скромный гонорар. Неплохо, правда?

— Неплохо, — согласился Грим.

— Теперь я понимаю, почему Моррис начал разговор с моего материального положения. У дедушки нет завещания — и это оказалось известно в Верховном. Моррис сказал, что поскольку я не прямая наследница, дела мои плохи. Словом, он избрал могучее средство, чтобы заставить меня серьезно заняться дедушкиным изобретением.

— Жаль, Шейла, что у меня так мало времени, — неожиданно перебил девушку Грим. — Сейчас я должен идти, но к вечеру буду непременно у вас, потолкуем. Будьте дома и постарайтесь вспомнить все, что говорил вам Пэт Моррис!

...В универмаг Грим пришел из лаборатории, где уже все было несколько иначе, чем в первые визиты. Прибрано, готово к работе.

Когда пришел Грим, Моран сидел, подперев голову руками.

— О чем задумались? Новая гипотеза? — осведомился инспектор.

— Гипотезы — это сейчас больше по вашей части, — угрюмо отозвался Моран.

— А где ваш коллега?

— В машинном зале, что-то пересчитывает. Наверное, деньги, — язвительно сказал Моран, — берет заказы от Крюгера и сколачивает капиталец, пользуясь отсутствием патрона. Видно, я все же был не прав, подозревая его.

— Не знаю, не знаю... Ведь и заводы Крюгера, и ваша лаборатория работают на перелет. Неизвестно, что мог затеять Крюгер, чтобы подстегнуть ваши исследования, и с чьей помощью.

Моран кивнул. От всего его облика веяло отчаянной скукой.

— Вы не задумывались над отсутствием Клаузена?

Моран опять пожал плечами.

— А с Маттисом вы никогда не говорили об этом?

— Говорили, ну и что? Мы ничего определенного даже предполагать не можем. Клаузен человек, мягко говоря, с увлечениями за пределами науки. У него бывают свои дела. — Моран выразительно посмотрел в лицо Грима, и тот понял, что Морану неприятна эта тема, а потому сказал:

— Понимаете, Клаузен не мог в одиночку совершить преступление. Ему кто-то помогал.

— Не я, — Моран так сказал это, что Грим понял, что зря сомневался в нем. Но продолжил:

— А почему вы отказались от своей работы? Теория обогащения, кажется, так это называется?

Моран объяснял долго. И главное, Грим понял, что ничего оскорбительного в отставке своего проекта Моран не видел. В науке, сказал он, существуют и тупиковые пути.

В цехе неприятно пахло маслом. Грим решил закурить, чтобы перебить запах, но Крюгер погрозил ему пальцем, и он смял сигарету.

— Мне пришлось снять все штамповальные машины, — принялся объяснять Крюгер. — Экономим энергию. Но мои деньги летят в трубу — ручной труд должен дороже оплачиваться. Известно вам, наверно, — помолчав, не без гордости заметил Крюгер, — вся межпланетная армада сделана в этих цехах. До сих пор думаю, — Крюгер крикнул, — неужели это пустой труд?!

Грим показал в дальний угол цеха:

— Кажется, там еще не смотрели.

Крюгер остановился, отер платком мокрый лоб.

— Послушайте, господин Грим, ну ладно, вы устроили обыск у меня на вилле, в домах членов правления концерна, в этом, возможно, еще был смысл. Но кто же станет держать ученого, от которого так много зависит, в куче тряпья, среди грязных ящиков и испорченных заготовок? Ну хорошо, если вам больше нечем заняться, смотрите! Вы просто выставляете на посмешище всю беанскую полицию!

Грим и сам не верил в эффективность поиска. «В науке существуют и тупиковые пути...» Может быть, в розыске тоже? Слежка за Клаузенем ничего не дает, Вернер пока не спешит с арестом — считает, что это правомернее сделать, когда Клаузен снимется с якоря — можно будет посмотреть, куда поведут его следы. Маттис зарабатывает деньги, Моран бездельничает, Шейла добывает деморфин. И вообще, был ли какой-то смысл в похищении профессора Бенца? Какой коварный замысел стоит за этим фактом? Казалось бы, тем, кто готовит перелет, Бенц нужен живым и здоровым. Если предположить, что существуют тайные противники переселения, — Бенц им не мешает, его исследования заморожены. Допустим даже, что Бенц открыл искомое топливо. И все равно, вряд ли бы он держал это в тайне. Даже бесполезный деморфин он поторопился сделать достоянием гласности. Стоп! Деморфин! Он исподволь заговорил с Крюгером об этом препарате.

— Один из ваших рабочих употребляет деморфин, разве вы не слышали?

— Знаю я этого дурака, — Крюгер усмехнулся, — на него ходят смотреть, как в зверинец. Вкалывает три смены подряд. Но рабочий он первоклассный, брака не дает, стал зарабатывать хорошо. А рабочий комитет его осудил. Они столько времени и сил потратили на ограничение рабочего дня... На других рабочих деморфинщик влияния не имеет, к счастью.

— Почему к счастью? Разве вы не хотели бы иметь побольше таких первоклассных рабочих?

— А что делать с остальными? Выбрасывать их на улицу, где они будут устраивать беспорядки с требованием работы и переселения? Верховное ведомство предпочтет, чтобы я заставил эту массу работать кремневыми зубилами, лишь бы они были при деле.

— Нельзя ли устроить мне встречу с этим рабочим? — продолжил Грим. — Все же он входил в прямой контакт с профессором.

— Вы имеете в виду деморфинщика? Его фамилия Надди. Только тот тип наверняка ничего не скажет.

Генеральный директор оказался прав. Надди ничего не сказал. После приобретения деморфина он больше не встречался с профессором. Нет, никому не рассказывал. Вот только Сааду, из другой смены. Но Саад не поверил.

Грим автоматически записал в блокнот фамилию Саада, рабочего завода Крюгера.

— Вот здесь мы и присядем, нам принесут горячего, и вы все расскажете подробно, — после небольшой прогулки объявил Грим.

Шейла огляделась. Буфетик находился в дупле старого дерева. Высоко в его ветвях на выложенной площадке, отдаленно напоминающей гнездо гигантской птицы, стояло еще три столика. Туда вела лестница, прячущаяся среди ветвей. Хозяин поставил перед Шейлой и Гримом большие чашки дымящегося напитка с ароматным запахом.

— Здесь неплохо, а главное, мы можем тут спокойно поговорить. Вначале скажите, почему такой человек, как Пэт Моррис, занятый проблемой переселения и в принципе от фармакологии далекий, предложил вам заняться разработкой деморфина?

— Думаю, чтобы дать возможность заработать. Моррис считает, что деморфин будет иметь сбыт.

— У кого?

— Полагаю, у веселящейся публики. Своего мнения он не высказывал.

— Шейла, а не кажется ли вам, что, если вы повторите открытие профессора, сам профессор уже не будет нужен правительству?

— Ерунда! Профессор должен дать топливо.

— Интуиция подсказывает мне, что сейчас топливо и деморфин поменялись местами. Не помню, говорил ли я вам, но мой начальник получил предупреждение, что если профессор Бенц не будет найден в течение десяти суток, то он, начальник, может проститься с местом. Я, кстати, тоже.

Шейла присвистнула.

— А знаете что, — вдруг сказала она, — я могу объяснить, откуда у Верховных столько прыти. Я просто понравилась Моррису. Очень понравилась, понимаете?

Грим внимательно посмотрел на нее, промолчал и подумал, что степень личной заинтересованности Морриса в деле профессора, пожалуй, не соответствует официальному накалу поисков.

Но Шейле предпочел не говорить об этом. А та вспомнила, как заботливо встретил ее министр экологии в своем кабинете, как торжественно обещал сделать все для поиска ее деда, как дал возможность практически стать во главе лаборатории и как он смотрел на нее, как нежно и долго целовал на прощание руку...

Затем Грим кивнул ей и зашагал к машине. Шейла услышала, как он отъехал, подумала: вот, даже не постоял с ней на прощание, не задержался. А может быть, встречаясь с ней, он только исполняет свой долг? И их свидания, беседы, прогулки входят в протоколы? Ах, Грим, Грим...

Шейла вздохнула, огляделась и вздрогнула: возле ее гаража стояла чужая машина.

— Простите, — услышала она голос, — но ждать вас на улице, где мою машину могут узнать, я не решился, поэтому пришлось поставить ее здесь. Э, да вы, кажется, испугались! Я не хотел... — Из темноты к ней шагнул Пэт Моррис. — Шейла, нам необходимо поговорить. Я пришел сказать вам о дедушке. Садитесь в мою машину. Разговор не короткий. Да, переоденьтесь в вечернее платье. И захватите купальный костюм.

...Моррис уверенно сидел за рулем, чуть откинув назад голову.

— Сегодня мне на стол легли документы расследования. Выстраивается достаточно основательная версия. Ваш дедушка похищен ассистентом Клаузенем, а затем упрятан в Восточных горах.

— Почему же тогда Клаузен на свободе, а дедушка не дома?

— Потому что, милая Шейла, это не простое похищение, а политическое. Вы же наверняка знаете, каких убеждений придерживается этот молодой ученый.

— Слышала, но дед никогда не интересовался политикой.

— Так вот... Мы не можем арестовать Клаузена до тех пор, пока не установим остальных участников преступления либо связанных с Клаузенем лиц. Более того, пока не раскроем заговор рабочих партий против перелета. Это явно их дело. Видите ли, вместо того чтобы содействовать правительству, создать возможности для полной мобилизации населения для перелета, рабочие партии плодят сознательных саботажников, негодяев. Зная о вашей работе, рекламируемой газетами, они могут и вас... Как вашего дедушку. Так что, мне кажется, вам необходима охрана.

— Я подумаю над вашим предложением, спасибо. Но деморфин и политика?.. Не вижу связи. А куда вы меня, кстати, везете?

— Пока это мой секрет. — Моррис сделал еще один поворот, машина въехала под ярко освещенную арку, потом в играющий светом тоннель и остановилась перед небольшой красной дверью.

Моррис вышел из машины, помог выйти Шейле и распахнул дверь в стене. Шейла зажмурилась: в глаза бил яркий калейдоскоп огней. Он исходил снизу. Это был бассейн с люминесцирующей водой.

— Ну как? — спросил Моррис.

— Фантастика! Спасибо вам, господин Моррис.

— Смелее, это всего лишь стеклянный пол, бассейн дальше, — подтолкнул он ее, и Шейла шагнула в уютную комнату: у стены меж мягких подушек стоял низкий стол с изысканной сервировкой. За огромной стеклянной стеной плескалась вода. Там плавали женщины в замысловатых тюбанах на головах.

— Не волнуйтесь, они нас не видят, — Моррис открыто любовался Шейлой. — Со стороны бассейна стекло зеркальное. Садитесь. — Он взял ее под руку и, усаживая к столу, подсунил подушку, сел напротив, предложил: — Если неудобно сидеть, то прилягте. И давайте договоримся: вы называете меня просто Пэт.

Шейла кивнула. Она пила пряный шипучий напиток, от которого чуть кружилась голова. Ей вдруг захотелось спать. Шейла встряхнулась, взяла свою сумочку и протянула Моррису деморфин:

— Хотите?

— Пожалуй, — согласился он и, глядя, как от таблетки расходятся диффузные струи, сказал: — Если захотите окунуться, переодеться можно вон там.

— Обязательно. — Шейла встала.

Моррис посмотрел в окно и увидел в зеленом секторе бассейна Крюгера.

Сегодня на совещании комитета по переселению Крюгер произнес поистине историческую фразу: «Если мы не смоемся отсюда, то наши дети смешаются с чернью. Уж лучше смыться на любых условиях». И тут даже самые умеренные члены комитета проголосовали «за». Затем заслушали принципы построения отборочной сетки. Крюгер, которому, как всегда, нейдет высказать свое мнение, и тут остался верен себе, рисовал самые радужные перспективы. Он был по-своему убедителен. Моррису осталось лишь проиллюстрировать его слова конкретными выкладками, представленными электронным мозгом. Получалось, что при применении деморфина достаточно было использовать лишь тринадцать процентов рабочей силы против намеченных ранее сорока. Это вдохновило комитет не меньше аргументов Крюгера, и отборочная сетка была утверждена. Итак, переселение стало возможно благодаря деморфину. В итоге — всеобщее благоденствие, никаких проблем.

Правда, раздавались и фразы сомнения. Значит, разбивать семьи? Что ж, мужчин и женщин по сетке набирается поровну, значит, они смогут заново устроить личную жизнь? Нет ли опасности революционных выступлений при опубликовании сетки? Есть, но нужно быть кретином, чтобы опубликовать ее. Публиковаться будут лишь списки первого эшелона, с которым полетят самые лучшие представители населения. Они-то и будут строить плацдарм для нового витка цивилизации.

И тут Крюгер опять взял слово: «Зачем нужны нам убогие, старые, ленивые еще и там? Мало мы с ними тут намучились? Вы что, забыли, как несколько лет назад мы чуть не окочурились, когда начала расти ядовитая трава и пал скот? Забыли? Кто тогда нас спас? Пэт Моррис своим проектом переселения. Считайте, он спасает нас вторично. Чернь начнет верить в светлое будущее с утроенной силой, ну и пусть верит себе на здо-

ровые». Крюгер захихикал, и кто-то подкинул каверзный вопрос: «Что же будет с оставшимися?» И тут прозвучала вторая историческая фраза Крюгера: «А все, что угодно. Вам-то что?»

Моррис, уже убедив себя и других, что сетка — наиболее разумный вариант переселения, вдруг представил себе день и час, когда тайну переселения постигнут те, кто оставлен, брошен, предан. Но тогда Моррис будет далеко от них. А вот когда эту тайну раскроют на Аркосе?! Он увидел объятые ужасом лица, забастовки под сиреневыми небесами, виселицы с телами смутьянов. На него стало надвигаться страшное воспоминание о тех временах, когда только его план переселения остановил народ от выступлений; подготовленных левыми и радикалами. Моррис всех заставил плясать под свою дудку! И когда он с первой экспедицией ушел на Аркос, и когда вернулся, сказав: «Да, это планета нашей мечты», даже маленькие дети в самых темных семьях узнали его имя, стали читать как героя. Но это было тогда...

Там, на планете его мечты, на ее зеленых песках, под красноватыми деревьями кончится его слава? Моррису стало холодно. Он крепче зажмурил глаза, чтобы отогнать проклятые видения, подумал: «Завтра объявлю чрезвычайное положение, на берегу рабочую силу согласно сетке и начну муштровывать людей так...» — и услышал голос Шейлы:

— Не засыпайте, пойдемте купаться!

Грим смотрел на календарь. Его взгляд задержался на строчке плапа: «Саад, рабочий завода Крюгера, приятель деморфинщика Надди». «Ну и что скажет этот приятель? Повторит слова Надди», — подумал Грим с раздражением. Такого глупого следствия Грим, пожалуй, никогда не вел сам и не помнил, чтобы вели другие.

Ему стало не по себе при мысли, что он из-за этой глупости со стариком может оказаться не у дел. Его невеселые мысли прервал Вернер, который сказал:

— Срочно свяжитесь со службой наблюдения, выясните, где Клаузен, и арестуйте его.

— Да, но...

Вернер кивком остановил его:

— Это распоряжение Верховного министра. Вот ордер. Сегодня с полудня объявляется чрезвычайное положение. Действуйте энергично.

Грим взял со стола подписанный Вернером лист. Ну что ж, дело, видно, возражений не терпит.

Агент Эллис, который занимался наблюдением, доложил, что рано утром ассистент профессора Бенца Клаузен прибыл в столицу и в данный момент находится в лаборатории.

Грим был слегка удивлен. А впрочем, решил он, не все ли равно, где надеть на него наручники — в лаборатории, в горах?

Грим поехал в лабораторию. «Итак, как чувствовал себя профессор вчера утром, перед рассветом, когда вы навещали его в той пещерке? Ведь вы там его прячете? Как же вы могли оставить его, старого человека, без близких и родных, в незнако-

мом месте? Кто же теперь станет приносить ему еду? Вы это делали ежедневно, не так ли? Да, вы верно рассчитали, что человек, пригласивший полицию, обычно вне подозрений. Но неужели вы не поняли, что исчезать сразу после звонка в управление слишком опрометчиво?» Потом его увезет наряд полицейских.

...У Клаузена оказалось стопроцентное алиби: распоряжение профессора о поездке в горы, записка с приглашением зайти к нему перед отъездом. Автобус в Маунт уходит рано утром, раз в сутки, поэтому дожидаться полиции Клаузен не мог, так как это поставило бы под угрозу план исследований чрезвычайной важности.

Под любопытными взглядами Грим шел в приемную. Навстречу знакомое лицо — второй ассистент профессора, Моран.

— Вы к госпоже Бенц? Она очень занята!

— Все еще? — рассеяно спросил Грим, не ответив на шутовское расшаркивание Морана. Он невольно обратил внимание на его изящные лаковые туфли. Их размер явно не соответствовал росту хозяина.

Грим услышал, как за его спиной рассмеялись юные лаборантки. Конечно, явился сыщик, бряцая наручниками, а преступника нет. Из-за приоткрытой двери до него донесся обрывок разговора:

— Жаль, что нет старика, теперь только начать...

— Она занимается неизвестно чем!

— Любовью!..

— Клаузен молодчина! Уж теперь-то вопрос с топливом мы решим!

— Лишь бы найти записи Бенца!

— Лишь бы найти его самого!

«Любовью!» Грим ускорил шаг. Неужели здесь обратили внимание на их прогулки? Секретарь у дверей кабинета с табличкой «Профессор Гард Бенц» мило улыбнулась, чуть наклонив голову к плечу, пропела:

— Госпожа Бенц просила не беспокоить...

Не обратив на ее слова внимания, Грим распахнул дверь. Шейла повернула в его сторону голову. В руках она держала высокий бокал. Рядом улыбался человек, которого знала вся планета, — Пэт Моррис.

— Простите, — выдал из себя Грим. Не было сил сделать шаг назад, за порог. Он так и стоял, понимая всю несуразность своего появления. Шейла что-то тихо сказала Моррису.

— Я разговаривал с Клаузеном, — поспешил оправдаться Грим. — Ради этого я здесь.

— Только ради этого? — Губы Шейлы, только что приподнятые в улыбке, опустились в презрительной гримасе. — Ну и что, он разоблачен?

— Нет. Я не смог разобраться, но этот человек открыл нечто важное, — ответил Грим.

— Вот как! — Брови ее поднялись.

— И что же он изобрел? — спросил Моррис.

— Я в этом слабо разбираюсь. — Грим резко повернулся и вышел.

Утром Грим поехал на завод Крюгера, чтобы допросить Саада. Удостоверение Центрального полицейского управления позволило ему проникнуть за оцепление. Охрана концерна, известная в городе своими буро-серыми мундирами, держала кордон. Рабочих не выпускали из цехов. Солдаты охраны приготовились по всем правилам: надели пуленепробиваемые жилеты и глухие каски. Из отрывочных разговоров Грим понял, что рабочие атаковали охранников, пустив в ход тяжелые детали, болты, гайки. Теперь, похоже, передышка...

За оцеплением рабочие возбужденно обсуждали свои возможности сопротивления. Грим огляделся, спросил у первого же рабочего, где найти Саада.

— А кто его знает, был на конвейере, работал... — И указал рукой в дальний угол цеха.

Грим направился туда, но что-то тяжелое угодило ему чуть ниже плеча. Не успел он оглянуться, как чья-то сильная рука потащила его в сторону.

— Садитесь! — за массивным станком, на ящике, сидела репортер судебной хроники «Верховных ведомостей» Рона Гек.

— Знакомьтесь — мой муж. — Она кивнула на мужчину, который схватил Грима за рукав. — Вы-то что здесь делаете? Это не по вашей части...

— И по моей тоже. Нужно допросить одного рабочего, да разве найдешь его в такой неразберихе? Это что? Похоже, стреляют... Не высовывайтесь, могут угодить ненароком. С чего все началось?

— Утренние газеты читали? Списки первого эшелона им очень не понравились. Конечно, затронуто самолюбие: почему мой сосед признан более квалифицированным, чем я... — начала Рона.

— Не в этом дело, — перебил ее муж. — Они чувствуют себя обманутыми. Как же, говорили, что вылетаем все вместе, а теперь выясняется — большая часть остается на Беане ждать лучших времен. Но самое главное, правительство поторопилось с чрезвычайным положением, основные пункты которого Крюгер довел до абсурда: лишение права на забастовку, отмена премиальных, увеличение рабочего дня. Удивительно: ресурсов никаких, если верить официальным данным, и вдруг ряд ведущих отраслей промышленности пускается на полную мощь. Вам не кажется это странным?

— Нет, — глухо отозвался Грим, — я думаю о другом. Как добраться до конвейера. Мне не удается встретиться с этим Саадом. Все какие-то обстоятельства мешают! Кстати, не следовало представлять в газете Клаузена таким отъявленным мерзавцем. Оказалось, он способный человек, сейчас работает над каким-то новым видом топлива.

— Его работы отменены Верховным ведомством, — сказал Гек. — Комитет по переселению квалифицировал их как неэффективные. Кстати, Грим, а на вас разнарядка распространяется? Вы-то летите?

— Я? Нет. Во всяком случае, в списках управления меня нет. А вы, конечно, летите. — Грим помнил, что муж Роны был вместе с Моррисом во второй экспедиции на Аркосе.

Гек тяжело вздохнул:

— Лечу пока только я. Вы, наверное, знаете, что от полета в первом эшелоне нельзя отказаться — все равно отправят под стражей. Вот Рона только должна остаться. А это невозможно: она ждет ребенка. Я говорил с Моррисом — он мне отказал, но адресовал к членам комитета, ко всем сразу! Деловит и безупречен!

— А ты не верил мне, что он уже на все плюнул! Вот и бунты, и трещит по швам, а она с ним развлекается...

— Это вы о ком? — с опаской спросил Грим.

— Да о внучке профессора Бенца! — ответила Рона.

Гриму захотелось забиться куда-нибудь, чтобы его никто не видел.

А в цехах стреляли. Рабочие оборонялись мужественно и стойко, выстрелы звучали все настойчивее, было видно, как падают защитники баррикад.

Грим содрогнулся. Но ему не хотелось пугать женщину, и он спокойно сказал:

— Вы в отчаянии? Но я не понимаю в таком случае, зачем вы искушаете судьбу здесь? Не забывайте старую истину: когда король бессилен, кланяются королеве... — Он встал и пошел к конвейеру, то и дело прячась за станками и наклоняясь при свисте пуль.

Конвейер был превращен во вторую линию баррикад. К Гриму рабочие отнеслись спокойно, криминальная полиция — это не каратели.

— Саад? — переспросил его старый рабочий, и тут оглушительно заревели сирены. «Так, — отметил Грим про себя, — пришлось все-таки вмешаться линейной полиции. Охранники перестарались, и теперь загребут и бастующих, и охранников, всех подряд — за нарушение общественного порядка».

Сирена смолкла.

— ...нас, — прорезался голос рабочего, — Саад не принимает, кроме денег, ничем не интересуется, отработал свое, предатель, штрейкбрехер — и домой.

Гриму стало ясно: Саада здесь не жалуют, рады, что им интересуется полиция.

Шейла принялась за завтрак и поймала себя на мысли, что торопиться с ним незачем — в лабораторию идти не обязательно. Что делать? Только взялась за идею с сырьем, которое нашел Клаузен, и так выбить почву из-под ног! Денег на исследования Верховные не дали. И Моррис ведет себя странно, сначала сам заставил рассказывать Верховному о находке Клаузена, но слова не сказал в защиту проекта, когда Верховные признали его никчемным.

А не потому ли, что она ясно дала ему понять, что ничьей любовницей никогда не была и не будет? Впрочем, ее отпор он встретил спокойно. Уж не затевает ли он какие-то козни?

Неожиданно приоткрылась дверь и вошла служанка.

— Госпожа и господин Гек просят принять по важному делу. «Гек? Кто это? — подумала Шейла. — Будто знакомое имя...»

Она прошла в спальню, переделась и вышла в гостиную.

В кресле сидела женщина, возле нее стоял мужчина, они были явно незнакомы Шейле. Отодвинув портьеру, Шейла включила люстру, и ее гости вздрогнули от неожиданности. Переглянулись, будто советуясь, кому начать разговор, начал мужчина:

— Нас привела к вам безвыходность ситуации. Моя жена не попала в списки. Ее имя Рона Гек. Она журналист. Оставить на Беане я не могу ее. У нас нет родственников, за ней некому будет приглядывать, она ждет ребенка.

— Но чем я могу помочь вам? — удивилась Шейла. — Я тоже не лечу первым эшелонам.

— Но вы можете поговорить с Пэтом Моррисом, — выпалила женщина, — все знают ваше влияние на него.

— Мое влияние? — Шейла опешила. — Почему?.. — Ее прервал телефонный звонок. Извинившись, она сняла трубку, и от голоса, который услышала, вся похолодела. У нее задрожали колени:

— Шейла, деточка, приезжай скорее и захвати что-нибудь поесть... — И профессор Бенц озорно рассмеялся.

— Ты дома! — Она и не слышала, как мужчина шепнул женщине: «Скорее, Рона, пропустим сенсацию...», не видела, как та моментально сорвалась с места и бросилась за дверь. — Дедушка!!!

— Ну, ну, девочка, — заворковал в трубке старческий голос, — лучше побыстрее собирайся, а у меня тут дела... — И повесил трубку.

Профессор Бенц опустил трубку на рычаг, покопался в кармане — мелочи больше не было. Как неловко, придется просить, сокрушенно подумал он, и направился к дому, куда так странно поселила его судьба.

Тем, уже далеким вечером, в одиночестве отужинав, он будто услышал под окном возню давних приятельниц — диких кошек, которые часто приходили к нему полакомиться. Выглянул с куском на вилке... Тупой удар по затылку, в глазах засверкало, потемнело, и свет он увидел здесь, в этом доме, который теперь можно рассмотреть с фасада. Скромный, очень скромный домишко!

Странные люди эти Саады — построили клетку, засадили туда старого человека, решили на нем нажиться!

Он предложил им выкуп. Майда Саад ответила без обиняков:

— Если мы возьмем твои денежки, то ты нас в порошок потом сотрешь. Пусть лучше тебя выкупают, вот с ними мы полюбовно разойдемся.

Он ругался, угрожал, жаловался, но Саады только молча слушали. Потом, чтобы отвлечь, начали приносить ему газеты. Из них он узнал, что Шейла наладила промышленное производство деморфина. Удивляло одно: кому, зачем понадобился деморфин в таких количествах? А детка, порадовав, тут же огорчила. Получив деморфин, забросила исследования.

Газеты наперебой гадали, куда делся профессор Бенц. Однажды он даже посоветовал своим похитителям дать объявление в газете о выкупе за него, но Майда сказала:

— Надо сначала поглядеть, что за штуку ты, дед, изобрел, а то, может, и не стоит она ничего. А может, стоит больше, чем ты сам думаешь. Зачем нам спешить, вдруг прогадаем?

Он разъяснил Майде, что Шейла, внучка, не хуже его работает над деморфином, что скоро деморфин станут продавать в каждом аптечном киоске. Майда отреагировала очень здорово, Бенц понял, что эта женщина далеко не глупа:

— Все равно сиди! Скоро переселение. Как первый эшелон отлетит, так мы тебя под шумок и отпустим. Кто знает, выпусти тебя сейчас, еще в тюрьму угодишь. Тут в газетах написано, из-за тебя с переселением задержка. Вот уж не думала, что такой старик ракетным топливом заведует! А то бы в жизнь с тобой не связалась!

А газеты продолжали писать о профессоре Бенце. Поиски профессора стали популярным чтивом. Бедный Клаузен, и его подозревали! Но главное он сделал. Как жаль, что не могут они понять, какая ценность у них в руках! Шейла в каком-то интервью сказала, что обнаруженная ассистентом Клаузеном природная смесь требует тщательного изучения. Верно, очень верно! И будет применяться как горючее. А вот это зря: топить можно и форлингами. Но все же в этой беседе с журналистами — знаменитая личность теперь, Шейла Бенц! — детка сказала приятную фразу: «Я всей душой за перелет, но пока у меня не будет сведений о судьбе моего дедушки, для меня перелет ничего не значит. Я останусь на Беане до тех пор, пока профессор Бенц не будет найден».

Деморфин еще занимал мысли профессора Бенца. Когда он оставался один, то рассчитывал реакции различных проб, анализировал продукты распада. И тут... Он схватился за голову! Нужно немедленно что-то предпринять, нужно спастись...

— Слушайте, Курш, — обратился он к Сааду, когда Майда ушла по делам, — я хотел бы поговорить с вами как мужчина с мужчиной.

Тот отреагировал мгновенно: вытащил из-под тюфяка бутылку с мерзкой желтой жидкостью, прихватил пару стаканов и присел у решетки.

— Я не в том смысле, — смутился профессор, — дело короткое. Я не могу больше у вас оставаться, мои расчеты показывают... -- И в самых примитивных выражениях объяснил Сааду, чем грозит неизвестное пока свойство деморфина.

Саад кряхтел, ничего не обещал, ссылаясь на жену, на всякий случай проверил замок на клетке.

А Майда вернулась озабоченная и притихшая. Почти равнодушно выслушала мужа, подошла к клетке и спросила:

— Что ты опять там изобрел на нашу голову?

Профессор начал объяснять, но, видя ее ничего не понимающее и испуганное лицо, остановился:

— Не беспокойтесь, Майда, я не донесу на вас. Неужели вы не верите мне, старому человеку? Я понял, что люди вы не злые, не разбойники. Просто хотели жить чуточку лучше. Разве нет?

Майда хмуро кивнула, снимая замок:

— Теперь все будет лучше жить. Переселение начинается.

Я попала в первый эшелон. А он, — она кивнула на мужа, — пропадет здесь без меня, — и всхлипнула.

...Ах, до чего же хорошо было на воле! Бенцу казалось, что он забыл, как набирается номер на телефонном аппарате. Счастье, что Шейла оказалась дома. Совсем скоро они, наконец, увидятся. Детка, конечно, соскучилась. Скорее к ней. Но есть еще одно важное дело... Эх, жаль, нет больше мелочи!

На стене всегда висели графики. Даже их сняли. Заменяли этим списком — один ассистент, один лаборант, один оператор электронного мозга. Укомплектовали лабораторию! И решили обойтись без него, Морана...

Это понятно, у Маттиса какие-то дела с Крюгером — вторым лицом комитета по переселению. Там, на Аркосе, Маттис возглавит лабораторию.

Моран слышал, как в машинном зале позвякивали инструменты монтажников. Под руководством Маттиса демонтируется электронный мозг. А предприимчивым оказался Маттис! Весьма рационально ободрал лабораторию — остались одни столы да пробирки. Теперь вот вывозит компьютер. Помешать ему невозможно, Клаузен попытался — его арестовали. А вот и Маттис. Моран сказал жестко:

— Слушай, ты вообще что делаешь? Нам здесь еще работать.

— Для алхимических действий тигелей и реторт вам хватит, — криво усмехнулся Маттис, — оставим этот разговор. А сейчас лучше сходи за гвоздями на склад, да потом поможешь донести ящики вниз. Устал я сегодня... — И повернулся к двери.

Моран скрипнул зубами, так сжались кулаки. Что кулаки! Ими ничего не докажешь! Подобный демонтаж шел повсюду. С заводов и фабрик, институтов тянулись на космодром крытые грузовики. Вертолеты транспортировали громоздкие конструкции. После введения чрезвычайного положения сборы на Аркос напоминали пущенный на предельные обороты мотор.

Зазвенел телефон. Моран автоматически снял трубку.

— Да! — крикнул он и тут же осекся. — Я рад, очень рад. Разумеется, сию минуту.

Что ж, у него, кажется, есть повод подумать о месте в первом эшелоне — для себя, не для Маттиса... Конечно, за это место придется дорого заплатить. Но цена себя оправдывает.

Если бы не забастовка на заводе Крюгера, если бы не пришлось отсиживаться за станком!

Когда Грим в ответ на вопрос: «Кто там еще?», привычно бросил: «Полицейский инспектор Грим», за дверью раздались причитания, женский плач, что-то загорело, будто обрушились стены, и только потом ему открыли. Из-за плеча шуплого мужчины выглядывала женщина с красным трясущимся лицом. У мужчины вид был тоже неважный. Хозяева посторонились, пропуская Грима вперед, и мужчина мрачно сказал жене:

— Это все ты! Все твои фантазии! — И сокрушенно сел на промятый диван.

Грим шел с целью задать единственный вопрос: «Не говорили ли вы о сообщении рабочего Надди еще кому-то?» Но теперь, глядя на странный беспорядок в доме Саадов, Грим понял, что этим вопросом не ограничится.

Прямо посреди комнаты валялись сколоченные крест-накрест доски. Не надо иметь большого воображения, чтобы понять, что решетчатую стену обрушили только что, пока Грим стоял за дверью. За досками — низкий столик, табурет, застеленный тюфяк. На столике обрывки газет, свечи и исписанный почти до основания карандаш. Грим удивленно посмотрел на хозяев.

Под этим взглядом женщина как подкошенная рухнула рядом с мужем и запричитала:

— А мы... Мы ему ни в чем!.. Кормила старого, себе отказывала, все ему... Ночами не спала! А он... Седин своих не постыдился! И ты, — она бросилась на мужа, — ты еще ему полфорлинга дал, чтобы он полицию вызвал!

Грим достал наручники. Второй пары у него не было. Но женщина и так покорно попелелась в машину за мужем. Она только ругалась потихоньку, всхлипывала, размазывая по лицу слезы. Когда смотритель тюрьмы привел их в камеру, она сказала мужу:

— Нет худа без добра. А то нам пришлось бы расставаться... А из-за отлета вдруг амнистия выйдет...

Улики были против Саадов. Их участь облегчалась только добровольным признанием, да, пожалуй, тем, что они добровольно предоставили свободу своей жертве. Эти соображения Грим высказал Вернеру, показывая вещественные доказательства — записи профессора на обрывках газет, найденные у Саадов.

— Они утверждают, что, выйдя из дома, профессор позвонил внучке, пригласил ее к себе на виллу, затем вернулся попросить еще полфорлинга для автомата, чтобы сделать еще один звонок. Сейчас профессор должен быть дома. Нужно ехать к нему, взять его показания.

Когда Грим вошел в гостиную, профессор Бенц лежал на полу. Возле него неподвижно сидела Шейла. Она подняла на Грима пустые глаза и отвернулась. Грим заметил перерезанный телефонный провод. У противоположной стены понуро стоял Моран.

Профессор Бенц был мертв.

Крюгер нервничал. Моррис опаздывал на совещание комитета. Могут начать без него, и кто тогда докажет Моррису-старшему, что он, Крюгер, не допускал произвола, поступал сообразно условиям чрезвычайного положения, а вот то, что его личная заводская охрана оказалась за решеткой, — это уже недопустимо! В конце концов это же частная собственность! Надо же, арестовать охрану! Подумаешь, нарушили общественный порядок, ну и что? Первый раз? Тут производство было нарушено... Все это жалкий либерализм старого Рэва Морриса. Не хватало только, чтобы эти либеральные замашки перетянулись на Аркос. Он так и сказал Моррису-младшему. Моррис-младший пообещал поднять вопрос на ближайшем совещании. Но теперь вот он почему-то запаздывал — могут начать без него. Старый Моррис,

конечно, возмутится произволом предпринимателей, покажет пальцем на Крюгера, да еще по обыкновению обвинит его в провоцировании рабочих выступлений.

Ванец Пэт появился. Таким возбужденным его никогда не видели. Когда докладывали о состоянии атмосферы, о выступлениях в рабочих районах столицы, он и не слушал. Его даже не затронул тот факт, что в городах угольного бассейна рабочие уже взяли власть, разогнали городское ведомство. У руля стали лидеры рабочей партии общественного развития, этой язвы Беаны, которую можно выжечь только скорейшим перелетом на Аркос, где не будет ни одного зараженного идеями о всеобщем равенстве и ликвидации частной собственности. Выступать Пэт явно не собирался, и Крюгер решил действовать.

— Не пойму, что происходит, — насупился он и заговорил издалека. Начал с ошибок, которых следует избегать на Аркосе. В конце концов получилось, что в экологическом кризисе персонально виноват Моррис-старший — дал волю промышленникам, не издал ни одного закона, гарантирующего охрану окружающей среды. Либерализм! Там недоглядел Рэв Моррис, там не усмотрел Рэв Моррис. Вот так же и Аркос, планету живую, молодую, он доведет до... И вообще промышленный прогресс необходимо ограничить. Так, воспроизводство продукта — и хватит!

Промышленники переглянулись, потом оживились. Крюгер перестал нервничать. Он знал желание большинства крупных промышленников и без обиняков высказал его:

— Считаю необходимым передать всю власть комитету по переселению!

Хорошо получилось. Старый Моррис встал и ушел. Крюгер совсем успокоился.

— Пэт, — окликнул он Морриса-младшего, — что вы там дуетесь? Кажется, пока вы председатель комитета? Вот и занимайте место председательствующего! Еще есть кое-какие вопросы.

Моррис опустился в отцовское кресло. «Ну что ж, закономерно», — только и подумал он, глядя на бумаги с пометками отца. Потом сказал:

— Я должен сделать два сообщения. Профессор Бенц найден убитым на своей вилле.

— Дальше что? — спросил Крюгер.

— Звездная армада готова к отлету. Назначаю время старта: послезавтра, рассвет. Сутки достаточны для окончательных сборов.

— С этого и надо было начинать, — буркнул Крюгер, — история с Бенцем — это уже история. И давно. Никакой связи, честное слово.

Но для Морриса связь между этими сообщениями существовала. У Шейлы больше нет оснований отказываться от полета. На Беане ее больше ничего не держит, и она не так глупа, чтобы отказаться от официального с ним брака. Ведь дала же она ему понять со всей определенностью, что об иных взаимоотношениях между ними не может быть и речи.

Шейла подарит ему здорового, крепкого сына, которому он передаст власть на Аркосе. А отец? Жаль, но ничего не поделаешь! Закон развития. Будет нянчить внука... Сидеть на Аркосе где-то у чистого озера и ловить рыбку, забыл, наверное, какое это удовольствие!

Вот и все кончено. Впрочем, нет. Кончено дело о похищении профессора Бенца. Сейчас лифт поднимет Грима еще на этаж, и он начнет дело об убийстве профессора Бенца.

Грим шел к Вернеру. Комиссар был явно расстроен.

— Ты вовремя пришел, я уже искал тебя, — Вернер барабанил пальцами по крышке стола, — тебя вызывают в Верховное ведомство. Немедленно, к самому Моррису-младшему. Впрочем, он уже просто Моррис, — Вернер прокашлялся, пытливо глянул в лицо Грима. Тот молчал, потом Вернер встал, прошелся по ковру:

— Да... Вот стоит связаться с непрофессионалом — и прокол. Эх, мой маленький Анри, а может быть, дело в том, что ты самовольно отпустил тогда Клаузена? Он ведь арестован. — Вернер многозначительно двинул подбородком, сказал с тяжелым вздохом: — Да, тяжело вам здесь будет без меня. Завтра отлетаем. Слушай, Грим, — голос Вернера посуровел, — говоришь, возле дома профессора обнаружены мужские и женские следы? Если хочешь, это следы Саадов.

— У них алиби. В тот момент, когда был убит профессор, я проводил в их доме обыск. Оба они находились рядом со мной, — сухо возразил Грим.

Вернер нетерпеливо махнул рукой:

— Они могли к этому времени уже вернуться домой. Ты не хронометрировал. Будь умней и верь моему опыту. Да и не надо хронометрировать. Они преступники. И вообще не все ли теперь равно? Ту-ту, улетаем... А теперь давай не мешкая к Морису.

Грим зашел к себе взять протоколы допросов Саадов и осмотра места происшествия, заключение судмедэкспертов.

В его приемной сидела Рона Гек. Он кивнул ей:

— А вы умело подали новую сенсацию. Хвалю. Только не спугните мне убийцу, прошу вас.

Она поднялась навстречу:

— Я завтра улетаю. Я пыталась встретиться с вами вчера, но вы...

Грим посмотрел на нее:

— Слушаю вас.

Она села на диван:

— Здесь много объяснять не придется. Конечно, мои подозрения не обоснованы... Я кое-что видела возле дома Бенца... Вчера, помните, это же вы посоветовали обратиться к Шейле Бенц. Так вот, вчера мы были у нее. В это время ей позвонил профессор. Я тут же, чтобы не пропустить сенсационное возвращение профессора Бенца, поехала к нему. Поймите, я не могла такого упустить! Дверь была заперта. Или мне не открыли, не буду утверждать. Но в доме кто-то был. Я обошла дом, хотела заглянуть в окно. Я ведь видела: машина профессора стоит у входа.

— Она там и стояла с момента исчезновения Бенца. Это ничего не значит, — хмуро бросил Грим. Значит, женские следы у дома Бенца — это следы Роны Гек... А кто тот, оставивший мужские следы?

— Я чувствовала, что в доме есть люди, — продолжала Рона, — оттуда доносился голос молодого человека. Стукнула в окно, мне не ответили. Тогда я стала искать, на что бы встать, окно-то высокое, а голос, все тот же молодой голос, сказал: «Ваше открытие ошеломляюще, профессор!»

Я попыталась заглянуть в окно, но вдруг там что-то хрястнуло, раздался вскрик. Я отскочила и затаилась. Хочу предупредить вас сразу — я боялась себя обнаружить, поэтому видела меньше, чем могла бы. Словом, кто подъехал на машине, я не знаю. Слышала только, как открылось окно и из него кто-то выпрыгнул. Машина тут же развернулась и отъехала. Номер я рассмотреть не успела. Но это была машина богатого человека, очень богатого. Ошибиться я не могла. Прощайте, желаю вам всего самого лучшего. — Рона дружески улыбнулась Гриму и направилась к двери. У двери остановилась, оглянулась. — И прошу вас ни в коем случае не ссылаться на меня.

— Я понимаю. Но скажите, кто-нибудь еще знает, что вы были там? Муж?

— Да, он знает.

— Еще?

— Я звонила в редакцию, — Рона вдруг растерялась, — я не могла не сообщить, что нашелся профессор Бенц.

Грим собрал бумаги, как только дверь за госпожой Гек закрылась, и направился к Моррису.

Моррис слушал его внимательно и при этом мило улыбался, доброжелательно кивал. Когда Грим закончил, он сказал:

— Вы прелели обстоятельную, полезную работу. Ее продолжит комиссар Вернер. Сейчас вы отправитесь в управление и сдадите ему дела. А вас я назначаю ответственным за посадку третьего и четвертого кораблей. Вы внесены в списки первого эшелона. Зайдите, конечно, домой, возьмите все необходимое. На космодроме вы поступите в распоряжение головного пилота Оуна — передадите ему этот пакет. — Моррис подошел к сейфу, достал объемистый залитый сургучом конверт. — Здесь очень важные документы.

Грим бросил короткий взгляд на ноги Морриса. Даже визуально можно было определить, что ботинки министра номера на три больше тех мужских следов под окнами особняка Бенца.

Вряд ли возможен подобный камуфляж, подумал Грим. Было ли у него время так подробно обдумать и так тщательно замаскировать убийство?

А Моррис закончил:

— Вот, собственно, и все то дело, по которому я приглашал вас.

Моррис стоял на люковой площадке головного корабля. Отсюда хорошо были видны поле космодрома, стартовые конструкции, длинная вереница автомобилей и автобусов, оркестр, море цветов, в котором словно на волнах покачивались людские головы. Сверхалось дело его жизни. Но Моррис не испытывал ни радости, ни гордости.

Он смотрел в бинокль на людские лица. Он сделал для этих людей все что мог: открыл планету, которая станет их вторым домом, создал оптимальную модель перелета. Подумать только — планета, не знающая голода! Каждому человеку — много места, много травы, чистый воздух, прозрачная вода, лучи Эпсилона. И плюс к этому раю — весь технический комфорт, весь научный потенциал планеты, уже отдавшей технике и науке свой воздух, свою воду, свою траву, свое тепло...

Он опустил бинокль. Те, по ту сторону поля, залитые слезами, улыбающиеся через силу... Как не хотят они отпускать тех, кто уходит. Если бы они знали, что навсегда! Они сломали бы эти решетки, бросились бы к кораблям враждебной лавной...

Моррис рассматривал своих спутников и также видел на их лицах слезы. Всей семьей летят только те, в чьих семьях и муж и жена способны принести пользу на Аркосе. И, конечно, семьи элиты. Но не о них речь. Остальным кажутся лишними цветы, последние цветы Беаны, ради торжественного старта Моррис приказал их срезать в правительственных оранжереях.

Моррис отвел глаза. Вот по полю идут избранные... Четвертый корабль начал посадку. Моррис подправил окуляры и увидел Грима. Ну что ж, лучший способ удушить врага — принять его в свои объятия. И что она нашла в этом Грима! Однако ее почему-то нет... Неужели не придет даже проститься? А может быть, последнее прости уже сказано?

...Вчера они встретились с Шейлой последний раз. Моррис приехал к ней, выразил соболезнование и сказал:

— Мне удалось выхлопотать для вас место в первом эшелоне.

Она резко перебила и попросила отдать ее место жене репортера Гека, та ждет ребенка. Хорошо. Он тут же позвонил Крюгеру и, конечно, уладил этот пустяк. Еще кто-то остался без места в корабле...

— Ваше место только для вас, Шейла. — Он думал, что его повинование сделает ее мягче. — Хотя ваш научный статут уже не имеет принципиального значения для общества, но тем не менее...

Она опять перебила его:

— В таком случае, в каком же качестве я должна лететь?

— Моей жены. — Моррис произнес это четко и весомо.

Шейла выразительно глянула на него — в этом взгляде было все. Если бы она просто сказала: «Я не люблю вас» — и то Моррису было бы легче. Ему отказывали более чем униженно. Но Моррис оказался готов и к этому; он заговорил как можно мягче:

— Послушайте, Шейла, я не деспот. Я ни к чему вас не принуждаю. Но я вас уверяю, вы будете со мной счастливы. У нас есть время. Присмотритесь ко мне. Чувство основывается на поступках. Я не знаю, как это выразить, но там, когда нас не будут мучить разные побочные трудности, не будут отвлекать ненужные встречи, вы поймете, как важно иметь рядом преданного человека. Да что я говорю! Главное, мы будем рядом. Мало ли что может случиться со вторым эшелонем, подумайте, Шейла! Так что вам в любом случае лучше лететь этим рейсом со мной, он более надежен. На Аркосе ваше горе начнет затихать, вы сможете разобраться и в себе, и во мне, — он подошел, положил руку на ее плечо, она дернулась от его прикосновения, — ваша жизнь наладится.

— Моя жизнь наладится и здесь, и без вас. — Она сбросила его руку.

Он похолодел. Мгновенно вспомнились колючие, ревнивые глаза полицейского инспектора, и догадка ошеломила:

— Какая-то полицейская шавка смеет путаться меж нас!

— Это низко, — она криво улыбнулась, — но вы сказали то, чего пока я не допускала в своих мыслях. Благодарю вас. За меня не тревожьтесь, я устрою свою жизнь здесь и без вас.

...И без него. Пусть остается. Он достойно отомстил ей. Она разделит его страдания.

Первое, что Моррис сделал, вернувшись от Шейлы в Верховное ведомство, это две замены в списках первого эшелона. Вместо фамилии Маттиса фамилия Моран. Этот человек блестяще отреагировал на новые результаты экспериментов Бенца — или ему просто не захотелось оставаться на Беане? И вместо фамилии Вернер — фамилия Грим...

Чтобы отвлечься от гнетущих мыслей, Моррис опять навел бинокль на поле. Вот и госпожа Гек. Странно, отлетела от Грима, словно наткнулась на привидение. А ее муж разговаривает с инспектором вполне дружелюбно. Рождение ребенка у Геков даст начало первому поколению уроженцев Аркоса, поко-

лению, выбравшемуся из звездного мрака. Что-то станет с этим поколением, с ребенком Геков! Дети, оставшиеся без родителей... Ну и что? Их воспитает государство. Два материка Аркоса — вот удача! Морриса затрясло, так лихорадочно его мозг последний раз работал разве что при составлении проекта сетки отбора людей к перелету. Деморфин, интернаты и два материка — эта комбинация создаст уникальное общество! Общество, где каждый будет наделен своей порцией счастья. Каждый! Каждый по-своему.

Моррис опять навел бинокль на тех трех. Геки отходят, идут на посадку. И тут Моррис увидел Шейлу.

Энергично работая локтями, она рвалась к ограде. На секунду в душе Морриса вспыхнула радость — может быть, она передумала, решила лететь с ним? Но разом отбросил надежду: Шейла достаточно умна, чтобы понимать: подобные решения не принимаются наспех. И опять робко екнуло сердце: она одумалась и пришла проститься — тогда он подхватит ее на руки и унесет в корабль безо всяких рассуждений. Подчинившись этому чувству, он стремительно рванулся к лифту, скорее, еще есть время!.. И остановился. Он увидел, как через ограду к Шейле потянулся Грим. Надежду сменило любопытство — жестокое, злое. Моррис потом не раз удивлялся своему хладнокровию, с каким он рассматривал в бинокль эту сцену. Шейла протягивала Гриму руки, он целовал их, она гладила его голову, вот они прильнули к решетке в едином порыве... Моррис опустил руку с биноклем. На секунду закрыл глаза, круто повернулся, надел шлем и вошел в люк корабля.

Когда он диктовал в микрофон скупые слова команды, то зримо представлял, как толпа лавиной ринулась к кораблям, слепой силой разорвала те сцепленные руки, смяла последнее объятие. Он объявил двухминутную готовность.

Потом он ждал, когда командиры линейных кораблей эту готовность подтвердят, думал, что хорошо бы запомнить эти последние секунды на родной планете. Потом скомандовал: «Старт!»

Когда головной корабль, описав орбитальную дугу, начал выходить на расчетную траекторию, Моррис увидел перед собой серп Беаны, на который набегала темнота, — и в этой тьме он заметил короткую вспышку. Система Крюгера не подвела: единственная космическая связь Беаны оборвалась навсегда. Моррис перевел дыхание и отвернулся. Беана погрузилась во мрак.

Часть вторая: ШЕСТЬ АВАРИЙНЫХ СУТОК

Сигнальные огни действительно отказали. Я был чист перед совестью и долгом космолетчика, когда сажился на Аркос. Я был безмерно рад, что снова на Аркосе и снова увижу Бэкки. У меня в запасе шесть неиспользованных аварийных суток. В пределах этого времени я не нарушаю графика. Земля ждет меня, ведет радиомаяком через коридор «черных дыр». За это время я смогу все решить...

Это мой последний рейс в систему Эпсилон. На Гамме мы вели геологические разработки. Я, Алексей Гончаров, «безвоздуш-

ный извозчик», как называют в шутку транспортных космолетчиков, доставлял на Гамму геологические партии, транспортировал образцы породы. А в этот последний рейс я спустил на планету автоматическое оборудование, и теперь трудно сказать, прилечу ли я на Аркос или кто-то другой... Это обстоятельство поставило меня перед проблемой, всю тяжесть которой я ощутил только теперь. Я могу потерять Бэки.

Я любил ее. Теперь, в этот последний рейс, понял, что должен увезти Бэки на Землю.

Встретила меня Бэки без особой радости. Она торопилась на пресс-конференцию в Верховное ведомство Аркоса. Я удивился. Во-первых, потому что Бэки политикой не занималась, а во-вторых, обычно она приглашала и меня тоже на разные мероприятия, к которым проявляют интерес газеты. Сегодня же Бэки заявила, что если я хочу, то могу посидеть дома и подождать ее.

— Эта пресс-конференция — наше внутреннее дело, не для твоих нежных ушей. — Она смутилась собственной резкости и добавила: — Если тебе не хочется оставаться одному, может быть, ты посидишь в машине? Я не думаю, чтобы нас задержали надолго, вопрос достаточно ясен.

— Бэки, у меня всего шесть суток, программа полета... — начал было я. Она перебила меня, заторопила, и мы поехали.

К Верховному ведомству мы прибыли раньше намеченного времени. Зашли в кафе «Эпсилон». У стойки стоял парнишка — молодой, невзрачный. Все, что я запомнил, его нервно двигавшиеся руки. Правда, он был «под грузом».

Бармен поставил на наш столик коктейли. И тут парень подошел к нам.

— Я про тебя слышал, — он взялся за столик, — ты Бэки Гек из «Вечернего Эпсилона». И ты очень ничего!

Бэки рассмеялась.

— Бармен! — крикнула она. — Еще коктейль для этого юноши!

Но тот не стал ждать, выпил из ее стакана. Бэки вспыхнула, но сдержалась, пододвинула ему стул, предложила сигарету. Он закурил и сел прямо на стол:

— У тебя славная кожа. — Он хотел погладить Бэки, она увернулась.

— Ух ты, змейка! Думаешь, ты такая из себя знаменитость, что и потрогать тебя нельзя простому парню? Не бойся. Я тебе ровня. Я Херли Чвай, может, слышала, программист Верховного ведомства?

— Хорошо, только сядь на стул, — нервно ответила Бэки.

— Я холост. Я на тебе и жениться могу. Я четыре ночи не спал. Ты знаешь, сама об этом писала. Закончили мы эту программу... Ну, наши и дали!.. — Он повертел в воздухе пальцами. — Только я в это не верю.

— Поверишь. Я замуж не собираюсь. Так что считай наш разговор оконченным, — у Бэки зло блестели глаза, — ты уже выпил свое?

— Слушай, я устал. В голове пусто. Мы все там как взмыленные.

И тут парень обратил внимание на меня:

— А... Ты с этим типом! — Внимательно посмотрел на мой костюм. — Он вроде не наш. Аркосец ее уже не устраивает! Конечно, это твое дело, но обидно.

Я рванулся, чтобы отшвырнуть этого наглеца. Но Бэки меня остановила. Она решила сама постоять за себя:

— Пойди проспись, потом и поговорим на свежую голову.

— Ах, так... Ты хочешь сказать, что я пьян?! Вон отсюда!

Я схватил негодяя за шиворот, чтобы выбросить его из кафе. И в этот момент он вынул из кармана пистолет. От неожиданности я опустил руку.

— Выматывайся! Ну!.. — заорал он. — Считаю до трех!

И вдруг раздался выстрел. Парень упал. К нему подошел аркосец в синем костюме, заглянул в лицо и спокойно вышел из кафе. Я подхватил пообедневшую Бэки и потащил ее к машине. Она нервно рассмеялась.

— Ну вот, началось... Я думала, Верховные сто лет его утверждать будут. — Перевела дух и добавила с непонятной мне холодной, злой интонацией: — Неплохое начало для репортажа...

— Что утверждать? — не понял я.

— Верховное ведомство приняло новый закон. Возьми газету, я там все в подробностях расписала.

Она бросила мне на колени вчерашний номер «Вечернего Эпсилона» и пошла в Верховное ведомство. На первой полосе под крупной шапкой «Мы хотим оздоровить общество» стояло интервью Бэки с одним из Верховных министров.

«Разнузданность наших нравов, — читал я, — давно требует принятия самых безотлагательных мер. И вот власти планеты, внимая многочисленным жалобам ее жителей, вынесли четкое и строгое решение: за всякое отступление от норм нравственности и морали — смерть!»

— Грандиозное начинание! — сказала Бэки, вернувшись. — Я всегда верила в прогресс и его достижение любыми средствами. Цель-то благородна.

— Я ничего не понимаю. Ты все-таки, может быть, объяснишь?

— Забавный случай, — она не слушала меня, — вчера, когда прессе рассказали о новом законе, редактор газеты «Производственный континент» назвал его необдуманным и антигуманным. Вчера же его избили до полусмерти... Ой! Мне сегодня везет! Это он! — И с этими словами Бэки выскочила из машины.

Обернувшись, я увидел аркосца в синем костюме. Бэки о чем-то оживленно поговорила с ним и вернулась в машину весьма довольная.

— Ну вот, он и согласился.

— Кто и на что?

— Элдар Крауф, член комиссии семнадцати — тот, что спас нас от негодяя. Он согласился. Понимаешь, я получила в редакции разрешение на серию репортажей. — Она прилегла на руль и повернула ко мне голову. — Это признание, милый, когда журналисту отдают целую тему. И я хочу, чтобы у этой серии был герой, как бы тебе лучше объяснить... ну, единый тематический стержень.

— По-моему, у тебя уже есть тематический стержень этой серии. Дуло пистолета.

— Ну и юмор! — Бэки обиженно вздохнула, выпрямилась и включила мотор. — Приготовься к головокружительной езде, постараюсь выжать из него все. Надо спешить: я должна успеть еще переодеться.

— Что?

— Мы едем на свадьбу. Не могу же я появиться в высшем обществе в таком виде.

Бэки свернула на узкую улочку, сияющую витринами. Я опешил, потому что привезла она меня в магазин мужской одежды.

— Неужели ты думаешь, что я соглашусь пойти с тобой в общество, когда ты в такой дурацкой униформе? И так четыре года хожу как с бельмом на глазу! Мне надоело, что на тебя оглядываются, — говорила Бэки, вода меня между стеллажей и вешалок. — Надо быть как все, не выделяться.

Она заставила надеть костюм аркосской моды, я чувствовал себя в нем актером, играющим в какой-то исторической пьесе. Переубедить Бэки все равно было бесполезно. Мой комбинезон она завернула в бумагу и бросила в багажник машины.

— А теперь домой! Я приведу себя в порядок. Знаешь, это весьма символично: женятся сын владельца фабрики и дочь хозяйна универмага. Кстати, — добавила она, помолчав, — на свадьбе будет Крауф. Я пригласила его. Надо же завязывать отношения. Он симпатичный человек, должен тебе понравиться. По профессии — преподаватель философии.

Крауф внешне производил впечатление вполне достойное. Однако он был членом комиссии семнадцати...

Я заговорил с ним первым:

— Мне трудно судить о действиях вашего правительства, понимаю, что чужак, но должен сказать: слишком это дорого — платить жизнью за нравственный грех. Конечно, воспитывать людей необходимо, но насилие не та мера. Человек может оказаться в такой ситуации, когда его поступок будет иметь двойное толкование.

Мы как раз ехали со свадьбы, и ситуация мне показалась подходящей для этого разговора.

— Ну конечно, — с иронией отозвался Крауф, — было бы, наверное, куда гуманнее, рассматривая закон как воспитательную меру, пристрелить нарушителя морали, а потом воскресить, погрозив пальчиком: «Не делай так больше, мальчик!»

— Должен быть предел всему, и новому закону тоже, — сказал я.

— Предел? — переспросил Крауф. — А как... — он не договорил, резко нажал на тормоз. Впереди на дороге образовалась пробка.

Крауф пошел выяснять, в чем дело. Вернулся через несколько минут.

— Кстати, о пределах, — обратился он ко мне. — Пойдемте, Алексей, вам это будет интересно.

Пробравшись между машинами, мы вышли на мост, перекинутый над мелкой речкой. У парапета стояли люди, они, смеясь, смотрели вниз. Мне не понравился их смех. Кое-кто свистел, как на футбольном матче.

— Смотрите! — приказал Крауф.

В воде вверх колесами лежала машина. По берегу в отчаянии бегал невысокий молодой человек. Он рыдал.

— Да она давно готова! — крикнул ему кто-то.

Из редких реплик я понял, что в машине осталась девушка. Я бросился вниз. Понял, что за мной бегут и другие.

Вытащить из воды малолитражку труда не представило. Взломали замок, открыли дверцу. Молодой человек взял на руки свою спутницу. Я хотел сделать ей искусственное дыхание, но Крауф остановил меня:

— Ты не бог. Иди скорее, пока за нами не увязались. — И потащил меня за рукав. У дороги толкнул вперед, когда я еще раз оглянулся. — Иди-иди! Бэки, наверное, волнуется.

— На этом, дорогие друзья, пресс-конференция закончена, — объявил начальник следственного отдела Верховного ведомства Кибрит Эллис.

«Вот и все, — устало подумал он, — сейчас заеду за Ингит и домой... Надо только на минуту зайти в отдел».

— К вам посетитель, весьма настойчивый. — Секретарь Эллиса привстала, чтобы открыть перед ним дверь.

В кабинете на стуле для посетителей сидел высокий, довольно плотный человек. Его лицо показалось Эллису знакомым. Человек поднялся навстречу. Эллис бросил на него косой взгляд, сухо сказал:

— Вы ко мне? Слушаю вас.

— Меня зовут Рэв Дрибл, я продавец газет и хочу стать членом комиссии семнадцати. Вот то дело, которое привело меня к вам.

— Я не имею никакого отношения к комиссии семнадцати. Вы обращаетесь не по адресу.

— Но вы начальник следственного отдела? Кто же еще занимается этим?

— И тем не менее, — устало ответил Эллис, — кроме того, комиссия уже укомплектована. Мы напрасно теряем время, молодой человек.

Собеседник Эллиса встал, что-то пробормотал себе под нос и поплелся к двери.

На пороге он обернулся:

— Послушайте, но ведь кто-то из членов комиссии может заболеть, отказаться, погибнуть, наконец!..

— Хорошо, — с расстановкой произнес Эллис. — Оставьте свои координаты. При необходимости я найду вас.

«Кто же еще может этим заниматься? — невольно повторял Эллис слова посетителя, сидя в машине у школы, в которой работала его невеста. — Этот идиот прав: они щелкнули меня по носу. Решили, что я и без того наделен большой властью, а она мне не по чину».

...Эллис всегда приходил на службу вовремя. Даже раньше положенного. Сегодня утром он еще раз разложил на столе, затем снова собрал и перелистал страницы секретного доклада. Невольно чувствовал, как ему жаль отдавать в чужие руки эти бесценные сведения — он держал в руках судьбы сотен аркосцев.

Как обычно, министр за вторым завтраком принимал подчи-

ненных. Когда Эллис вошел, министр старательно намазывал джемом крохотный сухарик.

Дождавшись, когда министр отопьет из чашки дымящегося, покрытого розовой пенкой молока и проглотит кусочек сладкого сухарика, Эллис неторопливо разложил перед ним свои бумаги и торжественно сказал:

— Перед вами список лиц и организаций, противопоставляющих себя обществу. Так сказать, недовольных своим правительством. В основном это люди, проживающие на Производственном континенте или связанные как-то с ним. Впрочем, Производственный континент всегда был источником смуты...

— Можете забрать эти бумаги. Ни к чему они. Вы слышали, новый закон уже входит в силу?

— Разумеется, — ответил Эллис, а в голове пронеслось: «Издевается, знает, что новый закон должен проходить по моему отделу, все эти голворезы должны отчитываться передо мной, подчиняться только мне!»

— Так вот, после введения закона о борьбе за нравственность мы будем жить в идеальном обществе. А от того, что мы отловим этих тараканов, — министр собрал разложенные Эллисом документы в аккуратную стопку, уложил ее в папку и протянул ему, — ничего не изменится. Появятся новые. Работа, проводимая вами, очень важна для нашего общества, и, когда вы понадобится мне, мы вернемся к этой теме. А сейчас я попрошу вас заняться вот чем. Потолкуйте с репортерами. Разъясните им новый закон...

...Эллис был недоволен. Мало того, что ему фактически выразили недоверие, отстранив от акции семнадцати, да еще как мальчишку на побегушках отправили беседовать с журналистами...

Ингит ждала его дома. Эллис понял, что давно. Зря он караулил ее возле школы — мог бы не тратить время. И спросил резко:

— Где пропадала?

— Ничего не скажешь — нежный возлюбленный! — ответила она.

— Интересно! — воскликнул Эллис. — Где ты была?

Ингит промолчала. Это не понравилось Эллису. Он повторил вопрос.

— Я не была сегодня в школе. Я ходила к родителям некоторых моих учеников. Беседовала. Понятно?

Эллис заметил беспокойство в глазах Ингит. Он насторожился и поспешил перевести разговор на другую тему:

— Ты видела газету? Там довольно любопытные вещи...

— Ты имеешь в виду новый закон?

Эллис кивнул:

— Сволочи!

— Кто? — Ингит подняла на него глаза — ее взгляд опять не понравился Эллису.

— Верховные.

— Первый раз от тебя такое слышу.

— Я тоже первый раз... Так унизить... — И Эллис поведал о своих горестях, сказав в конце, что мириться с такой ролью он не намерен. Но тут Ингит встала:

— Взял бы да женился на чьей-нибудь дочке. Стал бы им ровня.

Эллис посмотрел на нее, выпил вина.

— Рад бы! Вот только ты мне и подходишь... Сама должна понимать! — Но, глядя в ее лицо, смущенно пробормотал: — Я не хотел тебя обидеть. Ты же знаешь, как я люблю тебя! — Он опять выпил, потом еще и еще, и начал рассказывать, как рано или поздно он им всем свернет голову, что они сами дали ему эту возможность.

Ингит слушала, подперев щеку кулачком.

А утром Эллис проснулся в одиночестве. Ингит не оставила даже записки.

Я не мог говорить с ними, знал только одно: не хочу быть здесь. И, попросив Крауфа остановить машину у ближайшей станции, отправился в аэропорт, а оттуда вертолетом на Космобазу.

База находилась на острове, недалеко от второго Производственного континента Аркоса. На нем заводы и разработки. Бэки как-то говорила, что рабочие и инженерный состав там на особом положении.

На Космобазе Земли работают местные, аркосцы. Они выделены нам Верховным ведомством по специальному распоряжению. Руководит ими Дзей Оун, толковый инженер, приличный администратор. Утром он пришел ко мне. Его лицо было весьма расстроенным.

— Ну, Дзей, — сказал я ему, — как идет установка вашей системы бортового освещения? Я думаю, легче смонтировать новое, чем делать ремонт. Возможно, — добавил я, чтобы поднять настроение инженера, — вашим вакуумным лучеиспуска-телем заинтересуются на Земле и со временем оснастят не только мой «Байкал».

— Работать некому, Алексей, — нервозно ответил он, — вы знаете, конечно, механик по освещению был у нас один.

— Ну и что?

— Его убили.

— Что он сделал?

— На мой запрос в Верховное ведомство ответили, что кара была справедливой. Больше ничего не знаю. Жалко, неплохой был парень. Да что там, в сегодняшних «Утренних новостях» сводка — за один вчерашний день комиссия ликвидировала срок восемь человек. Говорят, их не семнадцать, а человек двести. Больно уж они оборотистые... Только за один день, подумайте! К тому же, как мне известно, сводки убитых на Производственном континенте вообще не публикуются. А там убивают на каждом углу и непонятно за что.

— Работают, — выдал я в ответ.

— Я потерял одного из друзей, — мрачно продолжал Оун. — Впрочем, вы были свидетелем расправы над ним.

Я настороженно поднял глаза.

— Я должен был встретиться с ним в кафе «Эпсилон». Он собирался сказать мне что-то важное, звонил мне. Это было вчера

утром. Через витрину я видел, как над трупом моего друга стоял некто в синем.

Я кивнул. Мне опять стало жутко, как в те страшные минуты. Я и не знал, рассказывать ли Оуну, за что поплатился жизнью его приятель.

— Собственно, особенно близки мы никогда не были, — продолжал инженер. — Но он был мне друг по убеждению, по общему делу... А сейчас я должен уйти, — неожиданно сказал Оун, поднимаясь со стула, — проводится сбор жителей острова в поддержку нового закона. Хотите со мной? — вежливо осведомился он.

— А что я буду там делать?

— Ничего. Сидеть и слушать.

Я подумал, может быть, этот сбор объяснит мне, как цивилизованное общество могло прийти до подобного решения?! Как мог возникнуть чудовищный законопроект, сама мысль о нем? Как, наконец, люди могли согласиться на зверскую миссию?

С улицы доносились выстрелы. Казалось, с каждым часом они звучат все чаще и чаще, и аркосцы воспринимают их уже как звуки детской хлопушки. Потому что иначе можно сойти с ума! А как я воспринимал это? Может быть, что-то недопонимал? В моих размышлениях были только вопросы, не было ответа.

И тут меня осенило.

— Дзей, вы не знаете, в библиотеке базы есть история Аркоса? — спросил я Оуна. — Хотя бы краткая?

Он пожал плечами:

— Вероятно... Зачем вам? Так пойдете со мной? — добавил с нетерпением.

Я отказался. Оун откланялся. От двери презрительно бросил:

— Не понимаю... Зачем? Что вам Аркос? Улетел-прилетел...

— Прилетел-улетел?! — Я схватил инженера за рукав, втащил обратно в комнату, усадил в кресло. — Да я уже сутки думаю, как предотвратить резню!.. Око за око, зуб за зуб!.. Это уже было, это уже известно в обитаемом мире! И ни к чему доброму никогда еще не приводило! Я не верю в подобный способ борьбы с недостатками! Надо что-то делать, надо предупредить Верховное ведомство о страшных последствиях этой политической авантюры! Но чтобы что-то сказать, я сам должен понять, что привело ваше правительство к необходимости введения нового закона.

— Да, — подавленно произнес Оун, — я тоже хочу понять, где корни нового закона. Только наша официальная история здесь ни при чем. Эта изящно изданная книжка расскажет вам, как была обжита дикая планета, спасена цивилизация. Но я думаю, все происходило куда прозаичнее и, если хотите, трагичнее. Дело в том, что первое поколение беанцев, переселившись на Аркос, погибло. Погибло внезапно, почти одновременно, безболезненно, заметьте. Мне было девять лет, когда я потерял мать — я помню немного Беану, меня увезли ребенком. Отец погиб еще раньше, но при выполнении задания. А мать... В то время не было эпидемии, а адаптационную несовместимость

нельзя считать причиной массовой гибели, ведь смерть обошла членов правящих семей. Вот загадка, над которой мы ломали головы всем интернатом, как вы понимаете, сирот нужно было растить, об этом Верховные все же позаботились. Подростков и малолетних детей разместили на втором, менее обжитом по тому времени континенте планеты. На этом континенте разместилась и промышленность, вывезенная с Беаны. Так сложился Производственный континент. Сироты стали не только его жителями, но и рабочей силой. Высшее техническое образование, только техническое, заметьте, получили немногие. Словом, дети наследуют профессию родителей. Дети инженеров становятся инженерами. Удел остальных — труд и низкопробные развлечения. На Главном континент по специальным разрешениям еще могут выехать инженеры и менеджеры, а остальные...

— И какую связь вы усматриваете с новым законом?

— Пока никакой. Только я хочу вас спросить, зачем Аркосы такая огромная армия? От каких врагов планета-государство должна защищаться? Пришельцы вряд ли позарятся на наш скудный мир. Да и с пришельцами нам не справиться. И все же армия существует. Может быть, эта армия в один прекрасный день... Не знаю, я ничего не знаю. Только где гарантия, что и наших детей однажды не заберут в интернат для круглых сирот? Иногда я думаю, что наша с женой бездетность во благо. Как ни горько так думать! — Оун фыркнул. — Кстати, вы не бывали на Производственном континенте?

— Не довелось.

— И не доведется. Даже если вы очень захотите туда поехать. Добавлю, что всем нам, находящимся в контакте с землянами, предписано в разговорах касаться только технических проблем, возникающих при совместной работе. И все. Это уж я такой болтун попался. То, что положено знать об эпохе переселения, вам, вероятно, расскажет книжка. А молва говорит недоброе об этом времени. Первые переселенцы вымерли, потому что так было нужно элите — тогда их было сто три семейства. Они использовали людей для возрождения цивилизации на новой планете и убрали каким-то образом, чтобы сделать из их детей своих рабов.

— Вы говорите страшные вещи, Дзей!

— Что делать! Но не буду отягощать вас больше. Пора.

После ухода Ингит он проснулся с ощущением, что знает, что делать дальше.

Не спеша оделся, не спеша позавтракал, sprysнул лацканы серого с искрой костюма дорогими мужскими духами, закурил и спустился в гараж. Ровно через двадцать минут он уже входил в свой кабинет.

— Вы помните некоего Дрибла? — спросил Эллис секретаршу. — Разыщите мне его.

Секретарша порылась в бумагах и сообщила:

— У него есть домашний телефон. Кроме того, место его розничной торговли газетами — вход в парк Верховного ведомства. Это рядом.

В кабинете Эллис первым делом открыл сейф и взял папку с

секретными данными о двух тайных организациях Аркоса, готовящих заговор против правительства. В папке хранились досье на руководителей этих организаций и на рядовых их участников. Эллис знал, что ее вожди ведут между собой нескончаемые переговоры об объединении. Но что-то мешает им договориться. Одного из лидеров Эллис знал неплохо. Серт Смелл, руководитель организации Главного континента, служил некоторое время в Верховном ведомстве, потом его перевели на должность директора химического научно-исследовательского института. Это был благообразный человек, о котором Эллис порой думал, что ему абсолютно все равно, чем и кем руководить, лишь бы быть у руля. Эллис понимал, раздумывая о Смелле, что именно мешает ему соединиться с организацией Производственного континента: его собственное честолюбие. Некогда Эллис делал на Смелла ставку как на человека, который, сам того не подозревая, превратит организацию в оппозиционную ложу, демагогический клуб несогласных. Конечно, со Смеллом было бы проще. Но с другой стороны — Эллис и Смелл были слишком хорошо знакомы, чтобы пойти на откровенное сотрудничество, к которому готовился теперь Эллис.

Пройдя карандашом по списку, Эллис остановился на фамилии Дзея Оуна. Раскрыл его досье, и в это время секретарша ввела Дрибла. Эллис поднял на него глаза:

— Как видите, я не обманул ваших ожиданий. Я помнил и думал о вас. Правда, как и вчера, никаких связей с комиссией у меня нет. И тем не менее я готов кое-что предложить вам. Вы работаете на улице. Там же работают и наши уважаемые рыцари справедливости. Так что вам ничего не стоит выследить их.

— Кажется, я понял вашу мысль.

— Но учтите, я дарю ее вам безвозмездно. Когда вы войдете в контакт с одним из них — как вы это делаете, меня не интересует, — то тут же поставите меня в известность. Если о ваших контактах с комиссией я узнаю через третьих лиц — это в моей власти, — я сыграю с вами нехорошую шутку, другого выхода у меня не будет. По новому закону ни один аркосец не имеет права выявлять круг лиц, его исполняющих. Ну а в случае удачи я получу возможность нажать известные мне пружины, чтобы и дальше помогать вам.

Дрибл ушел довольный. Эллис опять взял досье Оуна: «Дзей Оун, закончил Высший технический колледж. Работал на заводе по производству электродвигателей, по личной просьбе переведен на экспериментальный завод вертолетоконструкций. Там вступил в тайную организацию. Женат. Бездетен. По протекции Серта Смелла переведен на должность главного инженера Космобазы Земли...»

Эллис закрыл папку и взял в руки машинописную копию программы действий организации Производственного континента. Пункт первый утверждал равноправие Главного и Производственного континентов.

Он покачал головой: легче осушить водное пространство между ними.

Пункт второй: «Передача всех производящих промышленных и сельскохозяйственных предприятий, принадлежащих пятидеся-

ти семи семьям и другим частным лицам, в общую ответственность».

Эллис попытался представить себе, как это может выглядеть на практике. «Ну, допустим, — думал он, — завод большой, их много там, пусть хозяйничают... если смогут выкинуть пятьдесят семь. А мелкие предприятия, которых полным-полно на Главном континенте? Их владельцы не пойдут на такое...»

Пункт третий: «Ликвидация наследственной власти и установление власти нового правительства, созданного на основе всеобщих равных выборов для всего взрослого населения обоих континентов».

Далее следовали пункты об интенсивном развитии производства, справедливом распределении доходов. Это уже не интересовало Эллиса. Он понял: радикалу Оуну вряд ли удастся заставить Смелла и его сторонников выступить вместе с ним. Эллису стало ясно, что ему нужен Оун.

Через пару часов он был на Космобазе. Оуна нашел возле ворот, отработанным движением показал удостоверение. Они вошли в административное здание, молча сели друг против друга.

— Как вы относитесь к новому закону? — спросил Эллис.

— Закон принят, как утверждается, под знаком гуманизма, — пожал плечами Оун.

— Ваш ответ меня не удовлетворяет, но другого я не ждал. Здесь курят? Надеюсь, взрывоопасные вещества вы храните в другом месте. — Эллис затянулся, выдохнул сигаретный дым. — А теперь позвольте напомнить вам содержание нескольких бесед, которые вы вели три дня назад в обществе радиста базы Миккаса Пру, инженера-технолога Вирена Краста и лаборанта Сея Рода. Вы высказали мысль, что примером для аморального поведения служат наши досточтимые пятьдесят семь семей. За два дня до этого...

— Достаточно, — сказал Оун. — Что вы от меня хотите?

— Это вы помете несколько позже. — Эллис встал, прошелся по комнате. — Должен вам сказать, что меня не устраивает новый закон...

— И поэтому вы пришли ко мне?

— Я мог бы пойти к Серту Смеллу, но я не считаю его достаточно деловым человеком, он слишком озабочен собственным благополучием. Считаю, что ничего, кроме вреда, этот человек не принесет вашей организации. Учтите, я давно слежу за вашей подрывной деятельностью, и у меня есть основания сделать серьезные выводы относительно вас всех. И Смелла в том числе. Но ближе к теме. Я предлагаю вам сотрудничество.

— Интересно, — усмехнулся Оун. — Вы-то чем можете быть недовольны?

— Ну, это уже мое дело. Я мог бы не отвечать на ваш вопрос, но я скажу. Мой отец стал младшим полицейским инспектором в пятьдесят три года. Почему я так хорошо помню эту цифру? Отец остался на Беане как лишний в деле строительства... нового витка цивилизации. Мать была куда удачливее, но и ее карьера не пошла дальше определенных рамок. Мой путь был очень сложен. — Эллис усмехнулся. — Вы никогда не

клеветали на своего начальника? Не приходилось. Оттого вы здесь и прозябаете. Мне это пришлось сделать дважды. Не скажу, чтобы это занятие доставило большое удовольствие. Не скажу, чтобы оба мои руководителя были порядочными людьми, они были как все. Только они стояли надо мной и мешали мне.

Оуна передернуло:

— Вы очень откровенны.

— Если даже я не нравлюсь вам, все равно выбирать не приходится. Так что давайте ближе к делу. Я хочу разогнать, а возможно, и физически уничтожить эту банду — пятьдесят семь. Помочь в этом мне может только ваша организация. Вот почему мы сидим за одним столом, хотя, признаться, — Эллис неожиданно добродушно рассмеялся, — ваша конторка меньше всего похожа на зал переговоров.

— Почему вы так уверены в наших силах? — уже спокойно спросил Оун. — А если мы не сможем помочь вам?

— Э, бросьте! Я слишком хорошо знаю ваши возможности. Но если вы убеждены, что не можете помочь мне, или не хотите, что равнозначно, то завтра вся ваша организация, а вы лично уже сегодня, окажетесь за решеткой.

— Вы страшный человек.

— Об этом мне говорили, — с усмешкой заметил Эллис. — И не раз. Скажите что-то поновее. И не кукситесь. Мы люди разные, но пока у нас общая цель. Пока мы нужны друг другу.

— Что вы предлагаете?

— Вот это уже мужской разговор, — тон Эллиса повеселел. — Первое. Ваша организация должна сейчас вести свою работу так, будто этой встречи не было. Второе. Мои приказы, а если хотите, рекомендации, их я буду давать лично вам, должны исполняться точно и в срок. В срок, — повторил Эллис, — до минут. Вам понятно? И, надеюсь, вы согласны. Ну а ежели согласны, то, насколько мне известно, дело в вашей организации на мази. И вы ждете удобного повода для выступления, не так ли?

— Да, — коротко отозвался Оун.

— Повод я беру на себя. Ваша первая задача: начать выявление и по возможности физическое истребление членов комиссии семнадцати. Обо всех ваших шагах в этом направлении вы должны уведомлять меня незамедлительно. Вот мой телефон, — Эллис протянул Оуну визитную карточку. — После вашего звонка я буду указывать место встречи. И больше никаких разговоров вести не должно. Безопасность вашей организации и залог успеха — в ваших четких действиях и в моих руках. И последнее. Вы проводите профилактику корабля землянина? Не форсируйте, а, говоря профессиональным языком, саботируйте ее.

Я углубился в чтение истории Аркоса... Она показалась мне потоком бессвязных фактов. Больше всего меня удивила глава, посвященная обоснованию того, что технический прогресс на определенной стадии ведет к экологической катастрофе. Неужели не понятно, что можно и нужно просто разумно сочетать технический прогресс с охраной окружающей среды? Ан нет. Регресс,

по-аркосски, является разумной мерой стабилизации общества. Стало быть, борьба за регресс — то есть борьба с прогрессом, который приводит к экологическому кризису?..

Я захотел поделиться своими соображениями с моим инженером. Когда растолковал ему противоречие постулатов общества и основополагающего принципа нового закона, то мне показалось, будто он невнимательно слушал. И тогда я спросил:

— Какие-то неприятности, Дзей? — Оун вздохнул, словно освобождаясь от гнетущих мыслей. — Уж не я ли подвел вас? Вид у моего инженера был не из лучших.

— Скорее я могу вас подвести, — почему-то ответил он. — Да, слушаю вас с почтением.

— А у вас общий стиль, — усмехнулся я. Переход от равнодушия почти к угодничеству был явно нарочитым.

— С кем? — Оун насторожился.

— С авторами этой книжки. — Я положил перед ним историю Аркоса.

— Я же говорил, что у нас все прекрасно! — В голосе Оуна послышалось раздражение.

Да что же это такое? Что могло так выбить его из колен? Даже рассказывая мне о гибели друга и сотрудника, он выглядел ровнее.

— Я не помешал вам? — растерянно спросил я.

— Вы напрасно обижаетесь, Алексей, — почти мягко ответил инженер. Чувствовалось, как он переламинает свое настроение. — Вы хотели поговорить об истории нашей планеты? Так вот. С переселением все ясно? Значит, стали жить. Кто как мог. Точнее, как кому сказали. Пятьдесят семь семей, тогда их было сто три, их слуги в довольстве и роскоши, а прочие — в неустанном труде, дабы не лишиться ста трех их привычной роскоши и привычного довольства. И вот тогда прочих стали развлекать, как — вам прекрасно известно.

Я не сводил глаз с бледного лица Оуна. За неторопливым течением его речи угадывалась горечь.

— И когда среди веселья и адского труда была создана техническая основа нашего существования, началось на первый взгляд непонятное. Как бегун, разорвавший финишную ленточку, переходит на шаг, так и промышленные мощности Аркоса стали вдруг работать вполсилы. И рабочие руки стали никому не нужны.

— Что же случилось? — невольно вырвалось у меня. Кажется, я правильно «прочел» главу истории о прогрессе и регрессе. Плановый регресс — вот в чем дело...

— Ничего не случилось, — спокойно ответил Оун. — Уровень производства обеспечивает лишь удовлетворение потребностей элиты. Остальные получают на поддержание жизни. Таким образом наши правители ни в чем себя не ограничивают, расходуют природные и людские ресурсы исключительно для себя. Они твердо решили, что одного глобального экологического кризиса и космического переселения с них достаточно.

— Но есть же выход из положения, — возразил я, — есть возможность овладения новыми видами энергии, помимо электрической. Взять самое простое: энергию вашего светила. Не говорю уже об ионной, атомной...

— А зачем тратиться на исследования, разработки, когда и так хорошо. Зачем это пятидесяти семи? А что касается научного и технического застоя, то он влияет только на тех, кто трудится, это их жизнь становится все невыносимей. Конечно, люди не хотят мириться с существующей ситуацией. На Производственном континенте не раз, протестуя, они полностью останавливали производственный цикл. Ну и что? Пятьдесят семь спокойно жили на запасах, ожидая, когда гонимые голодом люди снова придут к конвейерам. Более того, они допускали к ним дополнительные рабочие руки из огромного числа не имеющих работу и за короткий срок наверстывали упущенное, чтобы потом снова сбавить темпы, — и все текло по-старому.

— Живя на Главном континенте, и не подумаешь, что все так скверно...

— Теперь, я надеюсь, Алексей, вы понимаете, зачем планетегосударству, не имеющей внешних врагов, такая большая армия и столь разветвленный полицейский аппарат? А вот зачем понадобилась еще и комиссия семнадцати, этого я не понимаю. И без нее прессинг достаточно тяжел.

Заскрипела дверь — ее осторожно приоткрыл наш радист. Оун вздрогнул. Я невольно подумал, что Миккас Пру подслушивал нас. В руках радист держал коробку. Заговорил Оун, будто очнувшись или вспомнив что-то:

— Простите, Алексей, Миккас хотел бы обратиться к вам с просьбой. Но застеснялся, наверное. Раз вы едете в город, передайте эту коробку сестре Миккаса. Она одинокая женщина, хотелось бы ей помочь.

...Сестра Миккаса Пру жила в зоне отдыха. На лестнице ее дома, видимо, забыли включить освещение, и, поднимаясь, всякий раз я щелкал зажигалкой, чтобы рассмотреть номер квартиры. Поднявшись на пятый этаж, я невольно посторонился: в полумраке маячила какая-то фигура. Вспыхнул огонек сигареты — передо мной стояла Бэки! Я изумился.

— Стой! — шепотом окликнула она меня. — Ты куда? Как ты здесь оказался?

— Я могу спросить тебя о том же... Я в триста восьмидесятую.

— Ничего себе! — Тон у Бэки изменился. — Там живет одинокая женщина.

Я не хотел, чтобы Бэки думала обо мне плохо:

— Здесь живет сестра радиста нашей базы. Он просил передать ей посылку.

В это время наверху открылась дверь, мы услышали женский голос и в ответ на него — голос Крауфа:

— В Верховном ведомстве уже есть определенное мнение на этот счет.

И тут грохнул выстрел...

...Мы сели в машину, долго ехали молча. Но все же я не держал:

— За что ты ее?

— Злобная, агрессивная клеветница. Словом, захотела в нынешней ситуации стать тем палачом, который получает шапку казненного.

— Неплохо... Вот, кстати, реакция на вашу деятельность, Крауф. Но что же она хотела, эта женщина?

— Грубо говоря, деньги, — резко бросила Бэки.

— Да, — со вздохом произнес Крауф. — Деньги — это сила.

Он помолчал и вдруг, повернувшись ко мне, заговорил:

— Когда в Верховное ведомство пришло анонимное письмо с проектом нового закона, его показали министру юстиции, и тот сначала посмеялся, а потом на очередном заседании кабинета заявил, что об анонимке стоит подумать.

— Чтобы установить кровавую диктатуру? — в упор спросил я.

— Да о чем вы говорите, Алексей?! — укоризненно ответил Крауф. — Кровавая диктатура... Выборной системы Аркос не знал никогда, но наша демократия достаточно развита. Мы свободная планета, так что диктатура нам не угрожает.

— Я, конечно, не философ и не космический провидец, я просто женщина, но позвольте мне сказать, — Бэки смотрела на нас как на демагогов. — Человека нужно воспитывать, чтобы он стал человеком. Много есть к тому способов, но они малоэффективны, иначе откуда грязь и нечисть? А вот при воспитании под страхом смерти во втором, третьем поколении мерзость выведется как чума.

Когда мы подъехали к ее дому и Крауф начал прощаться, к нам подошел молодой человек.

— Я, собственно, к вам. — Он протянул Крауфу руку. — Но я не знал, где вы живете, выяснил только, что здесь вы бываете. Поэтому пришел сюда.

— Вы что, следили за нами? — спросила Бэки.

Тот не удостоил ее ответом.

— Меня зовут Рэв Дрибл, — представился он. — Я решил войти в комиссию семнадцати. Мне слишком многое пришлось пережить, чтобы отказать себе в этом. Я надеюсь на вас. Я знаю, что личные обиды плохие советчики в деле справедливости, но у меня есть моральное право судить подлецов и негодяев.

— Кто же мог вас так обидеть? — усмехнулся Крауф.

— Это не уличный разговор, — сказала Бэки. — К тому же я страшно голодна. Идемте.

Дрибл смутился и пошел за ними.

— Это серьезный разговор, вполне серьезный, — повторял он, снимая в прихожей пальто. — Я расскажу вам все, и вы меня поймете. Но сначала ответьте, как вы стали членом комиссии? Вы что, умнее, справедливее других? Вы что, бессребреник? — допытывался он у Крауфа.

Мы прошли в комнату. Нежданный гость заинтересовал меня.

— Может быть, бессребреник, — задумчиво ответил ему Крауф, разглядывая висящий над тахтой фотографический портрет Бэки. — Может быть... За работу в комиссии нам не полагается дотации. Я живу на средства, заработанные преподаванием философии в университете.

— Ага, значит, у вас общий взгляд на мир, поступки людей и поэтому?.. — не унимался Дрибл.

— Мировоззрение здесь ни при чем, и вообще, я боюсь, что не смогу ответить на ваш вопрос. Меня вызвали, и я согласился.

— Неужели вы никогда не задумывались, почему вызвали именно вас, а не вашего коллегу, недруга, приятеля? И вы просто так согласились? Вы что, безжалостны по натуре?

— Нет, — ответил Крауф, — некоторые даже считают, что я человек мягкий. Врагов у меня нет. Я думал, прежде чем согласиться. И видите ли, я уверовал...

— Вот! — Дрибл вздохнул с облегчением. — Этого мне от вас и надо. Я тоже уверовал в то, что единственный способ поставить людей на место, наконец, найден. Я уверовал и ощутил в себе право быть орудием возмездия ради справедливости.

Глядя еще на одного поборника справедливости, я думал, что присутствую при шутовском спектакле.

— Справедливость! Вы-то тут при чем? У вас что, суда нет? — спросил я.

— Правосудие имеет дело с готовыми преступниками, — обернулся ко мне Крауф. — Но ведь не в природе разумного существа страсть к грабежу, обману, ко всему, что четко квалифицируется в своде закона. Важно другое. Чтобы стать насильником, нужно испробовать свою силу над слабым, затем над более сильным — и так далее к вершинам подлости, к преступлению. Все логично, закономерно. Мы, комиссия, караем тех, кто является потенциальным преступником. Лучше убрать язву сразу, чем ждать ее прободения.

Бэки принесла ужин.

— Так кто же вас так обидел? — серьезно спросила она Дрибла, усаживаясь к столу и приглашая нас.

Дрибл поведал нам свою историю. Он был одним из способнейших сотрудников химического института. И работал под руководством личности заурядной. Его руководитель понимал, что только благодаря таланту Дрибла, его знаниям лаборатория делает значительные успехи. Его грызла зависть.

Когда-то Дрибл был женат, но с женой прожил недолго. Расставшись, они не имели друг к другу никаких претензий. И вдруг в научный центр по координации исследований пришло письмо от некоего врача, оказавшегося приятелем начальника Дрибла. В нем утверждалось, что Дрибл много лет отравлял свою жену неизвестными химическими веществами, о чем врач, наблюдавший женщину, считал своим долгом уведомить руководство центра.

Все были уверены, что Дрибл не злоумышленник, даже знали, что письмо врача инспирировано заведующей лабораторией, находились и прямые доказательства. Однако его бывшая жена подтвердила обоснованность обвинения.

Директор, к которому обратился Дрибл за помощью в восстановлении справедливости, замялся и пробормотал, выразительно подняв глаза к потолку: «Я не в силах изменить то мнение...»

— Теперь мне ничего не остается, как торговать газетами, более почтенного занятия недостойн, — закончил Дрибл свой рассказ.

Крауф удивился:

— Я знаком с вашим директором. Серт Смелл, не так ли? Странно, он всегда производил впечатление человека добродушного, преданно служащего науке. Как же он не смог отличить клевету от правды?

— А как вы отличаете клевету от правды? — не удержался я. Дрибл словно не заметил моей реплики. Вид у него был взъерошенный, колючий.

— А вообще-то, Рэв, вам крупно повезло, что вы вляпались в эту историю до принятия нового закона, — сказала Бэки.

Дрибл в конце концов признался, как нашел нас. Он видел, как на мосту Крауф стрелял, по его выражению, в «гогочушие пасти».

Крауф посмотрел на часы и поднялся. Дрибл пошел за ним. Я тоже встал.

На улице светили редкие фонари.

— Ну что? — спросил Крауф. — Куда вас подвезти?

Дрибл назвал адрес, а я — ближайшую вертолетную станцию.

Крауф обошел машину, открыл переднюю дверцу — она-то и спасла его. Из темной подворотни соседнего дома раздались выстрелы. Крауф схватился за левое плечо. Мы с Дриблом бросились к нему. Все же я успел при свете уличного фонаря разглядеть убегающего Дзея Оуна, моего тихого инженера.

Бэки казалось, что более страшной ночи она не переживала: выстрелы, рана Крауфа, мысль, что под эту пулю мог попасть Алексей. Она же любила его.

Алексей... Иногда ей казалось, что он ведет себя с ней так, будто она маленькая девочка, несмышлениш. Конечно, он хочет, чтобы она стала его женой, она и сама хотела бы этого, только как объяснить ему, что здесь, на Аркосе, она тоже будет ему верной подругой, как и там, на его прекрасной родине. Он говорит, что на Земле не знают, что такое деньги. Там не нужно думать о зароботке, а нужно просто работать в собственное удовольствие. И ты будешь счастлив. Но если это правда, то жить там ей будет страшно. Ведь она воспитана совсем в иных правилах, может незаметно для себя сделать промашку, ее осудят наверняка.

Бэки передернула плечами. Нет, нечего ей делать на Земле, хотя бы до тех пор, пока она не узнает... Пока она не узнает сама и не расскажет о своем знании аркосцам. В этом она поклялась своей матери перед ее смертью. Как это было давно! Пятнадцать лет бесплодных поисков и невероятно напряженного ожидания... Архивы молчат, газеты молчат. И только она, Бэки, верит, что истина откроется. Вот и теперь она надеется, что новый закон сметет ту ложь, что сделала явное тайным. Правда, эта надежда несбыточна, но вдруг... Она должна использовать все средства — истина, которую она ищет, слишком дорога. И не только для нее. Правда, порой и ей тоже казалось, что отец, ушедший в космос к братьям по разуму, — красивая сказка, порожденная надеждой на лучшую долю и возникшая среди таких же одиноких женщин, как ее мать. Бэки смутно помнила подруг матери, льющих горькие слезы... О чем? Этого она не помнила, а спросить было не у кого. И если она — не дочь национального героя, как твердила мать и повторяли ее подруги, то... То все в ее жизни было верно: и ограничения и барьеры. Или,

может быть, все, что сделал отец, не имело такого значения, которое дало бы его дочери свободу и достаток? Мог же он оказаться никому не интересным энтузиастом-одиночкой?

Рассказать Алексею? Скажет, что цивилизация, вышедшая в космос, не могла сделать подобного шага назад. Это верно, Аркос не под силу даже освоение близкого пространства. Но ведь Алексей наверняка знает, что Аркос — дочерняя планета далекой родины аркосцев. Впрочем, это все знают.

Когда Бэки вышла в гостиную, Крауф с Гончаровым сидели на тахте и тихо разговаривали.

— Вот они и работают под вас, Элдар... — убеждал Гончаров.

— Это исключено. Мы стреляем мечеными пулями. Преступники попадут за решетку, если, разумеется, поблизости не будет одного из нас.

Опять спорят о новом законе! Дался же он Гончарову! Бэки в сердцах резко подвинула кресло к тахте и сказала:

— Алексей, приготовь завтрак, а я поработаю сестрой милосердия.

Гончаров отправился на кухню. Бэки вдруг с облегчением подумала, что вот наведет комиссия порядок, все вернется к прежнему, Алексей будет прилетать и улетать, она вернется к своим темам морали и быта, Крауф к университетской деятельности, а Дрибл... Дрибл, может быть, в лаборатории.

Дрибл пришел после завтрака. Он порадовался, что рана Крауфа оказалась неопасной, и предложил заняться святой местью немедленно. Он знал, где живет его недруг — директор института.

Крауф пожал плечами — почему же Дрибл решил направить свою месть против него, а, скажем, не против заведующего лабораторией или жены?

— Логично, — поддержала Дрибла Бэки, — ведь это при попустительстве Смелла откровенный дурак стал руководителем, равнодушие Смелла поощрило подлость женщины. Представьте себе, что Смелл повел бы себя порядочно, защитил бы Дрибла и подлость выявилась бы сразу, виновные были бы наказаны. В том-то и дело, что подлость часто бывает скрытой.

Потом она помогла Крауфу надеть пальто, проводила его и Дрибла до двери. Когда вернулась в комнату, Алексей сидел на прибранной тахте, и по его лицу она поняла, что сейчас он начнет с ней тот разговор, который они оба не то откладывали, не то избегали. Она принялась за уборку квартиры, думая, как бы объяснить ему, что убежать с Аркоса она не имеет права. Объяснить так, чтобы он поверил, понял ее. И, на что Бэки совсем не надеялась, помог ей. Но позвонили с базы. Гончаров заторпился.

А Бэки отправилась в редакцию. Зашла в секретариат узнать, стоит ли в номере ее вчерашний репортаж. Но ответственный секретарь редакции сказал, что материал из номера сняли. У ведущего редактора какие-то замечания.

Ведущий редактор встретил Бэки хмуро: «Вы торопитесь на полосу газеты прямо-таки «на крыльях вдохновения». Это, кажется, из вашего же последнего шедевра...»

Бэки вспыхнула. Тот взял со стола гранки: «На вашу тему

идет в номер статья чиновника из министерства юстиции. А потом снова будем печатать вас, и только вас. Пока все это не закончится...»

Бэки в гневе вернулась в свой отдел. Как всегда, по утрам там сидела секретарь, Дея. Она тихо разговаривала со своей старшей сестрой Ингит.

— Сволочи, — сказала Бэки. Дея и Ингит повернулись к ней. — Мой вчерашний репортаж сняли. Чин из министерства ест чин. Это я понимаю. Но ведь насмеваются!

Дея вздохнула. Ингит поцеловала сестру и вышла. Через некоторое время в коридоре послышались возбужденные голоса.

Дея приоткрыла дверь. Из суматошных, разрозненных фраз сотрудников стало понятно, что ответственный секретарь и ведущий редактор только что лишены жизни по новому закону. Но кто это сделал? Не смерть двоих потрясла людей, а весть: он среди нас!

«Не он, а она, — догадалась Бэки. — Надо же! Ингит, сестра тихони Деи! Такая нежная, такая воспитанная девушка! Невеста влиятельного человека... Как все обманчиво! Вот и Крауф на вид вполне приличный человек. Пойди разберись... Дрибл, бредящий убийством и местью... А может быть, прав Алексей, утверждающий, что новый закон будит в людях самые подлые, низменные инстинкты?..»

Бэки уже не могла работать. Сидела у стола, равнодушно перебирая бумаги, стараясь заглушить внутреннюю дрожь.

Неожиданно пришел Крауф.

— Я не поеду с вами сегодня, — вяло сказала она, стараясь не смотреть ему в лицо.

— А я, собственно, не за тем. Бэки, вы должны знать: Алексею надо немедленно улетать с Аркоса. Немедленно.

Конечно, я погорячился. Как говорил наш старый профессор психологии — прежде чем начать разговор, оцените возможности аудитории. Правда, это касалось правил психологии контакта. Но я всегда полагал, что мы с Бэки люди очень близкие. И я расшумелся. Назвал Крауфа добровольным убийцей, ее — пособницей. Она обиделась. Потом я соглашался, что расстаться с Аркосом ей трудно. Убеждал, в какой уже раз, что на Земле ей будет лучше, что там она будет служить истинным идеалам справедливости.

По тому, как Бэки замедлила движения, я понял, что мои слова она слушает с вниманием. И тогда я сообщил ей, что пойду в Верховное ведомство и скажу прямо: вы перестали быть людьми. Бэки посмотрела на меня с удивлением, она не поняла, почему я говорю об этом, но я ничего объяснять не стал. Я сказал только, что за вмешательство во внутренние дела планеты меня, вероятно, вышлют с Аркоса в течение суток. Ведь кто-то должен назвать вещи своими именами. Кто-то должен сказать во всеуслышание, что человек не может и не должен существовать среди смертей в ожидании собственной! Заканчивая, я сказал, что вполне сознаю последствия моего визита к Верховным и поэтому тороплю решение Бэки. У меня может не оказаться в запасе и суток. Мы вообще можем расстаться навсегда.

И Бэки заплакала.

— Знаешь, — сквозь слезы пролепетала она, — мне следовало давно рассказать все, но я боялась, что ты поймешь меня превратно. Мне было шесть лет, когда умерла моя мать. — Бэки забила в угол дивана. — А отец... — судя по всему, Бэки собиралась мне сказать что-то чрезвычайно для нее важное, собиралась с духом, искала слова, — он улетел в космос. Это было в эпоху переселения. Отец и те, кто находился с ним, были объявлены национальными героями... Но... Я никогда этого не чувствовала. Я часто думаю, как я выросла, как выучилась, как не свихнулась! Ведь совсем одна, родственников не было. Умирая, мать сказала, что я должна все узнать об отце. Аркос и космос — несуразица, правда? Словно кто-то перечеркнул целую страницу жизни. А может быть, в том, что отец и его друзья ушли в космос, было что-то предосудительное с официальной точки зрения? Не знаю. И что они хотели найти в космосе? Может быть, они должны были чем-то помочь Аркосу? Тоже не знаю. Но хочу знать. И должна.

— Куда они могли лететь?

Бэки горестно вздохнула:

— Об их полете никогда не вспоминают. Это замалчивается, понимаешь? Видно, на его организацию ухлопали много средств, которые потом не оправдались.

Зазвонил телефон. Бэки ответила и тут же протянула трубку мне. Я услышал голос Дзея Оуна. Он длинно и путано извинялся, объяснял, как ему удалось разыскать меня. Срочно звал на базу — там что-то стряслось. Я сказал Бэки, что, к сожалению, должен уехать, но вернуться, и мы разберемся.

— В Верховное ведомство я сейчас не пойду, отложить придется визит, — добавил я, прощаясь.

Оун ждал меня. Он расхаживал по комнате как ни в чем не бывало. В первые минуты у меня даже зародилось сомнение: а не обознался ли я вчера?

Оун излагал мне свою просьбу. И мне показалось, что и она связана со вчерашними событиями.

— Все ясно, — кивнул я инженеру, — я сделаю все как надо. Кстати, этого человека зовут не Серт Смелл?

Оун удивленно посмотрел на меня:

— Откуда вы знаете?

— Да так, случайно. — Я не хотел вдаваться в подробности. Вчерашние выстрелы, покушение на Крауфа — наглядное доказательство, что на Аркосе появились силы, способные так или иначе противостоять комиссии.

Может быть, Смелл и недостойный человек. Я слышал версию Дрибла. Но я не знаю объективных обстоятельств этого дела. Да и не в Смелле суть. А в том, что началось сопротивление.

— Дзей, — мне показалось, что я говорю чужим голосом, вкрадчивым и тревожным. — Дзей, — повторил я, запинаясь, — поймите, на место убитого вами в комиссию придет другой. В эпоху земных революций цель была достигнута иными средствами борьбы. — Я осекся от взгляда Оуна.

— О чем вы, Алексей? — Он наигранно пожал плечами. — Поверьте, я не понял. Вы правильно записали адрес?

Да, адрес был верным. Неверным оказался мой расчет. Действительно, глупо надеяться, что в таком опасном деле перед тобой тут же раскроются. Видимо, Оун не доверяет мне. Думает, я не понимаю, не разбираюсь в ситуации. Но в Верховном ведомстве начнется моя борьба. А пока — надо выручать Смелла.

Я пришел в изысканно обставленную квартиру. Ответив на рукопожатие хозяина, сказал:

— Ваш друг, который послал меня, не смог вас предупредить. Комиссия начала охоту за вами.

Я никогда не видел мужских истерик. Это было страшно. Успокоившись, Смелл вяло опустился на стул и сказал:

— Надо жену и дочь отправить за город. Я не хочу, чтобы они знали... Комиссия неумолима. От нее никуда не деться. Спасибо, что предупредили.

Он ждал, когда я уйду. А я сказал, словно по наитию:

— Я помогу вам. У вас есть машина? Собирайтесь.

— Это бесполезно. Я знаю, как они действуют. Они найдут того, кто им нужен. Везде и всюду.

— Но не на Космической базе Земли.

Смелл поднял на меня удивленные глаза.

— Я как-то сразу и не подумал... Да-да, конечно, я знаю о высоком благородстве сыновей Земли...

Больше мы не обменялись ни словом. По пути, километрах в тридцати от города, по трансконтинентальному шоссе я увидел, что за нами следует машина, и узнал ее сразу — это была машина Крауфа. Он гнался за нами.

Кончилось все отвратительно. Крауф обогнал нас и в метрах трехстах встал поперек дороги. И тут Смелл сделал отчаянейшую глупость. На полном ходу он выбросился из машины. Ко мне подошел Крауф:

— Если вы немедленно, Алексей, не покинете Аркос, я не отвечаю за вашу жизнь. Вы прекрасно знаете, что мешать нам нельзя. И, кстати, я не забыл вашей попытки спасти родственницу радиста вашей базы.

Второе приглашение убраться вон я получу у Верховных. Значит, туда, потом за Бэки — и на старт! Ничего, как-нибудь долетим без бортового освещения. Впрочем, меня могут выслать и под конвоем, я не успею даже по телефону связаться с Бэки. Значит, сначала к ней.

Не ответив Крауфу, я сел в машину Смелла.

У самого въезда в город, рядом с новостройкой, прострелили обе шины задних колес. Началось непонятное.

Я вышел из машины и огляделся. Казалось, я один. Кругом навалены стройматериалы. Стемнело, рабочий день закончился. Стояла тишина. И тут прожужжала пуля.

В космосе я не раз встречался с опасностью, но всегда решительно шел ей навстречу, зная, что моя жизнь в моих собственных руках и зависит только от меня, от моей сноровки, ловкости, от моих знаний. А сейчас мне казалось, что метеоритные потоки, радиация, излучения белых карликов, плазма — ничто по сравнению с невидимым клочком свинца.

Впереди лежали трубы, достаточно большие, чтобы спрятаться. Я не стал раздумывать. А потом услышал, как кто-то — может быть, и Крауф — ходит рядом. И вдруг этот кто-то стал

простреливать трубы. Они гудели и ахали, повторяя звук выстрела. Потом все стихло. Вдруг я услышал шепот:

— Здесь, налево, дыра в заборе. За забором — стройка, за ней — вертолетная площадка. Спешите...

И я услышал удаляющиеся шаги. Вылез из трубы, огляделся. Никого. И поехал к Бэки.

В первую минуту я подумал, что ее нет дома. Даже порадовался: можно спокойно позвонить Оуну. Но тут в темноте вспыхнул огонек сигареты — Бэки сидела в кресле. Я зажег свет. Она не шевельнулась. На полу у кресла были разбросаны исписанные листки.

— Работала?

— Делала вид.

Я сел напротив:

— Мне больше нельзя оставаться здесь, Бэки.

— Знаю. — В ее голосе мне послышалось безразличие, я удивился.

— Что с тобой? Нужно лететь. Я сейчас иду с тобой к Верховным. Возможно, лететь придется немедленно. Ну, что ты решила?

— Ничего. — Бэки не изменила позы.

— Как же так? — Собрал с пола исписанные листки, спросил мягко. — Ну, о чем сочиняла?

— Все о том же. О выстрелах и трупах. Репортажи... Как пристрелили артистов. Тебе интересно? Открой бар, там, кажется, что-то есть.

Я выставил на стол початую бутылку, рюмки. Налил. Бэки выпила залпом.

— Что сидишь? — Она в упор посмотрела на меня. — Пей, жить легче будет. Давай не церемонься.

— На кого ты сердишься? — мягко спросил я.

— На себя. — Бэки порывисто встала, подошла к окну, затихла. И вдруг заговорила незнакомым мне голосом:

— Знаешь, Алексей, трупы, трупы, трупы... Мне жутко. Я все время надеялась, что новый закон во благо. Я все ждала лучшего. Я и рубрику в газете повела потому, что чувствовала необходимость выявлять подлость, которую необходимо уничтожить. Ты никогда не интересовался моим прошлым. Ты даже не знаешь, сколько выпало на мою долю. Сколько гадости мне пришлось увидеть и перенести! Я все ждала, когда эту гадость уничтожат. Теперь мне кажется, что я уже не знаю, где гадость, где подлость, а где расшатанная психика, недостаточность воспитания, слабость характера или жажда крови, чужой крови. Я уже не знаю, где добро, где зло. Раньше было проще. — Голос Бэки посуровел. — Вчера, когда в вас стреляли, я впервые попала в положение жертвы. Человек даже не знает, за что. Некому объяснять. Подходит respectable человек — и в упор...

— Ужасно!

— Что ужасно? Да что ты видел ужасного в своей жизни? Знаешь, землянин, а ведь тебя убить надо. — Ее трясло. — Да, тебя необходимо убить!

Я увидел в ее руке пистолет.

— И я убью тебя. За все сразу.

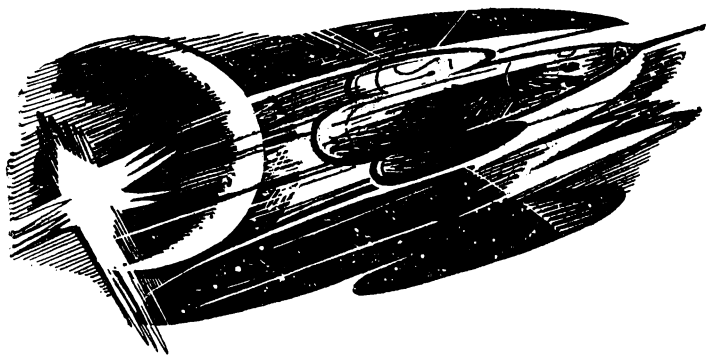
— Ты с ума сошла! Что с тобой?!

— Может быть, такое время, можно свихнуться. Но сейчас я говорю истину. Кто тебе позволил делать из меня игрушку? Он все решает, он идет к Верховным, лети с ним! Я никогда от тебя ничего не требовала, никогда! Как тебе это было удобно: улетел, прилетел. И пока над твоей головой было ясно, что-то ты никуда меня не приглашал. Теперь — летим, женимся! А ты задумывался хоть раз, как я живу, когда ты улетаешь? Здесь, на Аркосе, живу, говорю, жду тебя. Страдаю? Тоскую? — Она махнула рукой. — Почему я должна зависеть от твоих настроений? Мне было плохо и одиноко. Скажу правду: я тебе всегда была верна. Даже когда ты улетал на Землю. Я тебя любила.

Она подняла револьвер. Происходящее не укладывалось в сознании. Я не понимал, что с Бэкки, уж не больна ли она? Поднять руку на нее я не мог. Казалось, прошла вечность. Бэкки с силой отшвырнула револьвер. Он ударился о стену, посыпалась штукатурка, что-то тяжело грохнулось об пол.

На полу среди кусков штукатурки лежал плоский металлический предмет.

Окончание в следующем выпуске

Л. ЗАХАРОВА
В. СИРЕНКО

Фантастический роман

Поговорив по телефону с Дриблом, Эллис набрал номер Оуна, но тут же нажал на рычаг. И усмехнулся. Кажется, он перестает доверять самому себе. Ну что ж, не он выдумал эту систему, не ему и бояться ее. А странный этот Крауф — доверился первому встречному. Но главное, он согласился убить Смелла. Пожалуй, за этот пункт своего плана Эллис опасался больше всего — кто его разберет, этого Крауфа, ревнителя справедливости.

Остальное — в своих руках. Оун управляет вполне, в этом Эллис уже убедился. Инженер легко попался на крючок. И, от-

Окончание. Начало в предыдущем выпуске.

бросив привычную осторожность, Эллис отправился на Производственный континент.

Входя в квартиру Оуна, Эллис невольно отметил ее убогость. В полутемной прихожей стоял тяжелый запах.

— Что у вас так темно? — здороваясь с хозяином, спросил Эллис.

Тот пожал плечами:

— В нашем районе энергию ограничивают.

— Простите, забыл.

— Извиняться должен я. Жена лежит, поговорим на кухне.

— Нездорова? Жаль, — проговорил Эллис, раскрывая портфель. — Вот что. Здесь пачка пропусков на выезд с Производственного континента. Все они за моей подписью. — Эллис сощурил глаза. — Я всегда чувствовал ваше недоверие. Теперь, надеюсь, вы понимаете, что мы связаны накрепко. В случае неудачи нас ждет общая участь. Впрочем, — помедлил Эллис, — сегодня к вечеру все должно быть ясно. Либо мы, либо... А сейчас необходимо найти землянина. Дело в том, что Серту Смеллу грозит комиссия. Как вы понимаете, у меня есть возможность узнавать об их намерениях. И думаю, что самое подходящее убежище для него — Космобазы Земли. Пока мы не решим...

— Без Гончарова я не могу поместить туда постороннего.

— Не перебивайте. Вы и не должны близко подходить к Смеллу. Его приглашением на базу должен заняться землянин. Он сейчас у некоей Гек, журналистки. Вот ее телефон. Поторопитесь. Это все, что я хотел сказать вам. Ждите моего звонка. Как вы понимаете, я не зря пересек залив. Надеюсь, к вечеру вы получите долгожданный сигнал начала действий. И повод к выступлению.

Оун взял машину и направился навстречу Гончарову.

Хорошо, что никто не обратил внимания на его электромобиль. На обочине лежал убитый Смелл. Около него был тот, в которого они вчера стреляли. — Оуну стало невыносимо обидно, что он промахнулся. Гончарова не было. Видимо, он разделил участь Смелла. И, обескураженный, Оун вернулся на базу. Лишь переступил он порог своей конторки, раздался телефонный звонок.

— Вы были на трассе и все видели, не так ли? — спросил Эллис. Оун понял, что отвечать необязательно. — Так вот, немедленно передайте своим людям в ваших газетах и на радиостанции информацию о вопиющем преступлении комиссии. Этот произвол откроет глаза аркосцам. Вместе с землянином правительство убило доверие к себе. — Оун вздрогнул, Эллис подтверждал его догадку. — Наверное, вам не надо растолковывать, — добавил Эллис после паузы, — что лучшего повода для выступления наших сил не найти. — Эллис рассмеялся и повесил трубку.

О, как же Оун ненавидел Эллиса! Теперь ему стал ясен его план. Вот зачем понадобилось спасать Смелла. Смелл был только приманкой.

Но как бы то ни было, решил Оун, дело превыше личных

отношений, и к вечеру радиостанция Производственного континента каждый час передавала экстренное сообщение: «Комиссия распоясалась. Честный Аркос должен ответить ударом на удар...»

Крауф очень любил уютный ресторанчик рядом с университетом. Он приходил сюда, когда ему бывало грустно, здесь он отмечал и радостные дни. Не заглядывая в меню, Крауф сделал заказ.

...Когда машина Гончарова повернула к городу, Крауф почувствовал, как вспотела рука, сжимавшая пистолет. Еще несколько минут назад он совершил насилие над собой, заставляя себя убить землянина. Отрезвили его тогда слова Дрибла: «В кого вы целитесь? Вы подумали о последствиях?»

Крауф ответил Дриблу только удивленным взглядом, но пистолет опустил.

...Рассматривая теперь грани бокала, Крауф раздумывал: неужели этот юнец подметил то, в чем сам Крауф едва признавался себе? Бэки... Если тот выстрел необходим, пусть его делает другой. Так вульгарно избавляться от соперника — это не для него. К тому же Крауф не испытывал к землянину дурного чувства.

— Не угодно ли свежую газету?

Крауф вздрогнул. Разносчик протягивал ему свежий, пахнущий типографской краской номер вечернего выпуска. Крауф машинально бросил на поднос разносчика мелочь, машинально развернул газету. Заголовок первой страницы поразил его. Он наскоро расплатился с официантом, забыв сдачу, и отправился к Бэки.

На его звонок никто не отозвался, но в прорези замка он увидел свет. Толкнул дверь, она легко отворилась, видно, забыли запереть. И тут он услышал резкий голос Гончарова:

— Теперь тебе все ясно? Какая чудовищная связь! Я знал, чувствовал...

И подавленный голос Бэки:

— Мы с тобой бессильны против этой страшной машины!

Гостиная Бэки потрясла Крауфа не меньше, чем заголовок газетного сообщения. В стене, отделяющей спальню от гостиной, зияла дыра. На полу, среди обломков штукатурки, лежал дамский пистолет. А Бэки и Гончаров скрывались над какими-то бумагами. Они даже не заметили, как он подошел к ним.

— Не ожидал вас увидеть здесь, Алексей, — сказал Крауф, протягивая Гончарову газету так, чтобы заголовок сразу бросился тому в глаза. Гончаров недоуменно посмотрел на Крауфа, перевел взгляд на Бэки, и, бегло пробежав газетное сообщение, прошептал:

— Дела...

Бэки взяла из рук Гончарова газету и побледнела. Гончаров улыбнулся ей:

— Нет, я не выходец с того света. Просто попал в переделку, не хотел тебя расстраивать.

— Прости меня, — вдруг прошептала Бэки, — прости!

Гончаров погладил ее по голове. Крауф потупился. Потом поникло кивнул и спросил:

— Что же тут у вас такое? — Он обвел руками комнату. Бэки загадочно глянула на Гончарова и протянула Краффу листки в металлической папке:

— Это бумаги моей матери.

В папке лежали два письма. Одно из них, несомненно, было написано женской рукой.

«Моя девочка, мне бы хотелось, чтобы эти документы рано или поздно попали к тебе, потому что кто-то должен знать правду, но я боюсь, ты сама вряд ли будешь в состоянии открыть ее. И все же пусть ты встретишься с моими записками как можно позже — если будущее для нас в молчании и утайвании, это может быть небезопасно для тебя. Поэтому я доверяюсь тайнику и случаю.

Все, кто прилетел на Аркос так называемым первым эшелонном, гибнут. С каждым днем растет недавно освоенное кладбище. Умирают те, кто принимал деморфин. Практически же деморфин принимало все взрослое население Аркоса. Одни больше, другие меньше, но разве в дозах дело... Счастье, что у тебя, Бэки, есть пенсия от отца и кое-что из наших сбережений. Ты избежишь, может быть, государственного интерната, куда забирают осиротевших детей. Я приняла большую дозу деморфина, началось это еще на Беане. Дни мои сочтены. Поэтому считаю целесообразным рассказать о содержании последнего письма твоего отца — единственной памяти о нем.

Все началось с деморфина. Я убеждена в этом, иначе его свойства стали бы известны еще на Беане. Но там мы их не знали, радовались, что таким простым аптечным средством можем увеличить свои возможности: например, трудоспособность. Деморфин снимал утомляемость, высвобождая ночные часы, само желание выспаться исчезало после приема таблетки. Когда состоялся перелет, деморфин насаждался принудительно. Мы работали круглые сутки, принимая его. Потому что нас прилетело ровно столько, чтобы в кратчайший срок наладить жизнь — отстроить город, запустить производство, начать новый этап цивилизации. И, как утверждалось, подготовить таким образом экспедицию за оставшимися на Беане людьми. Сделать все требуемое в сжатые сроки могло бы, наверное, только большое количество людей. Но хотя нас было мало, мы понимали, что больше и не требовалось (поэтому остальных предательски бросили на гибнущей Беане). А работали мы за троих — день и ночь. И вот теперь расплачиваемся за это сиротством своих детей. Это хуже собственной смерти. Моррис, кровавый вампир, рассчитал верно: он дал нам время воспроизвести себя в детях, и больше мы оказались уже ненужными. Мы стали игрушками в руках этого человека, так же, как и те, кто задыхается теперь на Беане, погибшей из-за неразумного, варварского отношения к ней. Природа отомстила жестоко — люди умирают в угаре промышленных газов и отходов, среди отравленной воды и пищи. Смерть здесь, смерть там — вот печальный итог перелета. И кто знает, может быть, заложив фундамент новой цивилизации на этой планете, мы уже начали процесс разрушения и здесь и наших далеких потомков ждет участь несчастных беанцев?

Ты спросишь, как могло так случиться, что на погибающей

планете остались люди, ведь перелет — мера спасения? Да. Но эта мера спасения для элиты. Увы, элите нужна прислуга, поэтому взяли и нас. Остальных обманули. Чудо, что отец смог взять меня с собой: помогло мое умение шить, вторая профессия. Ведь брали строго ограниченное число людей, определявшееся специальной «Сеткой набора». На Беане объясняли, что берут лучших.

«Сетка набора» явилась «сеткой выживания на новой планете». Зачем лишние рты? Опять идти к экологическому кризису? Была бы воля Морриса и ста трех, они бы всех оставили на Беане. Но, явившись на Аркос в полном составе своих семейств, они пошли на то, чтобы мы «воровали» их чистый воздух, ультрафиолет, натуральные продукты питания — мы для них необходимое зло. И, не считаясь с нашей тоской, привязанностями, семейными и родственными узами, нас, как рабов, обманом привезли сюда. Несколько отчаянно смелых людей пришли к Верховному правителю Моррису и сказали ему примерно то, что я здесь написала. Этим они обрекли себя на страшную участь.

Народу объяснили, что экспедиция на Беану не направляется потому, что с планетой нет связи. Беана молчит. О деморфине, который, как вдруг выяснилось, разрушает клетки мозга, народу тоже дали объяснение. По официальной версии, во всем виноват ученик изобретателя, который вовремя не предупредил правительство, — Моран. Его казнили. Деморфин был изъят из употребления. Народ успокоился. Тем более было объявлено, что, поскольку беанцы не дают о себе знать, на Беану направляется космический корабль с добровольцами. В их задачу, как писали в то время, входило долететь до Беаны и выяснить причины отсутствия связи, сообщить о скором выходе за ними второго эшелона.

Среди добровольцев, отправившихся на Беану, был и твой отец. В экипаж корабля вошли также полицейский инспектор Грим и супруги Мишле. Командиром корабля был пилот Оун, начальником экспедиции — крупный предприниматель Крюгер. Теперь я уверена, что экипаж составили те, от кого Моррис по каким-то причинам желал избавиться.

О, если бы ты видела, как их провожали! Это был праздник. Только с праздником не вязалась мрачная, как черный столб смерча, ракета, даже иллюминаторы оказались задраенными. Никто не видел улетающих. Народ ликовал, предвкушая радость встречи с близкими. Как только ракета поднялась и скрылась из виду, официальная пропаганда, еще вчера неумолчно расписывающая перспективы полета, замолчала. Навсегда. Не знаю, долетели ли они. Хочу верить, что да. Если твой отец вернется, правда победит. Если нет — сделай все, что не смог сделать он. Ради этого стоит жить.

Твоя мама, Рона Гек».

Крауф аккуратно свернул письмо и взял второе.

Оно было написано на неровных обрывках каких-то счетов. Желтая шероховатая бумага, строчки гуляют, буквы прыгают, но прочитать все же можно:

«Родная моя Рона,

вот уже восьмой день как мы в разлуке. Организаторы пе-

релета, видно, сочли наше общение с близкими излишним. Не разрешено даже писать, бумагу мне достал человек, который передаст тебе письмо. Но сделать это он сможет только после старта. Предстартовый карантин напоминает мне тюремное заключение. Мы не общаемся даже друг с другом. Но кое-что я знаю о своих спутниках. Крюгер целый день пьет и в пьяной горячке во все горло распевает неприличные песни. Кто-то говорил мне, что в юности он был портовым грузчиком, потом разбогател на махинациях. Невольно веришь в это. Супруги Мишле спят, а когда не спят, то ссорятся. Крюгер и Мишле — мои соседи через стены, уж не знаю, комнаты ли, камеры ли. Об Оуне и Гриме мне ничего не известно.

Не перестаю удивляться составу экипажа. Пилот Оун — единственный грамотный в астронавигации человек, но у него нет второго пилота. Я не говорю, что нет врача и радиста. Начальником экспедиции является Крюгер только потому, что он второе лицо государства. Но что он понимает, разве он способен реально руководить полетом? Грим хотя и энергичен и имеет профессиональные навыки руководства, но, как и супруги Мишле, и я, — открытый балласт.

Я не верю в наше возвращение на Аркос. Может быть, нам удастся сесть на Беану, но вот взлетим ли оттуда? Мы не полагаем ни специалистами, ни материальными ресурсами. Я думаю, нас убирают. Но зачем? И почему таким странным способом? Наверное, никто, кроме Морриса, не может ответить на этот вопрос. Но именно этот вопрос убеждает меня в том, что наш полет только начало и что Аркос ждет нечто страшное. Планы, рожденные в мозгу Морриса, направлены только на укрепление его личной власти. И он будет изыскивать все новые способы ее укрепления, постарается искоренить самую память о Беане и о своих преступлениях. Порой я думаю, чья же участь ужаснее — наша ли, обреченных на бесконечный полет во Вселенной, или твоя и тех, кто будет жить. Что ждет нас? Что ждет тебя и нашу девочку?» — Крауф нехорошо усмехнулся: эта девочка ввела в свой дом его, Крауфа, ввела в дом, где предсказывалось его появление. Никогда Крауфу не было так тошно, как сейчас.

Он аккуратно сложил письма в металлическую папку.

— Ну как, Крауф, у вас нет желания отправить нас к праотцам за раскрытие государственной тайны? — печально спросил Гончаров.

Крауф перевел взгляд на Бэки. Она сидела неподвижно.

— Тайны? Почему тайны? Здесь, — он ткнул пальцем в папку, — здесь только вопросы. Почему на Беане остались люди? Что с ними? Где этот космический корабль? Что с отцом Бэки, наконец? Ответов-то нет.

— Да, Крауф, ответов нет. Но я их жду. Я искал их и найду. Бэки, ты отвезешь меня на Космобазу. Теперь мне понятно, почему по договору с вашим правительством Земля имеет право вести разработки только на Гамме, сколько бы мы ни просили доступа на другие планеты вашей системы... Теперь ясно, что я должен делать...

Когда в ночном небе исчезла космолодка Гончарова, Бэки тихо простонала. Крауфу захотелось утешить ее:

— Он вернется.

Она молча пошла к машине. Крауфу показалось, что она плачет. Он отвез ее домой, а час спустя писал в Верховное ведомство: «...Закон лжив. Нравственное оздоровление аркосского общества не могло проходить безнравственным путем. Отсюда логически вытекает, что он не что иное, как прикрытие неблагоприятных целей властей. Ради спасения цивилизации Аркоса требую немедленного пересмотра и отмены закона».

Подписавшись, Крауф сам отнес письмо в Верховное ведомство.

Посадочную площадку я нашел довольно быстро. Однако не обнаружил лоцманских знаков, да и на позывные ответа не получил. И только открыв люк, увидел людей. Их лица были враждебны. Говорили они по-аркосски.

Конечно, мне нужно было быть готовым к тому, что они примут меня за аркосца, то есть за предателя, врага. Объясняться с капитаном вооруженного отряда пришлось долго. Он никак не мог взять в толк, где же это Земля и, главное, как я мог добраться оттуда, из такого далека... А я никак не мог решить, стоит ли объяснять, что прибыл с Аркоса.

Главное, что беспокоило капитана охраны, — зачем я к ним явился. Я не мог ответить. Говорить обычное, что говорит землянин при контактах, о связи цивилизаций, о единстве Вселенной, язык не поворачивался. Ничего себе единство! Преданная планета!

Мне ничего не оставалось, как повести с капитаном беседу о помощи высокоразвитых цивилизаций космического уровня. Лицо капитана стало суровым:

— Нашим отцам, когда они боролись за будущее, никто не пришел на помощь. Мы же в ней просто уже не нуждаемся.

Что на такое скажешь?! Словом, моя цель для них осталась невыясненной.

Потом приехал Председатель Объединенного научного Совета Беаны Вилли Клаузен. Прежде всего он захотел осмотреть мою космолодку. И тут я понял, что могу быть откровенным с ним.

Мы стояли у люка, и я объяснил ему принцип устройства двигателей моей космолодки. Жаль, что он не видит моего корабля, тогда, быть может, и поверил, что я с Земли. Конечно, он старался верить всему, но не верил до конца. Он внимательно осмотрел пульт управления и засмеялся:

— Да... А мы тут вот только собираемся запустить вокруг Беаны искусственный спутник — на нем мечтаем установить антенну дальней связи, наладить сообщение между континентами нашей планеты. Пока у нас со связью плохо.

Я никогда так не жалел, что со мной нет Бэки, как в эти часы, когда мы с Клаузеном облетали планету. Нет, не смирились беанцы с предательством, остались не доживать, а жить на этой планете, разбудили ее к новой жизни!

Как бы мне хотелось, чтобы Бэки увидела все это собственными глазами!

Клаузен сидел перед экраном обзора и восхищенно поглядывал на овал штурвала.

— На чем, вы говорите, работает ваша лодка?

Когда я назвал источник энергии, Клаузен произнес: «Бенц, великий Бенц!» Я с удивлением посмотрел на него, но он продолжил:

— Мы не могли бы изменить курс? Чуть западнее... Я покажу вам место, откуда началась новая цивилизация Беаны.

Минут через десять под нами показалась гористая местность.

— Здесь мой отец нашел это вещество. Вот его состав. — Клаузен быстро написал несколько формул. — Мы называем его бенценин, по имени ученого, профессора Бенца, который предсказал его месторождение и исключительные свойства. А внучка профессора, Шейла Бенц, нашла лученит. Только не знала, что его лучи смертельны. Работала с этим веществом буквально голыми руками. Замечательная была женщина! Но заболела неизвестной болезнью, рано умерла. А сколько еще она могла бы сделать! Сейчас лученит изучается, и, как предсказывала Шейла Бенц, он тоже имеет прямое отношение к энергетике. Но мы пока не знаем, как использовать его энергию — впереди много работы. Понятно, что в основе лежит принцип распада веществ, но вот как овладеть реакцией?..

Смотрите, — воскликнул Клаузен, — видите белый постамент? Это то самое место, где мой отец нашел бенценин. Мой отец был любимым учеником профессора. Давайте спустимся, чтобы вы могли лучше рассмотреть обелиск.

Мы пролетали над небольшим горным плато. Странно выглядели эти горы. Будто великаны много лет назад пригоршнями выбирали из них породу, а из гигантских ладоней сыпались в беспорядке мелкие камешки. Я сказал об этом Клаузену.

— А что вы хотите, — отозвался тот, — при режиме ста трех разрабатывали так полезные ископаемые. В отвал шла порода, содержащая огромный процент руды.

Некоторое время мы летели молча, пока Клаузен не сказал с тоской в голосе:

— Мало того, что нас бросили на умирающей планете, они сняли всю производственную базу, весь технологический комплекс. Мы остались сидеть перед обеденным столом, на котором не было ничего, кроме посуды с объедками. В полном смысле этого слова. Последние годы доотлетной эры домашний скот вымирал, гибли пастбища.

— Отчего же? — В обзорном экране я видел альпийские луга.

— Загрязнение биосферы. Нам все пришлось начинать сначала. Вот вы сейчас увидите, как мы перестроили города! Сами, все сами. С нуля. Сто три перед отлетом даже взорвали радиостанцию, а с ней и космическую антенну, которая была на Беане. Повторить эти сооружения мы пока не можем. Как сто три боялись, что кто-то узнает о нашей трагедии! Подлецы!

Мы летели над рекой. Она служила ориентиром моему спутнику. Промелькнуло водохранилище с плотной электростанции, на его глади я заметил несколько парусников.

— Это мы проводим традиционные соревнования молодежи, — сообщил Клаузен, — теперь по реке плавать неопасно. Старики рассказывают, что было время, когда капля речной воды, попавшая на кожу, вызывала язвы. Конечно, — продол-

жал Клаузен, — мы не сразу поняли, что преданы. Убедил нас в этом взрыв радиостанции дальней связи и космической антенны. К тому же, охраняя себя, старый режим совершил оплошность — в переносном смысле, разумеется. С их точки зрения, в наказание на Беане были оставлены представители левых и радикальных партий, в том числе и рабочей партии общественного развития. Теперь это наша правящая партия. Она взяла власть в свои руки, когда сто три бежали. Трудно было, конечно. Нужно было накормить население, одеть, обувь. Начался голод, за ним эпидемии. Лидеры рабочей партии общественного развития начали с самого главного — с всеобщей обязанности трудиться на благо всех и справедливого распределения результатов труда. Только так можно было поднять промышленность, оздоровить города, очистить окружающую среду. Через пять лет голод был побежден. Но все, чего мы добились, мы добились лишь благодаря установлению власти большинства и признания всеобщего равенства. Разве мы заставили бы владельцев оставшихся на Беане предприятий тратить средства на очистные сооружения?

— Знаете, Вилли, — сказал я, — давайте сделаем вот что. Я ведь ограничен временем и, увы, горючим. Мне бы хотелось побыстрее попасть в вашу столицу, посмотреть на нее.

Сколько я ни летал, никогда не испытывал такой щемящей тоски по Земле, как в ту минуту, когда увидел с воздуха Эпсилон — солнечный город в прямом переводе — столицу Беаны. Ее кварталы, отлично видная сверху система парков, прудов и озер напомнили мне земные города. Словом, если земное градостроительство дошло до совершенства, то беанское приближается к нему.

Клаузен предложил мне встречу с руководителями рабочей партии общественного развития и председателем общей исполнительной воли.

Они с интересом выслушали мой рассказ о Земле, о достижениях нашего социального и технического развития, о сотрудничестве в космосе, о том, какой вклад могли бы внести в развитие Беаны народы многих планет.

Потом я рассказал об Аркосе. Мои собеседники были потрясены.

— Мне кажется, — сказал я, — они боятся вашей мести. Знают свою вину и боятся. Боятся, что честные люди Аркоса узнают о вашей участи. Будут мстить за вас. И тут есть еще одно обстоятельство. Когда после перелета на Аркос население заподозрило что-то неладное с так называемым вторым эшелоном, началось общественное возмущение. В ответ власти отправили к Беане корабль. Думаю, его посадка на Беане и не была запланирована.

Председатель Совета общей исполнительной воли на минуту задумался. Потом сказал:

— Верно. Много лет назад было зафиксировано приближение к Беане какого-то космического тела, но было ли оно искусственным или естественным, мы не знаем. Тело прошло по касательной и исчезло в пространстве. Мы тогда зафиксировали время его прохождения и точные координаты. Специалисты могут дать вам точную справку.

Справку от специалистов по космобаллистике я получил исчерпывающую. Но мне был нужен компьютер, чтобы высчитать, могла ли орбита аркосского корабля пройти по касательной к орбите Беаны. Беанцы таким мощным компьютером не располагали. Значит, обсчет я мог провести только на борту «Байкала». Но когда беанцы узнают о его результатах? И как? Подумав, я предложил оставить на Беане связь моей космолодки. Конечно, установка не обладала мощностью аппарата «Байкала», но для ближайшей космической связи была пригодна вполне. Она могла оказаться неоценимой и для установления сотрудничества Беаны с другими планетами.

Демонтаж и обучение беанцев обращению с устройством заняло немного времени.

По моим подсчетам, я прилетел на Аркос вовремя. Но я все же ошибся. На базе о моем отсутствии знали. В ангаре, где обычно стояла моя космолодка, был произведен обыск.

Утром за рабочим столом Эллис просматривал свежие газеты. Он был доволен. Все они, со ссылкой на радиостанцию Производственного континента, комментировали акцию комиссии семнадцати — убийство землянина. В это время Эллиса вызвал министр юстиции.

— Ознакомьтесь, — он протянул докладную Крауфа, — автор уже арестован. Думаю, не стоит тянуть с этим делом. Но неудобно расстреливать на месте. Все-таки он был одним из моих лучших агентов. Придется судить по старинке. Сегодня же и казним.

Лицо Эллиса выразило недоумение.

Министр зевнул:

— Вы полагаете, возможен иной приговор? Да, вот что, — министр потянулся в кресле, — что это за белиберда? Бред наших журналистов заходит слишком далеко. — Он протянул Эллису номер газеты «Производственный континент». — К шумихе мы привыкли. Но это уже чересчур. Я-то знаю, что землянин жив-здоров. — «Еще не хватало!..» — Эллису стало жарко. До него с трудом дошли следующие слова министра. — Займитесь редактором и издателями этого листка. Продумайте время суда над Крауфом. И кстати, опровергать гибель землянина, пожалуй, не надо. Пришейте и это мнимое убийство Крауфа. Дайте сводку по суду над Крауфом прессе.

Эллис механически собрал со стола министра документацию и словно во сне отправился к себе.

...Ему удалось многое — он загнал Гончарова в тупик, лишил электромобиля, прострелив шины, заставил прятаться среди стройматериалов. Эллис видел, как землянин залез в жерло готовой к установке канализационной трубы, как выскочил из нее, когда Эллис выстрелил в раструб, как спрятался в другую. Эллис опять стрелял, землянин прятался, потом затих. Напоследок, чтобы не было сомнений, Эллис расстрелял всю обойму в пустоту раструбов. Было все так же тихо. И Эллису стало по-мальчишески интересно: где, в какой трубе он уложил властителя Вселенной? Но трупа землянина Эллис не нашел...

С растерянностью Эллис справился быстро: так ли уж все потеряно, если землянин жив? Сегодня же каждый аркосец знает, что из-за произвола правительства комиссия убила землянина. Сегодня еще люди негодуют и ропщут. Убит человек, чьи моральные качества вне сомнений!

Условным кодом он связался с Оуном. Нужно теперь только дожидаться суда над Крауфом. Тут Эллис продумал все детали.

В зале были только министры, тот, кого назначили в комиссию на место Крауфа, подсудимый и Эллис.

Крауф держался спокойно.

— Каким образом, — спросил Верховный министр подсудимого, — вы, будучи привлечены к выполнению величайшей акции правительства, могли прийти к выводу, что ваше правительство заблуждается?

— К этому меня подвели действия правительства, моих коллег по комиссии и мои собственные действия.

— Вы уничтожили тридцать граждан. Неужели вы считаете, что во всех тридцати случаях действовали несправедливо?

— Да.

Эллис попросил слова:

— Разве вы не согласны, что новый закон — это воспитательная мера, которая наиболее радикальна, наиболее действенна, чем любая другая для нравственного возрождения нашего общества?

— Новая акция обострила низменные чувства в аркосцах.

Со своего места поднялся преемник Крауфа по комиссии семнадцати. Это был Дрибл.

— Крауф...

— Называйте его подсудимым, — поправил Верховный.

— Итак, подсудимый, — Крауф внимательно смотрел на своего бывшего «подопечного» и чувствовал, как во рту собирается горечь, — мы поняли, что вы хотели выразить своей докладной, но хотелось бы знать, что побудило вас написать ее. Возможно, какой-то конкретный импульс или просто разочарование в своей деятельности? В последнем случае, что послужило источником разочарования? — От продавца газет не осталось и следа. Перед Крауфом стоял холодный, умный, сдержанный, расчетливый и властный противник.

— Покушение на жизнь землянина, — произнес Крауф.

Эллис вздрогнул. Значит, и Крауфу известно, где прячется Гончаров? Он спросил:

— Что вы можете сказать об участии инопланетянина? Где вы спрячете его? Или его труп?

— Я? — Крауф недоуменно улыбнулся.

— Вы знаете, — с нажимом произнес Эллис, — где землянин. Откуда у вас сведения, что было произведено покушение, а не совершено убийство? Вы настаиваете на истинности этих сведений? Суд требует ответа.

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

Эллис собрался задать еще один вопрос, как неожиданно двери с предупреждающей табличкой «Вход только для министра Верховного ведомства» распахнулись. На пороге стояло несколько человек. Они были вооружены.

...А потом Эллис, распорядившись об аресте Верховных, перешагнул порог кабинета министра юстиции, чтобы самому сквитаться с бывшим руководителем.

Тот поднял голову — ему уже объявили об аресте — и с иронией сказал:

— По нестройному топоту ног в коридоре я понял, что правительство отправилось в свой последний путь? Вы, Эллис, добились своего. Не случайно я никогда не мог понять вас. Вы — человек с двойным дном. Этого я, увы, не знал. Скажите, под вашим вторым дном нет ли третьего? Я не верю, что вы в сговоре с чернью. Насколько мне известно, вы человек безразличный. Ну ладно. Ответьте мне: на Аркосе сохранен закон о последнем желании приговоренных к казни?

Эллис, заранее отпетировавший все, что он скажет министру и как потребует от него списки и адреса членов комиссии семнадцати, не ожидал, что человек, перед которым он недавно опускал голову, а теперь мог бы лично расстрелять, будет держаться с таким достоинством и заставит его испытывать вместо превосходства унижение и беспомощность.

— Да, — тихо ответил Эллис, но тут же взял себя в руки и уселся перед министром в непринужденной позе.

— А вы не удовлетворены, Эллис. Поэтому решили переговорить со мной. Вы желаете знать, как можно познакомиться с членами комиссии?

Этого Эллис и вовсе не ожидал. Ответил вызывающе:

— Разумеется, вы интересуете меня как человек, имеющий прямые связи с государственными преступниками. Я обязан найти и уничтожить их. И так?

— Что? — Министр недоуменно поднял бровь.

— Ключ от сейфа, где хранятся документы.

— Позвольте, Эллис, я вскипачу молока? Это последнее желание обреченного. Кстати, в сейфе ничего нет. Ключ я могу отдать вам. Там хранятся документы иного характера.

Эллис сказал устало:

— Вы же понимаете, сопротивление бесполезно. Я все равно найду эти документы. Кстати, в архиве я уже обнаружил перфокарту, составленную неким программистом Чваем... Там расчет. И итоги. Да, скажите, что за результат вычислил программист, точнее, его машина? Я не понял.

— Весь обсчет — блеф. Вы правда ничего не поняли? Значит, мы вас переоценили... Обидно. Вы оказались рядовой личностью. Но я вам объясню. После введения нового закона люди стали думать не о том, довольны ли они своей жизнью и своим правительством или нет, а о том, что каждый из них — грешник. — Министр сделал паузу, тщательно собрал крошки со стола в пухлую квадратную ладонь, бросил их в корзину для бумаг. — Мы-то с вами знаем, что все грешники, не так ли? Только в разной степени. Так вот, люди начали думать не о том, как жить лучше, а о том, как остаться в живых. Теперь вам, надеюсь, ясно, что мне было незачем вести учет бесконтрольной и аморальной акции? Разве дело в том, чтобы отправить на тот свет десяток хулиганов? Нет, не об этом мы думали. А хорошее прикрытие для борьбы с чернью — «борьба за нравственное оздоровление населения»? Поэтому мы не

привлекали к акции вас, наш обиженный дружок, исключительно зная ваше служебное рвение. Как видите, в чем-то мы недооценили вас, а в чем-то явно переоценили.

Эллис растерянно спросил:

— Но ведь комиссия посылала отчеты?

— Посылала. Я их в глаза не видел. Их тут же уничтожали. Зачем лишняя писанина?

— А принцип подбора членов комиссии? Там же был специальный подбор!

— Это я однажды решил развлечься. — Министр засмеялся. — Я пригласил учителей младшей школы. Они страшно тряслись, бедные старушки, когда сидели в этом кабинете. А я попросил их рассказать об их учениках, которые запомнились им необычайностью характеров. Так вот, одна рассказала о девочке, плакавшей от чужих обид. Другая — о мальчугане, которого называли совестью школы. Он был не по годам соvestлив. Третья о мальчишке, беспощадном даже к себе. И так далее. Потом я нашел этих детей, уже выросших. Было интересно проследить за их судьбами. Сравнить, каким был ребенок и что из него вышло.

— Но какое отношение...

— Ах, Эллис, Эллис! Вы в одной ситуации видите семь вариантов семи поступков, а эти люди видели только по одному. В экстремальных условиях, в которых постоянно пребывали члены комиссии, налет привычек, традиций, мироощущений пропадает. Люди возвращаются к мироощущению своего детства. Они жалки, но одновременно страшны, эти взрослые дети. Кстати, у меня есть один человек, который непосредственно занимается комиссией семнадцати. И непосредственно занимается персонально вами, Эллис. Он не ребенок. Он взрослый, серьезный человек. Эх, Эллис, уж коли вы захотели власти, то явно начали не с тех. — С этими словами министр посмотрел на часы, вынул головку завода и отправил ее в рот. Глаза его остекленели, и Эллис понял, что в часах была ампула с ядом. Эллису стало досадно: он ничего не узнал. Но теперь понял: надо спасать из тюрьмы Крауфа. Эллис прекрасно помнил, что сказал министр юстиции во время их предыдущей встречи: «Я-то знаю, что землянин жив-здоров». Об этом знал и Крауф. Эллис еще ненадолго задержался в кабинете министра. Он поспешно обыскал труп. Да, ключ от сейфа министр всегда носил с собой — во внутреннем кармане.

В сейфе хранилось несколько папок. Эллис судорожно схватил их и, бросив на стол, стал искать материалы о комиссии. Их действительно не было. Не было ничего, что так или иначе могло быть связано с пресловутой комиссией. Но постепенно Эллис начал интересоваться находкой. Толстую папку под грифом «Совершенно секретно» — «Протокол перелета Беана — Аркос», — он отложил, пролистав. Интересно, но длинно. Протокол о высылке государственных преступников оказался ему неинтересным. Он сам их выслал на полярные рудники немало. И тут он увидел радиоперехват: «На Аркосе Эпсилона законодательно действует так называемая комиссия семнадцати, члены которой наделены правом убивать на месте каждого по своему усмотрению. Цивилизация в опасности: население пла-

неты ежедневно уничтожается. Выяснил существование в системе Эпсилона на планете Беана прааркосской цивилизации. По некоторым данным, планета была обречена на гибель ввиду экологического кризиса. Пытаюсь узнать подробности и принять меры. Космолетчик первого класса Алексей Гончаров». Эллис похолодел. Но успокоила его копия приказа агенту второго ранга Миккасу Пру установить в стартовое устройство космического корабля «Байкал» электромины. Верно сориентировались с электроминой, подумал Эллис. Ключ на старт — Земля берет свой корабль на радиомаяк. А то, что одновременно с двигателем срабатывает электромина, легко списать на стартовую катастрофу. Главное, ключ-то только у землянина... И в корабле он был — живой и невредимый. Для Земли это факт, не поддающийся сомнению.

Чудесно! Но «Байкал» пока стоит на месте. Дальше Пру сообщает, что землянин вылетел на космолодке к Беане. Кто же мог подсказать ему адресок?

И Эллис принялся внимательно читать папку, содержащую первую государственную тайну Аркоса.

Крауфа опять усадили на скамью подсудимых.

— Вы обвиняетесь в жестокости и преднамеренном убийстве тридцати человек. Вы обвиняетесь в преднамеренном свершении тяжчайшего преступления против гуманности. Есть ли у вас возражения?

— Нет.

— Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Я подчинялся правительству, которое направило меня на эту акцию.

— Прежнего правительства не существует. Его члены смещены и подлежат суду, — сказал председательствующий.

В это время в зал вошел Эллис — Крауф сразу узнал его. Не взглянув на скамью подсудимых, Эллис подошел к председательствующему. Крауф увидел, как тот вдруг смутился.

Эллис поднял голову и посмотрел на подсудимого:

— Вы привлечены по ошибке, Крауф. Простите. Дело в том, что Дзей Оун, — он кивнул на председательствующего, — и все мы знали вас как неукоснительного и последовательного исполнителя жестокой воли Верховного ведомства. И только я знал, что вы изменили свой образ мыслей. Мы приносим извинения за досадное недоразумение и надеемся, что вы станете нашим другом.

Спустя некоторое время, сидя за столом с Дзеем Оуном и Эллисом, Крауф пытался свести концы с концами. «Почему эти люди ищут моей дружбы?» — спрашивал он себя.

Дзей Оун, глава нового правительства, уже не держался независимо и сухо.

— Итак, вы глава переворота? — с сомнением обратился к нему Крауф. Тот покосился на Эллиса и утвердительно кивнул.

Слушая разговор Оуна и Крауфа, Эллис посмеивался про себя. Он хорошо помнил те цели, которые преследовал, когда отдал первое распоряжение Оуну, своему нынешнему руко-

водителю, о немедленном выявлении и истреблении членов комиссии. Во-первых, устанавливая их личности, члены организации Оуна давали ему самому выход на этих людей. Во-вторых, в случае неудачи выступления организации он смог бы представить правительству не только списки заговорщиков, но и конкретных участников покушений. Это придавало бы вес пошатнувшемуся в последнее время престижу Эллиса.

— Так что вам нужно от меня сейчас? — Мысли Эллиса превалировал вопрос Крауфа.

— Вы можете нам помочь.

— Вряд ли.

— Но, кроме вас, никто не знает в лицо членов комиссии. Это первое. Вы должны быть осведомлены об их злодеяниях. Это второе. А третье, и самое главное, как я слышал, из всех членов комиссии вы были наиболее справедливы. Конечно, если это слово уместно по отношению... Вы понимаете меня. Вы должны помочь нам в борьбе с карателями.

— Что ж, — сказал Крауф, — есть возражение. Кроме меня, члены комиссии знают Верховные.

— Они расстреляны, — вставил Эллис.

— Кто приказал? — изумился Оун.

— Я, — коротко ответил Эллис и продолжал тоном, не терпящим возражений, — даже в архиве не осталось никаких данных о семнадцати. Видимо, министр юстиции держал с ними личную связь. — Говоря так, Эллис продолжал сомневаться, что министр мог действительно пустить акцию на самотек.

— Не кажется ли вам, Эллис, — медленно проговорил Дзей Оун, — что расстрел без суда и следствия уподобляет нас тем карателям, с которыми мы боремся? Вы поступили опрометчиво и своевольно.

— А при чем здесь я? Это воля большинства, — безразлично ответил Эллис и быстро взялся за чашку. — Единственное, что удалось обнаружить в архивах, — это перфокарту, составленную программистом Чваем.

Оун восторженно:

— Он убит. Это вы убили его, Крауф. И видимо, не случайно. Он что-то знал.

Крауф удивленно покачал головой:

— Помню, в кафе «Эпсилон» он издевался над женщиной. Был сильно пьян.

В разговор вступил Эллис:

— Не думаю, что вы много потеряли, Дзей. Программист мог сообщить вам, что разработанная машиной социологическая программа перспектив применения закона определила, что закон противоречит основам существования общества и является способом укрепления власти. Что же касается дальнейшей деятельности комиссии семнадцати, то машина дала довольно странный итог программы, в одном слове. Я искал его во всех словарях, но не нашел.

— Действительно странно, — задумчиво сказал Оун. — Но Чвай либо мог знать смысл этого слова, либо предложить мне докопаться до его сути. Вдруг это помогло бы нам раньше предотвратить наступивший кошмар?

— Увы, — задумчиво проговорил Крауф, — сделанного не

вернешь. Подумайте к тому же, как я могу доносить на людей, с которыми недавно был тесно связан?..

— Стало быть, — спросил Оун, — вы отказываетесь помогать нам?

Эллис похлопал Крауфа по плечу:

— Вы столько перенесли за этот день! Подумайте, Элдар! Отдохните как следует и подумайте. Отвлечитесь от личных переживаний, и верное решение придет само собой.

— Поймите, — заговорил Оун, — мы должны изолировать ваших бывших коллег. Иначе, страшно подумать, резня может принять глобальные масштабы, мы окажемся бессильны.

Домой или к сестре Крауфу ехать не хотелось. Когда он вышел на улицу, то понял, что единственный человек, к которому его тянет, — это Бэкки.

Крауф шел по пустынным улицам. Точно все попрятались. Или вымерли. Либо уже перебиты его бывшими приятелями. Кто знает? И чем ближе подходил он к дому Бэкки, тем сильнее ему казалось, что все пережитое — кошмарный сон.

Дверь ее квартиры опять была открытой. Но хозяйки не было. В растерянности Крауф прошел в гостиную — следы недавнего разгрома были тщательно убраны, стена заделана. Видимо, Бэкки в редакции, решил Крауф. Он уже хотел развернуться и отправиться в редакцию «Вечернего Эпсилона», но его остановил голос Эллиса:

— Что, пришел за документацией? Беглянка, судя по всему, утащила ее с собой. — Крауф похолодел. Чувствуя, что севший голос выдает его, он с натушной легкостью ответил:

— Какой документацией?

Эллис отозвался из полумрака:

— Иди сюда. Я уже кое-что нашел. Раз ты здесь, поговорим. Думаю, ты расскажешь мне многое, если не все.

— За кого ты меня принимаешь?

— За натуру сильную, хотя не лишённую романтического начала, словом, за того, кто ты есть. Оружие на стол!

Крауф невольно повиновался.

— Видишь, насколько я оказался прав! Итак, ты категорически отказался от своей деятельности при старом режиме?

— Да.

— Ну что ж, будь логичен до конца. Если ты не с ними, то против них. Не так ли?

— Возможно.

— Значит, ты с нами. Поскольку мы против них.

— Нет. Я не предатель.

— Это лозунги. Итак, имена и адреса твоих коллег. Я жду. Что ты рассказал землянину о перелете? Что тебе рассказывал твой отец — ведь он был врачом экспедиции? — без всякого перехода вдруг спросил Эллис.

Крауф подавил внутренний трепет:

— Ничего. Да и мне известно не больше, чем всем.

— А что сейчас на Беане? Что знает землянин? Зачем он летал туда?

— Спросите у него.

— Ну что ж, я приглашал тебя к деятельности гуманной. И гуманным образом. Теперь я заставлю тебя и, прости, не гуманными методами. — Эллис оглянулся. — А квартирка неплохая... Да, ты не знаешь, где хозяйка? Не летит ли с землянином? Откуда он узнал о Беане? Ну!

Крауфа передернуло. Эллис встал с кресла, толкнул дверь в спальню. И вошли трое. Один из них шагнул к Крауфу и заломил руки за спину.

Пытка продолжалась около четверти часа. Эллис молча рылся в бумагах на столе Бэки. Происходящее, казалось, его не интересовало. Крауф терпел, все время поражаясь себе, что такое можно вытерпеть.

Потом трое отошли и смотрели на Крауфа, словно любуясь своей работой.

— Уходите, — тихо сказал Эллис. Он сел на тахту, держа в руках несколько листов. Палачи вышли, притворив за собой дверь.

— И теперь ты не хочешь помочь справедливости, брат мой?

Крауф вздрогнул.

— Я правильно назвал ваш пароль? Не сопротивляйся, все равно твои «братья» у меня в руках. Я даже знаю, когда пароль семнадцати произносится: если один просит другого оказать чисто техническую помощь. Так?

Крауф обессиленно застонал.

— Меня интересует землянин и Беана. Что задумал землянин? Зачем он туда полетел? Зачем радировал на Землю о нашем новом законе? Что он хочет? Власти? Денег? Говори, или никто не узнает, кто убил тебя и за что.

— Откуда тебе известен пароль? — спросил Крауф.

Эллис засмеялся.

— Предпочитаешь поменять тему? Ну хорошо. Ни за что не отгадаешь! Я тут разбирал бумажки этой милой дамы... Неплохой репортер. Так стремилась к эффекту присутствия в одном из своих репортажей, что невзначай выболтала государственную тайну.

— Не клевети.

— И в мыслях нет. Правда, опубликовать этот репортаж она при старом режиме не успела, иначе по головке ее бы не погладили. Жаль, что так же легко она отнеслась и к другой государственной тайне. Мне не пришлось бы сейчас развлекаться с тобой. И имей в виду, я эту куклу держу за волосы. Она близка с землянином? Она в курсе его дел? Так вот, если ты сейчас не выложишь мне все как есть, я разыщу репортершу и на твоих глазах мои ребятишки поиграют ее ребрышками.

— Ты изверг!

— Я?! Ну же... Я ведь никогда не называл тебя палачом.

— Прекрати, или...

— Или не будет. Я уважаю твои чувства.

— Это что, продолжение пытки?

— Да нет. Давай вернемся к нашей теме. Значит, говоришь, нужно спросить у землянина? Что ж, спросим. И все же для начала все вопросы — к тебе. Ты, увы, упрям, но мы сломим твоё упрямство. Тебя будут пытать долго и страшно, пока не

заговоришь или не умрешь. А умрешь ты не скоро, здоровье у тебя отменное — слабых в комиссию не брали. Но если вы с землянином разговоритесь, я приглашу врача, и, может быть, ты поправишься. Когда вернется землянин?

— Не знаю.

— Ну что ж, поедем в госпиталь, брат мой. Мои ребята что-то перестарались сегодня, а мне нужно узнать многое. И что тебе говорил твой отец, и что знает Гек, и что привез землянин с Беаны, все-таки интересно, какие там новости...

В госпитале Эллис приказал сиделке доносить ему обо всех, кто придет навестить Крауфа. Эллис прекрасно помнил, что тот человек, о котором говорил министр, занимается не только комиссией, но и им самим персонально.

Гоночная неслась на огромной скорости. В ней трое. Среди них — женщина. Кто же из них тот самый?.. Когда вышли на межконтинентальное шоссе, Эллис подумал: а вдруг в комиссии стало известно об отступничестве Крауфа? О том, что он попал в переделку с новыми властями и, возможно, пойдет на сговор с ними? Тогда вряд ли эти люди пришли бы в госпиталь к Крауфу. Или они к комиссии не имеют отношения.

По межконтинентальному ехали долго. Эллиса уже начала утомлять серая лента дороги между редкими белыми зданиями сельскохозяйственных комбинатов. Потом начались леса — зона отдыха. Вероятно, опять не то, эти трое едут развлекаться. Эллис совсем приуныл и чуть было не потерял из виду гоночную машину, когда она неожиданно для него свернула на боковую трассу.

Он остановил машину. Посмотрел, как гоночная свернула за кустарник. «Другой дороги здесь нет», — подумал он и повернул в сторону города.

Ставя машину в гараж, Эллис напевал свой любимый мотив. День прошел не так уж и плохо. Он узнал, где их логово. Вошел в квартиру, прямо на кухню, налил себе вина, собрался выпить и услышал за спиной голос своей невесты:

— Здравствуй, Кибрит, а меня ты не хочешь угостить?

События последнего времени научили Эллиса ничему не удивляться, но появление Ингит его поразило.

— Ты... — прошептал он пересохшими губами. — Откуда ты? Как я рад, что ты не забыла меня! В моей жизни многое изменилось. Знаешь, я теперь большой человек...

— Знаю.

— Тебе, наверное, сейчас трудно живется? Но теперь все наладится. Мы будем жить вместе, все будет хорошо.

— Сейчас большинству живется нелегко.

— О да, ты, конечно, голодна. У меня есть все...

— Спасибо. — В голосе Ингит прозвучала насмешка. Эллис не обратил на это внимания.

— Я понимаю, я все понимаю. Но не говори так. Конечно, трудно сразу вернуться к прошлому. Это пройдет, главное, что ты пришла. Ведь ты же пришла!

— Да. Но не за тем.

Эллис повернулся к ней от холодильника. И увидел направ-

ленный на него пистолет. Он понял, что помешать ей не сможет. И он прошептал:

— Помоги справедливости, брат мой...

Ингит остолбенела.

Первым делом я обсчитал на компьютере «Байкала» возможную траекторию полета корабля с Аркоса. Компьютер указал мне и оптимальное время для старта, до которого теперь уже оставалось несколько часов.

База словно вымерла. Ни Оуна, ни его подчиненных. Следы обыска... Значит, и здесь побывала комиссия семнадцати.

К счастью, Бэки оказалась на месте, в редакции.

— Тут такое творится, — закричала она в трубку, — так все улаживается... — Я ни слова не понял, Бэки, как всегда, захлестывали эмоции, и, остановив ее на полуслове, я начал:

— Слушай внимательно. Беана жива. Но корабль твоего отца там не садился. Слышишь? Не садился. Но, кажется, я могу найти его, даже, возможно, транспортировать на Аркос. На Беане я оставил радиосвязь моей космолодки. — Бэки молчала. Но по звукам в трубке я понял, что она плачет. И сказал: — На базе я один. Вылетаю в полночь. Жди меня на базе не позднее завтрашнего полудня.

Я направился к «Байкалу». У дверей рубки меня остановил телефонный звонок.

— Я никогда не верил сплетням о твоей гибели, — услышал я голос Оуна.

— Благодарю, — все, что нашлось у меня в ответ. — Где вы, Дзей?

— Читай газеты, узнаешь. Прошу тебя, навести Крауфа, он в центральном госпитале.

— Что с ним, где вы, Дзей? — снова спросил я, но Оун положил трубку...

На базе мне удалось найти последний номер «Производственного континента». Итак, во главе нового демократического правительства мой тихий инженер. Это меняет дело. Надо ехать к нему, рассказать о Беане. И нужно, чтобы в моих поисках пропавшего космического корабля и поисках разгадки трагических событий на Аркосе приняли участие и люди планеты. Это же и их дело. По пути к Оуну я решил навестить Крауфа.

У постели Крауфа дежурила пожилая сиделка. Увидев меня, она тихо выскользнула из палаты.

На Крауфа было страшно смотреть.

Он силился улыбнуться:

— Я не ждал тебя, Алексей...

— Что случилось? Кто посмел?

— Ты должен улететь. При нынешней ситуации остается только удивляться, как ты еще жив. У тебя самая страшная роль — роль соглядатая.

— Какой ситуации, Элдар? О чем ты говоришь?

— Эллис, человек, которого ты не знаешь, но запомни его имя — Эллис — повсюду ищет членов комиссии. Но не для справедливого возмездия — это я понял только здесь. Он найдет их для своих целей — они жестоки, они пойдут за ним.

Эллис узурпатор. Помнишь Морриса, о котором писала мать Бэки? Он достойный его продолжатель, поэтому так стремится знать, что тебе стало известно о Беане. Но вместе с тем он боится тебя, как всякий подлец и трус боится правды и силы.

— Элдар, чем я могу помочь тебе?

— Дело не во мне... В аркосцах. Эллис поднял черное знамя, — Крауф умолк на полуслове — в комнату вошла сиделка со шприцем в руках. И я простился.

Из госпиталя я направился прямо в бывшее Верховное ведомство. Мне удалось встретиться с Оуном. Встреча вышла натянутой и бесполезной. Оун не поверил мне. Эллиса Оун хорошо знал, считал его достаточно надежным. И тут в разговор вступил человек, сидевший спиной к нам — он разбирал документы в пухлой папке.

— Я бы серьезнее относился к Эллису, Дзей, — мрачно заметил он, — я не доверял бы ему полностью.

— Это наш попечитель безопасности, — представил мне его Оун.

К рассказу о беанской цивилизации Оун тоже отнесся с недоверием, только спросил почему-то:

— Они не станут вмешиваться?

Я пожал плечами. На мое намерение найти последний космический корабль и доставить его на Аркос Оун заметил:

— Сейчас у планеты более реальные задачи.

— У нас есть время, чтобы продолжить этот разговор. К тому же завтра у меня, возможно, появятся новые аргументы. Может быть, они убедят вас. Сегодня в полночь я стартую. Будь осторожен, — сказал я на прощание Оуну. — Береги себя и своих друзей.

Он холодно пожал мне руку.

...Стартсвал я нормально. Правда, к моему удивлению, в момент старта на Аркосе погасло освещение. Главный континент погрузился в глубокий мрак. Только за кромкой океана слабо светилось зарево — продолжал работу Производственный континент. «Что же случилось на Главном?..» — забеспокоился я. Но когда «Байкал» выходил за пределы аркосской атмосферы, увидел — Главный континент вновь озарился переливами огней.

Ингит знала только одно — Эллис назвал пароль, и она выполнила свой долг: привезла его на виллу. Конечно, ей могли возразить, что тот, Дрибл, тоже назвал пароль. Ну и что? Тот пришел сам. Этого она привезла — есть определенная разница. В конце концов он знает пароль, а друг он или враг — в этом можно разобраться.

...На вопросы не скупилась ни члены комиссии, ни сам Эллис. Они проверяли друг друга. Эллис говорил горячо.

— ...Планета в руках ублюдков. Они поведут цивилизацию вспять. Они распустят общество, развратят его. Только потому, что не умеют, не могут твердой рукой держать бразды правления. Вы — новая элита Аркоса. И вы должны спасти планету от полного краха. Я пришел, чтобы помочь вам.

— А если нам не нужна помощь? Если мы и сами имеем ясное представление, что нам делать? Такой поворот беседы не входил в ваши планы?

— У меня не было и нет никаких иных планов, кроме одного желания: спасти планету. — Последняя фраза прозвучала патетически, это Эллис понял по насмешливым взглядам слушателей и на минуту замолк.

— Чтобы спасти планету, надо иметь над ней власть, — скептически сказал кто-то. — Нам же, как я понимаю, предстоит еще ее захватить. Для этого нужно хотя бы появиться в Верховном ведомстве. Это опасно — не сидят же они сложа руки.

— Они отменили аппарат насилия. Охрана невелика, — твердо сказал Эллис.

Комиссия молчала. Кто-то отозвался из темного угла:

— Мы должны подумать, не так ли?

Раздалось нечто вроде одобрительного гула.

— А вы, Эллис, — продолжил тот же голос, — покуда отдохните. У нас приготовлены для вас вполне приличные апартаменты.

Эллиса бросили в бетонированный подвал. Когда глаза его освоились с темнотой, в углу он увидел человека.

Дрибл брел по некошеному лугу. Его мысли были заняты одним. Как же эти люди примут его?

Из-под ног выпорхнула птица. Он засмеялся. И сам удивился своему смеху — такому счастливому и спокойному. Так беззаботно он радовался только тогда, рядом с матерью.

Дрибл проводил глазами птаху и решил отдохнуть. Сел на траву и вдруг с ясной отчетливостью понял, что близок к итогу, к цели того главного дела, начало которому положил его отец.

Отец был трезвым и дальновидным политиком, но и он вряд ли предполагал, что все так обернется. И хорошо, что письмо отца, где излагались принципы закона, у Дрибла с собой. Письмо — главный козырь при встрече с бывшей комиссией.

...Отцом Дрибла был бывший Верховный министр Аркоса, Пэт Моррис. Дрибл узнал об этом в день своего совершеннолетия, когда отца уже не было в живых. В тот день мать вручила Дриблу предсмертное письмо Морриса и маленький конверт, о котором упоминалось в отцовском письме. «Когда ты поймешь, мой мальчик, что планета на грани социальной катастрофы, приложенное письмо ты отправишь в Верховное ведомство на имя своего дяди. Он придет к власти после меня, но ему никогда не понять, как разумнее всего сохранить свою власть.

Эта мысль не давала мне покоя. Некогда мне казалось, что проблема решена в эпоху переселения, когда я рассматривал второй континент Аркоса как резервацию для черни. Судьба дала мне в руки средство, не буду обременять тебя его описанием, благодаря которому мне удалось заселить второй континент людьми, не представляющими себе иной жизни, кроме труда. Однако среди тех, кого я пытался превратить в трудовую касту, началось расслоение. Социальное расслоение рано или

поздно приводит к общественным противоречиям. Выделились технократы. Рано или поздно они захотят прийти к власти и станут опасны. На Главном континенте, увы, произошел тот же процесс. Те, кого я рассматривал как обслуживающую касту, постепенно богатея, сформировались в мелких хозяйчиков, средних собственников. Вряд ли они скоро задумаются о политике, но придет и их черед разделить власть с Верховными.

Все начнется с политического недовольства. Противопоставить ему я могу только свое завещание. О его существовании известно моему другу, которого ты знал под именем Бобби. Но ему ничего не известно о содержании моего завещания. Эту тайну я доверяю только тебе...»

В день, когда Дрибл узнал о принятии нового закона, министр юстиции — ближайший друг его отца — сказал ему:

— Теперь ты должен сделать все, чтобы акция правительства не превратилась в акт самоубийства. Ты должен знать об этих людях все, но главное — не захотят ли они добиться власти! Это желание ты должен пресечь в корне!

И еще министр добавил, что искать связь с комиссией Дрибл должен самостоятельно, не разрушая кропотливо созданной легенды.

Дрибл усмехнулся, вспомнив, как легко ему удалось поймать Эллиса на крючок. Жаль только, что не удалось сорвать его планы до конца. Ну что ж, землянина он по крайней мере спас... Этот профессиональный провокатор Эллис создал для толпы подходящий миф: комиссией убит лучший из людей! Расчет достаточно верен...

Теперь осталось повести за собой эту комиссию, предложив ей целенаправленно бороться за реставрацию традиционной власти Аркоса, но под руководством новой элиты — семнадцати. Но вдруг они не захотят идти за ним? Что тогда?..

Дрибл встал с травы, отряхнул брюки и отправился на виллу, которую сам же приобрел для комиссии на случай... Впрочем, он не думал тогда на какой. Он считал, что должны где-то собираться вместе и общаться борцы за идеалы справедливости. Министр юстиции одобрил его приобретение.

Когда случилось это, ему стало страшно, кажется, впервые в жизни. Он закричал. Но вскоре умолк — что о нем подумают? Слабак? Слунтяй? Остался наедине с трупом и полез от страха на стенку!

И тогда Эллис забарабанил в крышку люка и начал громко выкрикивать: «Его нельзя упускать! Его нельзя упускать!..»

«Братья» не скоро откликнулись. После того, как он крикнул уже без паники в голосе, но и без надежды, что его услышат «Мы проиграем, если дадим ему уйти!» — наверху загремели замками. Значит, отметил про себя Эллис, они были совсем рядом.

— Сегодня стартует корабль землянина. Он летит на Беану. Аркосу грозит интервенция, колонизация... Они отомстят!

Эллис рассчитывал, что от этих слов наверху должна начаться паника. «Братья» пойдут на разговор, а поэтому выпустят его отсюда. Он не будет голословен — он выложит перед ними

три документа, которые придадут комиссии решимости и сил. Те два, из министерского сейфа, и этот — добытый таким неожиданным и невероятным путем.

Вообще в этой истории не было ясно только одно: если не Крауф, как раньше предполагал Эллис, а Дрибл человек министра, то зачем комиссия сунула его, как и Эллиса, в подвал? Может быть, они не знали этого? Или не поверили ему? Или его планы оказались им неуютны?

Удивительная встреча! Дрибл играл под простачка. Куда же ему было деваться после суда над Крауфом — только уходить вместе с комиссией. Эллис решил подыграть ему, сказал, что комиссия пленила Дрибла по наущению Крауфа. И тут они разговорились по-приятельски. Так, на дружеской ноге, Эллис вел обычно негласные допросы. Дрибл этого не знал и проговорился.

— Власть, бесспорно, удел избранных. Всякое отклонение от этого правила преступно. Я пытался внушить эту мысль комиссии, но увыл...

Эллис все понял. Так говорить мог только человек министра. Значит, Дрибл стоит не только на пути комиссии, но и на его пути. И неизвестно еще, какими средствами борьбы он располагает. Эллис не помнил, как кинулся на Дрибла, как покатились они по холодному полу, как Дрибл пытался схватить его за горло, и он, чувствуя удушье, вцепился Дриблу в волосы, потом сел ему на грудь и молотил головой о каменную стену, пока голова не стала в его руках податливой и теплой от крови. И вот тут-то он узнал, что такое ужас...

...Когда Эллиса привели в дом, в ту же большую комнату с длинным столом, там уже собрались все его обитатели. Эллис рассчитал точно — в неопределенной ситуации охотнее верят худшему.

— Когда отлетает землянин?

— В полночь. Он сам сказал Оуну.

— И что мы можем?

— Самое большее — не дать ему добраться до Беаны. Он летит уже не на космолодке, как в первый раз, а на грузовом корабле. Ясно, готовит десант... Вот его радиограмма на Землю.

Пожалуй, этот козырь оказался самым действенным. Боевая группа быстро собралась. Ингит была с ними. Эллис отозвал ее в сторону:

— Не суйся к этим. Там могут быть дела серьезные. Под стартовым устройством землянина — электромина.

— Почему ты молчал об этом?

— Мина может не сработать. А подстраховаться всегда необходимо.

Ингит отошла, задумавшись, а когда уехала боевая группа, она услышала голоса из соседней комнаты:

— Да, выслушаем его. Честно говоря, тот тип мне сразу не понравился.

— Тебе, приятель, повезло, — это было обращено к Эллису, — у тебя глотка оказалась мощнее. Тот тоже что-то горлопанил о важном сообщении.

Эллис сразу понял, о чем идет речь. Он знал, что хотел сообщить комиссии Дрибл. В кармане его пиджака он нашел письмо, содержание которого расшифровывало перфокарту программиста Чвая: «Создание комиссии наемных убийц, безусловно, дохлая кошка в политической игре. Она устроит мелких хозяйчиков и убедит их в необходимости твердой единоличной власти. Мелкие хозяйчики поддержат акцию и станут самой надежной опорой власти. На Производственном континенте комиссия, став средством устрашения, окажется орудием подавления революционных выступлений. Действие закона пройдет два этапа. Как уже явствует, сначала он будет средством укрепления наследственной власти. Вторая стадия его развития будет протекать подспудно и неотвратимо. Ее суть будешь знать только ты: рано или поздно члены комиссии, став людьми, непохожими на других, сверхжесткими, сознающими свою избранность, не знающими пределов и ограничений, придут к реальной власти. Возможно, это будет связано с кровавым переворотом. Верховных члены комиссии либо вышвырнут с политической арены, как старый хлам, либо сохранят как музейную реликвию, придавая своим действиям внешне благопристойный вид привычной демократии. Ты должен стать одним из этих людей и потом встать над ними. Строй, который ты создашь, знала история Земли. Там он назывался фашизмом.

Я хотел бы передать тебе крепкую власть. Власть Верховных изживает себя. Поэтому я могу лишь начертать перед тобой тот путь, который приведет тебя к господству подлинному. Не кори меня, что твой путь будет столь тернист».

Больше всего Эллиса поразило то, что в письме и в перфокарте Чвая содержалось одно и то же слово. Собственно, разобравшись в этом понятии, он сообразил, что в него укладывались и его стремления... По сути, Эллис сказал комиссии то, что собирался сказать Дрибл.

— Так вот, — начал Эллис, — теперь пора переходить к конкретным действиям. Борьба за власть начинается с борьбы за независимость. Думаю, все знают Верховный банк. Из банка есть тайный вход в Верховное ведомство. Я проведу вас в комнату заседаний Оуна. Ни один его министр не вооружен. Оружие, видите ли, противоречит их нравственным нормам.

— Что же мы будем делать после захвата власти? Кто нас поддержит?

— Нас? Вы знаете, что происходит на континентах? О да, чернь ревет от восторга, а остальные? Расстреляны только Верховные. А мелкие предприниматели, лавочники, крупные фермеры? Они вовсе не спешат на зов Оуна отдать на всеобщую потребу свое небольшое хозяйство. А вспомните о членах пятидесяти семи семей и о тех, кто им близок. Оун лишил их всего и заставил прятаться. Пока они робко сопротивляются. Но приди мы, и они с радостью пойдут к нам навстречу. Мы, и только мы, нужны им. А что мы будем делать? Править! И так, как на Аркосе этого не делал никто и никогда!

Ингит не дослушала Эллиса. Пожалуй, никогда еще она не испытывала такого острого желания посоветоваться. И она не знала человека более способного дать верный совет, чем Крауф. Ингит потихоньку вышла, вывела из гаража машину, стара-

ясь не привлекать к себе внимания, и направилась в город. ...Когда ей в госпитале сказали, что у Крауфа был землянин, она крайне этому удивилась.

— Слушайте, Крауф, вы знаете, чем этот тип грозит Аркосу? — сразу спросила она.

Крауф улыбнулся ей и тихо сказал:

— Гончаров мирный человек, и сегодня он улетит на Землю.

— Он сказал вам это твердо? — Ингит подошла ближе, взялась за спинку кровати.

— Совершенно точно. В полночь он улетает.

Верно говорит. Ингит перевела глаза на часы. До отлета землянина оставалось сорок минут.

— Так вот, чтобы вы знали. Эллис получил данные, что Гончаров летит не на Землю. Он готовит интервенцию беанцев. Окажется, они живы и грядут мстят. Поэтому нужно сделать все, чтобы Гончаров не взлетел. Под стартовым устройством — электромина.

Крауф внимательно глянул на Ингит, с трудом сел на постели, перенес с тумбочки к себе на колени телефонный аппарат.

— Бэки, — хрипло сказал Крауф в трубку, — под кораблем Алексея электромина. Предупредите его.

Ингит долго не раздумывала. Предателю — смерти!

Спокойно перезарядив оружие, Ингит пошла к машине. Она ехала к городской энергоподстанции. Если эта Бэки захочет помочь землянину, другого пути у нее нет.

Что ж, противница оказалась достойной. Умная женщина, безошибочно поняла, как следует поступить. Ее машину Ингит увидела недалеко от энергоподстанции. Электромобиль летел на предельной скорости, и Ингит усомнилась, что его догонит. И когда подъехала к подстанции, перевела пистолет на автоматический режим. Пришлось убрать и охранников, и дежурных рабочих.

Бэки была уже у пульта. В ту секунду, когда Ингит взвела курок, она взялась за рубильник. Ингит выстрелила. Бэки повисла на рукоятке.

Все погрузилось во тьму.

Ингит не сомневалась: землянин успел стартовать.

Шло совещание правительства Дзея Оуна. Попечитель права написал отчет, в котором признал, что изолировать от общества бывшую комиссию семнадцати пока не удастся. После установления на Аркосе демократических норм гражданской жизни, все они скрылись.

— Однако они убили Эллиса, — сказал попечитель здравоохранения.

Оун удивленно поднял глаза.

— Главный врач центрального госпиталя, куда Эллис поместил Крауфа, доложил мне, что Эллис начал слежку за посетителями Крауфа. И пропал. Видимо, напал на след негодяев. Увечья Крауфа тоже дело рук семнадцати. Они отомстили ему за отступничество.

— Эллис шел по верному пути, — вставил попечитель права. — Надо почтить его память.

Все молча переглянулись.

— Я не могу в это поверить, — прошептал Оун, подумав, что, к счастью, не доверился рассказу Гончарова о страшных замыслах Эллиса. — Если у Эллиса есть родственники, позаботьтесь о них должным образом. А сейчас перейдем к вопросу о ходе национализации промышленности и распределении доходов от производства.

— Творится полная неразбериха. Вчера электромобильный завод и несколько других предприятий Производственного континента вообще прекратили работу. Предприятия захватили вооруженные бандиты, которые встретили огнем вышедших на смену рабочих. Судя по всему, бандиты, — ставленники бывших владельцев, — говорил попечитель промышленности, — неизвестно, кто убил главного инженера швейного комбината, которая первой сняла пломбы с законсервированных цехов и пустила туда работниц из числа незанятых...

— И вы на все это смотрите? — негодуя спросил Оун попечителя права.

— К сожалению, я не все могу сделать. Мой аппарат — всего несколько работников, которых я привез с Производственного континента. Мы с попечителем безопасности занимаемся формированием дозоров из населения. Кроме того, мы уже вооружили работников четырех предприятий на Производственном континенте для защиты производственных комплексов.

— Почему только четырех?

— Неизвестными взорван арсенал. Оружия пока больше у нас нет.

Слово взял попечитель народного благосостояния:

— Нужно принять меры, в первую очередь касающиеся...

Но попечители так и не узнали, что он хотел сказать. За их спинами открылась потайная дверь и загремели выстрелы.

— Здесь не все, — сказал Эллис. — Птички выпорхнули. Недостает попечителя транспорта, внешних сношений и безопасности.

Эллис взял записку из рук мертвого Оуна.

— Дурачье! Вместо того чтобы искать нас, они принялись за комбинации с промышленностью. Итак, дело сделано. Перейдем в другое помещение, необходимо обратиться к народу с воззванием. Его выработкой мы и займемся.

Когда я догнал корабль аркосцев, то увидел, что обшивка его была во многих местах пробита микрометеоритами. А вот антенны, очевидно, повреждены крупным метеоритом. Сопла двигателей обгорели давно — и заметил я их только потому, что знал: они должны быть где-то там... Очень странная конструкция была у последнего корабля аркосской цивилизации. Вот, собственно, и все, что я смогу сказать Бэки. Погибший корабль. Я опустил на себя рычаг космического причаливания.

Огромные ангарные манипуляторы «Байкала» захватили эту махину и начали медленно втягивать в шлюзовую камеру. Автоматический регулятор манипуляторов прикидывал, как бы ловчее это сделать. Наблюдая на экране возню манипуляторов с кораблем, я невольно вспомнил прошлогоднюю рыбалку на

Земле. В сети запутались две рыбыны. Щука наполовину заглотала вторую, никак не хотела понять, что даже ее хищная пасть имеет ограниченный объем. Она била хвостом, но расстаться с добычей не могла. Вот и мои манипуляторы бьются, не понимают, и в шлюзовую камеру «аркосец» полностью не зайдет. И быть нам вместе, как той щуке с полузаглоченной добычей. Манипуляторы все же сработали на совесть. Минут за двенадцать «аркосец» почти до половины зашел в шлюзовую камеру. Еще через минуту сработала автоматика роботов, которые взяли на себя люк корабля. Железным «малышам» пришлось нелегко — кончилось все тем, что их электронные мозги приняли крайнее решение — я увидел на экране, как из железных лапищ заструились тонкие струйки лазера. Люк отпал, как засохший листик с ветки. И я услышал нечеловеческий вой.

Я бросился в шлюзовую камеру. Забыл, что нужно было отключить роботов. Их железные лапы цепко держали меня за локти. Я рванулся и, оставив в лапах этих бездушных истуканов всю верхнюю часть комбинезона, вошел в корабль. Роботы тут же включили сирену опасности. Я понимал, что сзади меня горит табло «Белковое существо опасно для человека!» — мои стражи наказывают меня за мой бунт. Перестраховщики! А белковое существо сидело в углу отсека и смотрело на меня.

Только потом я догадался, что он безумен. Когда, собрав все мужество, я улыбнулся ему, подошел ближе и заговорил, он, дико хрипя, по-обезьяньи запрыгал от меня в сторону. Я понял, что он испугался. Его желто-белые, слипшиеся в колтун волосы мешали рассмотреть лицо. Я не удержался, спросил:

— Кто вы?

Существо — мне было бы страшно назвать его человеком — ответило диким хохотом, на секунду притихло, и разум проблиснуло в его глазах:

— Крюгер.

Надеясь, что просветление продлится, я задал еще один вопрос:

— А где Гек, Грим, ваши спутники?

Если гримасу, искажившую лицо Крюгера, можно назвать улыбкой, он улыбнулся. В глазах промелькнуло лукавство, и он заговорщицки подмигнул мне: поманил заскоружлой рукой в соседний отсек.

В углу были свалены человеческие кости.

— Пойдем в холодильный отсек, там интересно. — Звериным прыжком он подскочил ко мне и взял за руку. Роботы расценили этот жест по-своему. Они усыпили Крюгера.

...Не зная назначение этого отсека, я попал в него случайно. В нем я и нашел бортовые журналы. Они напоминали дневники. Потом я обнаружил подпись — «Полицейский инспектор Грим». Эти записи многое разъяснили мне.

ЗАПИСКИ ИНСПЕКТОРА АНРИ ГРИМА

Старт мы перенесли довольно тяжело. Сейчас включилось гравитационное устройство. Я пишу... Оун отказался вести бортовой журнал. Незачем и не для кого. Я не верю в это. И надеюсь,

что мои записи будут прочтены. Даже если и прав пилот, распускаться нельзя, нельзя терять человеческий облик. Я определил себе занятие. Более почтенное, чем пьянство или брань. Мишле все время ругаются в своем отсеке. Крюгер сидит возле холодильника и пьет. Я пытался остановить его. Он сказал, что теперь нет разницы. Это после слов Оуна. Наверное, с них надо начинать. Когда мы вышли за гравитационное поле Аркоса, Оун начал было корректировать траекторию полета, но отказало рулевое управление. Он решил исправить поломку. Обнаружилось страшное: внутренний механизм ручного руля был полностью демонтирован. Об этом позаботились прежде, чем посадить нас сюда. Гек сказал, что ждал чего-то подобного. У Мишле — обоих сразу — случилась истерика, но и ее они направили друг против друга. Противно. Оун все время пытается что-то сделать.

Мы поспали. Прошли сутки. Оказалось, корабль наш движется по замкнутой эллиптической орбите. Без ручного управления делать нечего. Оун сказал, что можно надеяться на область притяжения Беаны. Гек добавил, что это наименьшее из зол — станем метеоритом и сгорим по всем правилам. Все стали ждать, что будет дальше.

К концу следующих суток Беану проскочили. Мы обречены. Оун сказал, что корабль проходит между двумя полями тяготения — Аркоса и Беаны. Мишле почему-то сказала, что даже бесцельный бесконечный полет — лучший выход из ее положения. Я промолчал. Хотя, наверное, именно мой рассказ пролил бы свет на причины нашего полета. Все ведь началось с того, что ко мне пришла Мишле. И рассказала следующее.

На Беане она была любовницей Морриса. Он неожиданно оставил ее, увлекшись Шейлой. На Аркосе, в отсутствие соперницы, Мишле захотела вернуть расположение Морриса. Напрасно. Из чувства мести сошлась с Крюгером. И Крюгер раскрыл ей тайну деморфина. Всем объявляли, что запрет на употребление деморфина членами ста трех семей вызван необходимостью экономить препарат, который нужен работающим. А Крюгер объяснил Мишле, что на самом деле все это потому, что деморфин действует на мозг и каждая таблетка уносит часть жизни. Конечно, госпожа Мишле удивилась, отчего же деморфин не запрещен повсеместно, а Крюгер ответил, что, мол, Моррису и так хорошо. Тогда у Мишле сложился план мести. Зная, что я вел расследование дела Бенца и, зная, видимо, что Шейла отвергла Морриса из-за меня, она решила именно моими руками доставить Моррису неприятности. В тот вечер госпожа Мишле дала мне в руки то недостающее звено преступления. Фактор, который я искал. Перелету могла помешать тайна деморфина. Вот истинная причина гибели Бенца. И вот его убийца — Моррис.

Итак, Бенца убил Моррис. Следы маленьких ног на вилле — камуфляж. Интересно, Вернер до сих пор ищет убийцу с маленькими ногами? Несомненные доказательства вины Морриса: показания госпожи Бенц, отстранение меня от ведения дела и поведении Морриса при нашей последней встрече.

Я тогда как бешеный ворвался к Моррису и потребовал полета на Беану. Моррис ответил, что всему свое время. И тогда я сказал, что в моих руках улики против него. По правде гово-

ря, их у меня еще не было. Моррис озверел, кинулся на меня с кулаками. Потом схватился за пистолет, орал, что он вне подозрений, что я слишком далеко зашел, слишком много себе позволяю. И, поигрывая оружием, вдруг сказал, что готов пойти мне навстречу. «Кажется, — ухмыльнулся он, — вы соскучились по госпоже Шейле?» Подтасовал личный мотив, мерзавец... «Если вы настаиваете, я готов предоставить вам возможность слетать за нареченной. Посодействую, найду вам и подходящую компанию». Это козвенное доказательство его вины: он решил избавиться от меня. И, конечно, уже в тот момент думал, что смерть от пули — жалкая кара для меня...

Застрелился Оун. В предсмертной записке он написал, что не может перешагнуть собственную беспомощность. Мы положили его тело в холодильный отсек. Кто знает, может быть, удастся похоронить когда-нибудь...

Когда спали, умерла госпожа Мишле. Первая жертва деморфина среди нас. Гек скис. И тут прорвало Крюгера. Его рассказ потряс нас. Меня он назвал недальновидным мальчишкой. В общем, никакого второго эшелона быть не должно. Списки первого эшелона — это сетка выживания на Аркосе. Она рассчитана на нужды возрождения цивилизации в условиях планеты Аркос. Словом, лишние рты не нужны... Чтобы похоронить эту тайну, в момент отлета с Беаны там были взорваны космический радиотелескоп и космическая антенна. Крюгер сам руководил работой саперов, а затем и расстрелом этих саперов. И, закончил Крюгер, у Морриса есть еще одна блестящая идея, как ограничивать население и держать его в узде. Подмигнул и пояснил, что саму идею нам знать необязательно, ибо она — дело будущего, до которого мы, естественно, не до янем.

Я сбился со счета. Кажется, летим тринадцатые сутки. Впрочем, впереди у нас вечность, так не все ли равно. Когда мы спали, умер Мишле. Сквозь сон я слышал стоны. Крюгер сказал, что у Мишле было больное сердце. Наше кладбище растет. Выбрасывать тела в пространство представляется мне кошмаром. Нашел какую-то астрономическую книжку Оуна. Там сказано, что космические тела, двигающиеся по свободной эллиптической орбите, могут сокращать диаметр своего эллипса. Интересно, мы летим по свободной траектории? Может быть, есть все же надежда? Крюгер смеется надо мной и пьет. Гек говорит о жене и дочери. Вслух вспоминать семью — его отрада.

Опять во сне слышал стоны. Даже показался шум борьбы. Гек умер. Сегодня восемнадцатые или двадцатые сутки. Мы остались вдвоем с Крюгером.

Двадцать восьмые или тридцатые сутки полета. Сегодня Крюгер проверил запасы. По его словам, лет на шесть, если экономить. Еще Оун говорил, что нам достался корабль, на котором транспортировали с Беаны провиант, но не успели разгрузить. Так поспешно нас отправляли. Можно считать, нам повезло. Крюгер зовет меня в холодильник — делить продукты. Бойтся, я его объем.

На этом записи инспектора Грима обрывались. Я сложил распавшуюся тетрадь.

Крюгер мирно спал под охраной роботов. Что же с ним делать? Может быть, медики найдут способ хоть ненадолго привести его в сознание? Он мог бы рассказать многое... Я перешел на рулевое управление и начал посадку.

Космодром базы был искорежен взрывом. Я с трудом вывел корабль на новый виток и совершил посадку в открытом море. Хорошо, что роботы приварили люк аркосского корабля на место. Надеюсь, понтоны не подведут. «Байкал» не затонет.

Записки Грима я спрятал в водонепроницаемый пакет, за Крюгером оставил приглядывать роботов и спустил аварийную шлюпку. До берега было несколько морских миль. Мне повезло: полный штиль. Можно считать, повезло вдвойне: я вспомнил о гребном канале, по которому можно добраться прямо в город.

Город поразил меня. Даже в самые жуткие дни разгула коммиссии не видел его таким. То и дело я наткнулся на следы настоящих сражений.

Неподалеку от Верховного ведомства шла перестрелка. Вдруг на меня кинулись. Двоих я отшвырнул. Подбежал еще какой-то, с ножом, от него мне удалось влететь в первую раскрытую дверь — это оказался магазин.

Здесь было относительно спокойно, если не смотреть на убитых, не слышать, как стонут раненые. Живые методично вытаскивали из шкафов и холодильников припасы, сваливали их в мешки, засовывали в карманы. Некоторые ссорились, деля продукты.

Я скрылся за шкафом. Отсюда было видно, как тот, с длинным ножом, стоял в дверях. Видимо, он подкарауливал меня. Но через минуту его внимание отвлек сгорбленный старик, который пробирался к выходу, неся на вытянутых руках пакет. Мой страж пригрозил тому ножом, пакет отнял. Старик не сопротивлялся, но вернулся в магазин. Страж сел поперек двери, покопался в пакете и стал жевать, не сводя глаз с торгового зала. Я оглянулся и увидел пробоину в витрине, через которую вполне можно было пролезть. Пополз к ней. Вылез, только порвал карман комбинезона. Своего стража, не ждавшего меня со стороны улицы, я оглушил ударом кулака, и короткими перебежками отправился дальше. Подойти к Верховному ведомству мне не удалось. Площадь была оцеплена. Свернул в проулок и забрел в какой-то двор.

Там собирались кремнированные трупы. Сверху тщательно уложенного жуткого людского квадрата я увидел еще более заострившееся костистое лицо моего тихого инженера.

Значит, Оун так и не оценил слова Крауфа... Я нащупал на груди водонепроницаемый пакет. Теперь мне оставалось идти только к Бэки. Поднимаясь по лестнице в ее квартиру, я мутильно думал, как рассказать Бэки о судьбе ее отца.

Дверь оказалась открытой, но Бэки дома не было. Я отправился в редакцию. В отделе информации «Вечернего Эпсилона» смиренно сидела секретарша.

— Где репортер Гек? — спросил я с порога. — На задании?

— Нет, — ответила она, и в глазах девушки я увидел испуг.

— Где я могу найти главного редактора? — Мне казалось, что

он либо разъяснит мне, где может быть его сотрудник, либо должен меня выслушать, — я машинально тронул свой пакет. Дело, требующее гласности, не должно пройти мимо серьезного руководителя печати.

— Он арестован новыми властями. — Она испуганно смотрела на меня. — Многие арестованы, кто поддерживал старый режим.

— А Бэки?

— Я вас узнала, — сказала девушка, — вы землянин. Бэки... — она на секунду осеклась, переводя дыхание, — не знаю, нет... — Она опустила глаза. — Не могу сказать.

— Где тюрьма?

Секретарь записала на листке бумаги адрес, спросила почему-то:

— Вы полагаете, она там?

Естественно, других предположений у меня не было. Я отправился на городскую окраину.

В караульном помещении тюрьмы со мной поначалу отказались разговаривать. Ждали подношения — слишком очевидно. Но что я мог предложить им?.. Я умолял отдать заключенную под расписку, разъяснял охранникам, что, когда выведу Бэки Гек на Землю, она не будет представлять никакой опасности для нового режима Аркоса, да и сейчас... Она обычная, слабая женщина... Надо мной потешались. Но тут пришел еще один охранник — повыше чином.

Шутя и балагуря, ему рассказали обо мне, о Бэки, с предложенной расписке. Тот пристально взглянул на меня и сказал:

— Начальник с ним разберется. — От этой короткой фразы как-то сразу стихли шутки.

Меня повели. За спиной зловеще щелкнули затворы. Тот, видимо, младший офицер, шел впереди, а позади чеканили шаг охранники. «Надо отсюда выбираться», — подумал я со странной отрешенностью, когда опять услышал ляг затворов. Передо мной распахнули еще одну дверь. Это была приемная начальника тюрьмы.

Охранники остались за дверью.

— Этот тип, — сказал офицер, — требует свою девку, какую-то журналистку, говорит, увезет ее...

— Что, на Производственный? Опять... — раздраженно перебил его начальник, не стрываясь от бумаг, а тот продолжил:

— Подальше, пожалуй. На планету Земля.

Начальник хмуро глянул на меня, хотел что-то сказать, но тут зазвонил телефон, и я услышал доносившийся из трубки женский голос:

— По вашей просьбе соединяю с Кибритом Эллисом. — Я насторожился: то имя, которое упоминал Крауф.

— Да, — подтвердил начальник тюрьмы, энергично кивая головой, — попечитель безопасности уже опознан. Со вчерашней партией заключенных... Самые...

В трубке опять раздался рокошующий голос. Видимо, Эллис говорил что-то неприятное для начальника тюрьмы, потому что тот начал оправдываться в чем-то и вдруг сказал:

— Да, сойти с ума в этой обстановке легко. У меня, к примеру, сидит посетитель, который собирается лететь на Землю, только для полного счастья ему не хватает какой-то корреспонденции... Сейчас она под стражей в лазарете.

И когда Эллис что-то заговорил в ответ, лицо начальника тюрьмы напряглось, он поднял на меня встревоженные глаза.

— Будет исполнено, слушаюсь, ждем вас... — Повесил трубку и приказал: — В особую. Под двойную.

Офицер охраны протянул руку к кобуре.

Я понял — нельзя терять ни минуты.

Прием джиу-джитсу свалил с ног офицера охраны. Тяжелый двухтумбовый стол опрокинул начальника тюрьмы. Дверь я выбил ногой.

Когда стол опрокинулся, к моим ногам упал пистолет. Я поднял его и затаился у стены. Немного переждав, спокойно вышел во двор. Передо мной неожиданно появился дежурный.

— Ну что, нашел красотку? Если она не у нас, значит, приказала долго жить. Кто тебе пропуск подписал?

Я похолодел. Оттягивая время, принялся рыться в карманах. Дежурный ждал. Потом вдруг спросил:

— А есть ли он у тебя? — И подозрительно глянул мне в лицо.

Я сжал в кармане пистолет.

Но тут над двором застрекотал вертолет. Дежурный присвистнул и, мгновенно забыв обо мне, бросился к помещению начальника тюрьмы. Это был вертолет Эллиса — на нем светились опознавательные знаки бывшего Верховного ведомства.

Стоя у тюремной стены, я обдумывал свои возможности. Я один на один выхожу на вожака палачей — Эллиса. Здесь, в тюрьме, почитать безопасность правительства Оуна. Он мой союзник, значит, его нужно освободить. Эх, где мои «железные малыши» с их лазерными пальцами... Впрочем, я не имею права выпускать их на поверхность обитаемой планеты. Они могут стать оружием насилия. И стали бы в этой ситуации, включившись на программу «космолетчику грозит опасность...».

К вертолету подали легкий трап, первым спустился аркосец в нарядном костюме. Судя по всему, это и был Эллис. Неплохо бы вытрясти из него душу! И тут у меня созрел план.

Едва Эллис и его сопровождающие отошли от вертолета, я направился к машине. Трап убрали. Но подтянуться на руках — дело пустячное. Рванул скобы дверцы — она легко отошла. В вертолете был пилот. Пришлось опять вспомнить борцовский ковер. Бросок через себя — надеюсь, я не очень повредил пилота...

Пока я был в безопасности. Но в кабинете начальника тюрьмы уже началась суматоха. Во дворе появились охранные отряды. Ясно, ищут меня. Дежурный дает указания, горячится, размахивает руками. Он видел меня последним...

Я включил двигатели. Наугад нажимая кнопки, нашел механизм цепляющего фала. Рванул вертолет хвостом к тюремному зданию, выпустил фал к оконным решеткам, крюком захватил одну из них на втором этаже, со всей силой потянул на себя ручку управления. Машина резко пошла вверх. Раздался страшный треск. Я оглянулся: решетки окон, видимо, были сблокиро-

ваны — обрушилось полстены. Из разлома посыпались люди. Охрана, преодолев минутную растерянность, бросилась к ним, выстраиваясь в цепь. Я сделал крутой низкий вираж. Уши ломило от грохота! Лопасты едва не касались людских голов. Я бросил фал к решеткам первого этажа. Заключенные, видимо, ждали этого. Они поспешили на помощь — кто-то ловил фал, цеплял его, кто-то помогал расчищать выломанную стену, помогал выбираться из-за нее людям... Пошла рукопашная.

Эллис! Он пробирался вдоль стены к воротам. Ну нет, этого я не могу допустить! Он не уйдет. Он останется здесь — живой или мертвый... Я посадил вертолет и бросился вдогонку. Эллис, лавируя среди толпы, шел к караульному помещению. Я кинулся наперерез. Он заметил меня и понял мой маневр. Долю секунды мы стояли друг против друга, словно каждый оценивал возможности противника. Эллис кинулся в сторону. Я упал ему в ноги, он неловко рухнул, на его пиджаке разошелся шов. За прореху в пиджаке я и уцепился. Но Эллис успел из него выскользнуть. Я выхватил пистолет. Эллис опередил меня — пуля обожгла мне предплечье. Прячась за спинами заключенных, он начал отходить. Стрелять я боялся — можно было задеть окружающих.

Вскоре я почти настиг его. Пистолет Эллиса дал осечку, и тогда он пошел в лобовую. Его удар пришелся по раненому предплечью. Я осел от боли. Он бросился, чтобы меня добить. Следующий удар — рукояткой — пришелся по голове, сознание поплыло. Я успел лишь подставить ногу. Он упал, но, быстро поднявшись, бросился к стоящему неподалеку тюремному грузовику.

— Держите его! — закричал я. — Держите!!!

Последнее, что я видел, это толпа, шарахнувшаяся от бешено мчащегося грузовика. Сидевший за рулем Эллис гнал машину к воротам. Удар, звон разбитого стекла — и машина исчезла за поворотом.

...Я очнулся от острой боли.

— Главное, кости целы, — надо мной склонилось лицо, показавшееся знакомым, — а мясо нарастет. Рана пустячная, не тревожьтесь. Можете встать?

Я узнал его. Не мог не узнать, потому что надеялся на встречу с ним. Попечитель безопасности, поддерживая меня под руку, тихо сказал кому-то:

— Его тоже надо переодеть. Комбинезон и рана могут вызвать подозрение.

Портовый контроль, проверяющий пропуска у группы охранников, не обратил никакого внимания на человека в серо-полосатом костюме и грязной обуви. Группа в форме тюремной и полицейской охраны взяла торпедный катер и отправилась в открытое море. Контроль не видел, что этот человек, едва державшийся за поручни палубы, указывал дорогу.

ЭПИЛОГ

Когда все разошлись, у памятника остались двое.

Вилли Клаузен положил руку на плечо Мануэлы:

— Ваш дядя, кажется, знал его?

Мануэла Крауф, автор проекта, тихо ответила:

— И любил его. И спас его.

— Для того, чтобы землянин спас всех нас...

Они замолчали, глядя на силуэт стройного человека, протягивающего руки к миниатюрной аркосской женщине.

— Это она? — спросил Клаузен.

— Да, Бэки Гек. Вот судьба! Ведь и дядя любил ее...

— А на Беане мы поставили совсем другой памятник. Землянин у нас такой, каким мы его впервые увидели и запомнили: он выходит из своего корабля, в руках шлем, лицо, подставленное ветру..

И не сговариваясь, они подошли к пьедесталу, чтобы еще раз прочесть надпись:

«Планета Аркос говорит тебе спасибо, Человек Земли, за возвращение наших братьев, за правду, за большой мир».